

СПЕЦХРАН СЕНСАЦИОННЫЕ МЕМУАРЫ

ОТКРОВЕНИЯ ПАЛАЧА с ЛУБЯНКИ

ПЕТР ФРОЛОВ

Кровавые
тайны 1937
года

Annotation

На их руках кровь сотен тысяч приговоренных к «высшей мере социальной защиты». Их жестокое ремесло было одной из главных тайн СССР. Они не рассказывали о своей страшной работе даже родным и близким, не вели дневников, не писали мемуаров... так считалось до издания этой сенсационной книги. Но, оказывается, один из палачей с Лубянки все же нарушил «обет молчания»! Конечно, он хранил свои записи в секрете. Разумеется, они не могли увидеть свет при жизни автора – но после его смерти были обнаружены среди личных вещей покойного и переданы для публикации ведущему историку спецслужб.

Эта книга – один из самых шокирующих документов Сталинской эпохи. Подлинные мемуары советского палача! Сенсационные откровения члена расстрельной команды, который лично участвовал в сотнях казней, включая ликвидацию бывшего наркома Ежова, и беспощадно-правдиво, во всех кровавых подробностях, поведал о своей работе, считая ее почетной обязанностью и не сомневаясь в необходимости уничтожения «врагов народа».

-
- [Петр Фролов](#)
    - [Вступление](#)
    - [Глава 1](#)
      -
      - [Комментарий Александра Севера](#)
      - [Комментарий Александра Севера:](#)
      - [Комментарий Александра Севера:](#)
    - [Глава 2](#)
      -
      - [Встреча с Берией](#)

- [Дела московские](#)
- [Знакомство с Блохиным](#)
- [Исполнители смертных приговоров](#)
- [Расстрел](#)
- [Бутово](#)
- [Спецобъект «Коммунарка»](#)
- [Расстрелы в Варсонофьевском переулке](#)
- [Глава 3](#)
  - [Спецобъект № 110](#)
  - [Расстрел Николая Ежова](#)
  - [Разговор с Блохиным](#)
  - [Комментарий Александра Севера:](#)
  - [Комментарий Александра Севера:](#)
  - [Команда Ежова](#)
- [Глава 4](#)
  - [Троцкий: бизнесмен или политик](#)
  - [Комментарий Александра Севера:](#)
  - [Троцкисты: казнокрады и вредители](#)
  - [Комментарий Александра Севера:](#)
  - [О чем не любят вспоминать правозащитники](#)
  - [Комментарий Александра Севера:](#)
- [Глава 5](#)
  - [Когда вредители начали гадить советской власти](#)
  - [Шахтинское дело](#)
  - [Комментарий Александра Севера:](#)
  - [«Московский центр»](#)
  - [Деятельность «Инженерного центра»](#)
  - [Комментарий Александра Севера:](#)
  - [Вредители и британская разведка](#)
  - [Вредители в системе снабжения](#)
- [Заключение](#)
- [notes](#)

- - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
  - [36](#)

- [37](#)
  - [38](#)
  - [39](#)
  - [40](#)
  - [41](#)
  - [42](#)
  - [43](#)
  - [44](#)
  - [45](#)
  - [46](#)
  - ■ [1](#)
-

Петр Фролов
Откровения палача с Лубянки.
Кровавые тайны 1937 года

Вступление Рукопись, найденная на антресолях

Утром 20 декабря я сидел в студии популярной московской радиостанции. В этот день в нашей стране отмечается профессиональный праздник работников органов госбезопасности и внешней разведки – День чекиста. В прошлом скандально известный телеведущий, а сейчас программный директор этой ФМ-станции решил оригинально отметить этот праздник «наследников Дзержинского». В прямом эфире в течение часа мне предстояло доказывать радиослушателям, что сотрудники НКВД были не только палачами, но и защитниками Родины. Что еще можно обсуждать в рамках темы: «Репрессии 1937 года и органы госбезопасности».

Ведущая, очаровательная дама, предупредила меня перед прямым эфиром: несмотря на то что ее отец был сотрудником внешней разведки, по отношению к отечественным спецслужбам она настроено резко отрицательно. Впрочем, она пообещала дебатов в студии не устраивать – с этой ролью прекрасно справятся радиослушатели. Женщина ошиблась – все звонившие хвалили Сталина. Как говорится, хотели как лучше, а получилось как всегда.

После окончания передачи я вышел в коридор. Мое место занял новый гость. Ко мне подскочила редактор и вручила листок бумаги, протараторив:

– Звонила пенсионерка. В эфир просила не выводить. Оставила свой телефон. Попросила вас перезвонить. Сказала, что у нее есть интересный материал. Мемуары отца...

Последние слова редактор произнесла, повернувшись ко мне спиной: она торопилась вернуться на свое рабочее место – принимать звонки радиослушателей. Мельком взглянув на листок, я сунул его в карман.

Ближе к вечеру я позвонил по указанному номеру и договорился о встрече. Честно говоря, ехать мне не хотелось – не верил, что этот визит будет результативным. Мемуары, скорее всего, были написаны неразборчивым старческим почерком. На расшифровку текста уйдет как минимум месяц, а то и больше. Все мучения ради того, чтобы прочесть набор здравниц в честь Сталина и сцен из жизни писавшего. Возможно, что автор на самом деле не бывший чекист, а обычный графоман.

Кирпичный «сталинский» дом в районе метро Фрунзенская. Бдительная старушка-консьержка, которая долго выясняла, к кому и зачем я пришел. Квартира на пятом этаже. Дверь открыла пожилая дама. Пригласила войти. Через несколько минут мы сидели за столом в гостиной, пили кофе с коньяком и болтали о жизни. Точнее, говорила в основном она, а я больше слушал.

– Признаюсь, я почти ничего не читала из ваших книг, кроме «Антикоррупционного комитета Сталина» и книги о Берии^[1]. Подруга рекомендовала. Она активистка КПРФ, и мы с ней часто по этому поводу спорим. Зато с моим отцом они часами обсуждали, как хорошо было жить при советской власти. Просто она не была за границей и не знает, что можно жить иначе. Мы с мужем, к сожалению, покойным, – она печально вздохнула, – много лет прожили за рубежом. Сережа был дипломатом. Впрочем, это не по теме нашего разговора. Мой отец с 1938 по 1954 год служил на Лубянке. И до самой смерти считал, что при Сталине в

стране был порядок, а все жертвы политических репрессий пострадали за реальную – а не мифическую – антисоветскую деятельность. Если бы чекисты не ликвидировали «пятую колонну» в 1937 году, то СССР не смог бы победить в войне. Отец рассказывал, что присутствовал при расстрелах. Сам он не стрелял, – поспешила добавить она, – лишь документы оформлял вместе с врачом и прокурором. Вас это не шокирует? – спросила она с тревогой в голосе.

– Что именно? – осторожно произнес я, тщательно подбирая слова. – Что он присутствовал при расстрелах? Не он ведь подписывал смертные приговоры. А мое отношение к большинству чекистов – тех, кто не запятнал себя избиением подсудимых на допросах, – вам известно из моих книг.

– Это хорошо, – с облегчением произнесла собеседница. – Просто многие мои знакомые негативно воспринимали отца только из-за того, что он служил в НКВД. Они считали эту организацию преступной и часто сравнивали ее с гестапо. А если бы узнали, что он присутствовал при расстрелах... – Она замолчала.

– Нескромный вопрос: как эти люди относятся к Никите Хрущеву? Как к разоблачителю «культа личности» или как к человеку, подписавшему десятки тысячи смертных приговоров жителям Москвы в 1937–1938 годах, когда он был секретарем столичного горкома? Наверно, как к инициатору «оттепели» и противнику тоталитаризма. Для них он герой, а ваш отец – плохой человек. Хотя по логике должно быть наоборот, или по крайней мере Хрущев повинен в репрессиях точно так же, как и Сталин. Ваш отец был всего лишь исполнитель и, наверно, искренне верил в то, что все казненные совершили реальные преступления и опасны для страны. Чего не скажешь о Хрущеве.

– Не знаю... – растерянно произнесла она. – Об этом я и не задумывалась... Вы хотите сказать, что мой отец был простым исполнителем, а Хрущев действовал осознанно, а потом ради борьбы за власть стал антисталинистом?

– Не все так просто. Ваш отец и Хрущев действовали в рамках существовавшей на тот момент ситуации. И оба искренне верили, что поступают правильно. Другое дело, что один на всю жизнь сохранил веру в это, а другой – нет. Честно говоря, к людям, не менявшим свои взгляды в угоду политической конъюнктуре, я отношусь лучше, чем к политическим «перевертышам».

– Вы бы с отцом, наверно, смогли общаться. У вас взгляд на прошлое отстраненно-нейтральный. Ему были симпатичны такие люди. Назвать его фанатичным сталинистом сложно. Скорее прагматиком, который в 1954 году почувствовал изменение ситуации и ушел из органов. Преподавал историю в военном вузе. После войны он окончил заочно пединститут, потом защитил диссертацию и в хрущевскую «оттепель», а потом и в брежневский «застой» сеял великое и ценное в умы офицеров советской армии.

– А как из чекистов попал в военные? – удивился я.

– Долгая и запутанная история. После окончания погранучилища был распределен на Дальний Восток. Оттуда переведен в Москву – в центральный аппарат НКВД. Отец шутил, что служил «канцелярской крысой в фуражке» – в архивном отделе. Там хранились все следственные дела осужденных, в том числе и приговоренных к расстрелу. Когда человека казнили, то отец писал соответствующую справку и подшивал в дело репрессированного. Во время войны отец служил в «Смерше». Как он сам рассказывал, военная контрразведка постоянно испытывала дефицит кадров из-за высоких потерь на передовой. Вот его и перевели из архивного отдела в оперативное подразделение.

Одновременно начал преподавать на курсах, где обучали военных чекистов. Именно тогда он понял, что его истинное призвание – учить молодежь. Так он объяснял свое решение сначала окончить институт, а потом уйти на преподавательскую работу.

– И он преподавал историю? – удивился я.

– Не знаю, – честно призналась она. – Отец никогда дома не рассказывал о своей работе. Во всех анкетах я указывала военный вуз и должность – преподаватель. Этого было достаточно для того, чтобы меня вместе с мужем КГБ выпустил за границу...

– Вы говорили о рукописи, – аккуратно напомнил я о причине своего визита. Мне несколько раз приходилось общаться с детьми высокопоставленных чекистов. Служба в органах в эпоху Сталина наложила на этих людей обет молчания. Большинство из них не только не написали мемуаров, но и ничего не рассказали своим родственникам. Вот и сейчас я рисковал после беседы уехать домой с пустыми руками.

– Да-да, совсем заболталась, – воскликнула собеседница. – В начале девяностых годов, когда о Сталине разрешили говорить правду, отец решил написать воспоминания. Его раздражала политическая ангажированность и субъективизм большинства изданных в то время книг.

– Он все их читал? – недоверчиво спросил я, подсчитав в уме, что в то время ему должно было быть не меньше девяноста лет. Мало кто в таком возрасте сохраняет светлый ум.

– Разумеется, не все. Очень мало. Большинство просто просматривал. Он почти каждый день в «Ленинку» (Российская государственная библиотека. – *Прим. авт.*) ходил, как на работу. Решил он свои воспоминания написать. Года три трудился, если не больше. Сам на печатной машинке их печатал. Вам

когда-нибудь приходилось пользоваться печатной машинкой? – подозрительно спросила она.

– Да, в далекой юности, когда еще компьютеров не было. И до сих пор для меня загадка, как люди писали с помощью печатной машинки монографии и романы – ведь это такой каторжный труд, – признался я.

– Для меня тоже. А отец смог, – с гордостью сообщила она. – В 1997 году он отнес рукопись в московское издательство. Офис находился в районе Тверской улицы. Там отец познакомился, как он потом сам сказал, с коллегой из разведки и интересным собеседником. Они вдвоем долго возились с текстом, пытаясь сделать его интересным для читателей... Его новый приятель, а они подружились, был профессиональным журналистом и в советское время работал в ТАСС... Книга так и не была издана... В течение одного месяца я потеряла отца и мужа... Где-то года через два, когда я чуть пришла в себя, попробовала отыскать рукопись, чтобы все же напечатать ее как память. Для отца было очень важно опубликовать свои мемуары. Деньги его не интересовали. Редактор сразу предупредил, что на гонорар рассчитывать не нужно. Может, заплатят, а может, нет. Отцу его военной пенсии хватало... В его записной книжке я обнаружила телефон редактора – домашний. Позвонила – мне сказали, что он умер. Издательство тоже исчезло. Остались лишь изданные им книги. Тогда я решила, что судьбе угодно, чтобы рукопись отца не была опубликована... А примерно месяц назад, когда мой сын разбирал вещи на антресолях, обнаружил вот это...

Она встала и, хромая на правую ногу, подошла к книжному шкафу. Только сейчас я заметил, что одно колено у хозяйки толще, чем другое. Так вот почему она заранее сервировала стол! Ей трудно ходить.

Почувствовав, куда направлен мой взгляд, она буднично сообщила:

– Проблемы с суставом. Меня ожидает операция. Отпраздную Новый год с детьми и внуками – и в больницу. – Она печально и обреченно вздохнула. – Врачи говорят, что все будет хорошо, а меня мое сердце смущает. Возраст все же. Вот и попросила сына разобрать завалы на антресолях. И вот что он обнаружил...

Она что-то взяла с полки и повернулась ко мне. Дочь чекиста держала в руках старую картонную папку светло-синего цвета с белыми тесемками-завязками. Торжественно положив ее передо мною, пояснила:

– Первая часть рукописи. Скорее всего, это отредактированный вариант.

– Вы уверены, что это его текст? – настороженно спросил я. Было несколько случаев, когда мемуары живших в сталинскую эпоху редактировались в соответствии с требованиями политической конъюнктуры. Происходило это обычно в советское время. Сейчас иная картина. В современной России авторы и издатели старались впихнуть в текст максимальное количество различных придуманных сенсаций.

– По крайней мере биография не противоречит его рассказам. Отдельные эпизоды, например знакомство с мамой, знали только близкие люди. Хотя там есть эпизоды, о которых он никогда мне не рассказывал. Например, о том, как сам участвовал в расстреле. Я думаю, что он должен был прочесть отредактированную книгу перед тем, как ее отправят в типографию. К сожалению, он не успел. Первая часть заканчивается июнем 1941 года. Вторая – служба в «Смерше». А третья – послевоенный период и его отдельные статьи. Возможно, было запланировано три тома. К сожалению,

авторского договора пока не нашли. Может, и не было этого документа.

С жадностью я посмотрел на папку. Вот почему эти мемуары не были опубликованы десять лет назад. Автор и редактор умерли, издательство разорилось. И никто все эти годы не пытался искать рукопись.

– Интересно? – с улыбкой спросила она. – Я могу отдать ее вам, но при одном условии. Вы можете использовать ее для своих книг, но при этом не будете указывать настоящее имя моего отца, а также детали его биографии, по которым его можно идентифицировать. Я не хочу, чтобы меня и моих детей называли дочерью и внуками палача с Лубянки! Для всех он был обычной «канцелярской крысой в фуражке». Сидел в кабинете, бумажки перебирал. Если вас устраивает такой вариант, то забирайте. Как вы распорядитесь рукописью – ваше дело. У вас – ксерокопия, оригинал я оставила у себя – как память об отце. Согласны?

– Да, конечно. – Я энергично закивал головой.

– Тогда забирайте. Когда прочтете – позвоните. Мне интересно ваше мнение как историка.

Я горячо поблагодарил ее, взял три папки и отвез их домой. Признаюсь честно, предновогодняя суэта не позволила сразу прочесть рукопись. Только в середине января я открыл первую папку и начал бегло просматривать лежащие в них листки. Первую главу – воспоминания автора о детстве и юности – я читал «по диагонали». Родился и вырос в областном городе Орле в семье машиниста паровоза. После школы поступил в пограничное училище. Окончил его и был направлен для прохождения службы на Дальний Восток. Обычная биография, подробности которой интересны только близким родственникам автора, да и то не всем.

Зато начиная со второй главы – описание службы на Дальнем Востоке – я читал текст медленно и

внимательно, фиксируя в памяти каждую деталь. Волей случая автор оказался сначала свидетелем и невольным соучастником бегства в Маньчжурию высокопоставленного офицера НКВД Генриха Люшкова, затем присутствовал при расстреле наркома внутренних дел Николая Ежова.

Эти два эпизода и стали основой для данной книги. За прошедшие пятнадцать лет с момента написания рукописи стало известно множество новых подробностей описанных автором событий. В конце девяностых годов книга могла бы стать громкой сенсацией. Сейчас она была бы интересна только узкому кругу историков и специалистов, которые словно золотоискатели выбирали бы из нее самородки новой информации. Поэтому я решил снабдить рукопись своими комментариями, сообщив то, что по тем или иным причинам не написал сам автор – Петр Фролов^[2].

Из рукописи этого человека я взял вторую, третью и четвертую главы: «Служба на границе», «В центральном аппарате» и «Правда о «врагах народа» и переделал их в пять глав, разбив при этом на подглавки. Все заголовки (глав и подглав) пришлось придумывать заново. Это единственное серьезное вмешательство в авторский текст.

Александр Север

Глава 1

С погранзаставы в камеру Лубянки

В середине июня 1938 года на заставу «Пакшекори» 59-го Посьетского погранотряда, где я служил заместителем начальника заставы, прискакали двое всадников. Их появление сразу привлекло внимание свободных от несения службы немногочисленных пограничников. Уже три месяца мы ожидали нападения японцев. Вокруг нашей заставы были вырыты окопы полного профиля и оборудованы замаскированные огневые точки. Несколько раз в неделю проводились учения по действиям личного состава заставы в случае использования противником химического оружия. Бойцам раздали боеприпасы. С застав семьи офицеров были отправлены в глубь страны.

Если одетый в перетянутую портупеей гимнастерку цвета хаки и зеленую фуражку начальник 5-го отделения штаба погранотряда старший лейтенант Аргунов Виктор ничем не выделялся на фоне других офицеров-пограничников, то его спутник сразу стал объектом повышенного внимания со стороны свободных от охраны границы солдат. Ведь им каждый день напоминали о том, что враг затаился где-то рядом и может принять любое обличье. А тут подозрительный тип в нелепом для приграничной полосы наряде.

На голове гостя красовалась светло-синяя фуражка офицера НКВД, а в петлицах на гимнастерке – три ромба: комиссар госбезопасности 3-го ранга (соответствовало армейскому званию генерал-майора. – *Прим. ред.*). Хотя в тридцатые годы погранвойска входили в состав НКВД, но они были относительно

автономной структурой, так же как и милиция или пожарные. Каждое из этих ведомств занималось решением своих узких задач. Милиция обеспечивала общественный порядок и боролась с уголовной преступностью. Пожарные тушили пожары. А пограничники охраняли государственную границу и ловили нарушителей. Крайне редко руководители краевых и республиканских органов внутренних дел посещали погранзаставы.

Меня насторожило еще и то, что высокопоставленного офицера НКВД сопровождал человек, который отвечал за организацию разведки в погранотряде. 5-е отделение штаба занималось вопросами пограничной разведки и не подчинялось разведотделу УНКВД по Дальневосточному краю или штабу Дальневосточного военного округа. Это нам еще в училище объяснили.

Аргунов и раньше появлялся у нас с кем-либо из проживавших в приграничной зоне советских корейцев. Правда, не на самой заставе, а в ее окрестностях. Там, где укажет начальник нашей заставы. Туда подходил я или другой заместитель начальника заставы – Самохин Виктор, а потом кто-то из нас вел гостей к самой границе – к тому месту, где было организовано «окно», через которое агент должен был тайно проникнуть на территорию Маньчжурии. Там старший лейтенант прощался с лазутчиком, часа два внимательно наблюдал за происходящим на чужой территории, а потом мы вдвоем возвращались на заставу. Доложив начальнику заставы о проведенной операции, он уезжал в штаб пограничного отряда. Иногда мы, наоборот, ждали прихода агента с сопредельной территории – часами лежа в секрете. Бывали дни, когда мы уходили с границы, так и не встретив разведчика. Когда это случилось впервые, я, видя мрачное лицо Аргунова, предположил:

- Может, он завтра придет. Я ребят предупрежу, чтобы они если нарушителя обнаружат, то поаккуратнее его задерживали.

- Нет, - глухо ответил спутник, - он уже не вернется. Либо его японцы схватили, или он пока еще скрывается от них... Он знает, что «окно» для него только сегодня открыто или через три дня. Не будет он просто так рисковать. Три «ходки» успешных и четвертая... Жалко парня. У него здесь подруга осталась.

- Так зачем он рисковал тогда? - удивленно спросил я.

- Зачем? - машинально переспросил собеседник. - Он родился и вырос здесь. И это не только наша с тобой, но и его Родина. И ради нее мы все трое жизнью рискуем. Ты здесь давно служишь?

- Второй месяц пошел, - гордо заявил я.

- А я уже три года. И много чего повидал. Тишина на границе - она обманчива. Японцы еще с Гражданской войны все пытаются наш Дальний Восток захватить. Силы копят, чтобы на нас напасть. Неясно, правда, где они нанесут первый удар. Вот для этого советские граждане из числа корейцев по заданию штаба нашего погранотряда тайно проникают на территорию Маньчжурии. Хотя и враг не дремлет и сам регулярно засылает к нам шпионов и диверсантов. Обычно корейцев. Их очень много живет по обе стороны границы. И очень сложно понять, кто из них друг, а кто враг...

Комментарий Александра Севера

«Иосиф Сталин решил эту задачу просто. В сентябре 1937 года 172 тысячи этнических корейцев были выселены из приграничных районов Дальнего Востока на новое место жительства, в Среднюю Азию. Это были некоторые районы Казахстана и Ташкентская область Узбекистана. Это мероприятие было проведено на основании совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) № 1428-326 «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». Цитируем данный документ:

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) постановляют:

В целях пресечения проникновения японского шпионажа в Дальневосточный край провести следующие мероприятия:

1. Предложить Дальневосточному крайкому ВКП(б), крайисполкому и УНКВД Дальневосточного края выселить все корейское население пограничных районов Дальневосточного края: Посьетского, Молотовского, Ханкайского, Хорольского, Черниговского, Спасского, Шмаковского, Постышевского, Бикинского, Вяземского, Хабаровского, Суйфунского, Кировского, Калининского, Лазо, Свободненского, Благовещенского, Тамбовского, Михайловского, Архаринского, Сталинского и Блюхеровского и переселить в Южно-Казахстанскую область, в районы Аральского моря и Балхаша и Узбекскую ССР.

Выселение начать с Посьетского района и прилегающих к Гродеково районов.

2. К выселению приступить немедленно и закончить к 1-му января 1938 года.

3. Подлежащим переселению корейцам разрешить при переселении брать с собой имущество, хозяйственный инвентарь и живность.

4. Возместить переселяемым стоимость оставляемого ими движимого и недвижимого имущества и посевов.

5. Не чинить препятствий переселяемым корейцам к выезду, при желании, за границу, допуская упрощенный порядок перехода границы...

11. Увеличить количество пограничных войск на 3 тысячи человек для уплотнения охраны границы в районах, из которых переселяются корейцы.

12. Разрешить Наркомвнуделу СССР разместить пограничников в освобождаемых помещениях корейцев.

*Председатель Совета Народных
Комиссаров Союза ССР В. Молотов*

*Секретарь Центрального Комитета
ВКП(б) И. Сталин».*

Можно предположить, что решение о проведении депортации было принято весной 1937 года. Именно тогда со страниц советских газет зазвучали обвинения в адрес проживавших на территории Дальнего Востока корейцев. Так, газета «Правда» в номере от 23 марта 1937 года рассказывала о задержании корейцем-колхозником засланного японцами на советскую

территорию шпиона-корейца. В статье, в частности, сообщалось:

«Шпион-кореец. Он «работает» на своих хозяев – японцев – не первый год. Самые подлые, кровавые дела поручали ему... Недавно японский жандармский офицер поручил ему разведать, силен ли советский строй на Дальнем Востоке. Шпиону мерещились новые тысячи иен. Он согласился отправиться через границу. Поздней ночью шпион двинулся в путь. Но едва он вступил на советскую землю, как его задержал кореец-колхозник. Испытанное оружие провокатора – национальное родство – дало на этот раз осечку. Шпион просчитался. Корейцы – советские граждане – научились распознавать врага. Советский патриот-кореец доставил куда следует врага своего народа. Человекообразный хищник обезврежен».

Газета «Правда» в номере от 10 июля 1937 года поместила статью «Подрывная работа японской разведки», которая сообщала, что японцы внедряют своих шпионов в корейское национально-освободительное движение и создают фиктивные «революционные корейские организации» для раскола общего национально-революционного фронта корейских трудящихся. «Японская агентура, – говорилось в статье, – создает групповую и фракционную борьбу среди корейских общественных организаций, стремится разложить их изнутри и заодно подготовить материалы для новых вербовок».

Газета «Известия» в номере от 4 сентября 1937 года сообщила о том, как с помощью председателя пограничного корейского колхоза «Борьба» Ким Иксена пограничники задержали переброшенного японцами из Маньчжоу-Го корейца-шпиона.

Понятно удивление автора мемуаров, когда он увидел на территории погранзаставы офицера пограничной разведки, который не появлялся здесь,

наверно, полгода. Ведь вместо корейцев в приграничных районах разместили пограничников, которых не перебросишь с разведывательной миссией в оккупированную Японией Маньчжурию. К тому же с апреля 1938 года в пограничных и внутренних войсках, дислоцированных на территории Дальнего Востока, был введен режим повышенной боевой готовности. В Москве, не без оснований, опасались вооруженных провокаций со стороны Японии. Отдельный Дальневосточный военный округ с 1 июня 1938 года был преобразован в Дальневосточный фронт.

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

...Через две недели после нашего разговора произошло ЧП – начальник заставы вместе с пятью пограничниками вступил в неравный бой с группой нарушителей и был ранен в ногу. После лечения в госпитале он снова вернулся на нашу заставу.

В первой половине 1938 года Аргунов несколько раз появлялся в зоне ответственности нашей заставы в сопровождении группы вооруженных пистолетами и винтовками китайцев, которые раньше проживали в Маньчжурии и воевали с японцами в составе партизанских отрядов, а теперь перебрались в Советский Союз.

За сутки до появления старшего лейтенанта и «партизан» я получил приказ от начальника заставы организовать «окно» на границе. Когда впервые группа ушла в Маньчжурию, я осторожно поинтересовался у Аргунова, как эти партизаны попали в Советский Союз.

– Бывшие... – поправил он. – Теперь они полноправные советские граждане и выполняют специальные задания командования пограничных войск. Они нам границу будут помогать охранять. – И, увидев недоумение на моем лице, пояснил: – Ловить нарушителей еще до того, как незваные гости

появились на нашей территории. Сегодня к вечеру они должны одного такого доставить.

И действительно, «партизаны» вечером привели корейца.

– Агент японской разведки, – сообщил мне Аргунов, выслушав короткий доклад одного из китайцев и указав на пленника.

– А дальше что? – спросил я, не зная, как реагировать на факт похищения иностранного подданного, пусть даже и шпиона. Вот если бы его захватили с поличным на нашей территории, тогда все понятно. А так это грубое нарушение международного права, как и рейды «партизан». Хотя и японцы проделывали то же самое – пытались похищать советских пограничников и регулярно перебрасывали через границу шпионов и диверсантов.

– Дальше все просто. Партизаны на свою базу – тренироваться и готовиться к следующему рейду. Этого, – он взглянул на «агента японской разведки», – в отряд для допросов, а тебе на заставу. Доложишь обо всем случившемся своему непосредственному начальнику и забудешь обо всем, что видел и слышал сегодня.

Вот примерно при таких обстоятельствах я встречался с Аргуновым до того дня, когда он появился на заставе с подозрительным типом, одетым в форму комиссара госбезопасности 3-го ранга.

Гости сразу проследовали в домик, где находился штаб и комната Красного уголка. Через несколько минут меня вызвал командир – начальник заставы Махалин Алексей. Войдя в комнату и четко доложив о своем прибытии, я смог более детально рассмотреть незнакомца.

Спутник старшего лейтенанта мне сразу не понравился. Типичный местечковый еврей с усиками, как у Гитлера. На гимнастерке две награды: орден

Красной Звезды и орден Ленина. Взгляд у визитера был какой-то испуганный и затравленный. Словно его поймали за подготовкой чего-то противозаконного. Подозрительным было еще и то, что, несмотря на высокое звание и боевые ордена, держался он как-то скованно и испуганно озирался по сторонам, словно опасаясь чего-то.

Оба пограничника выглядели сильно растерянными и смущенными, словно им приказали выполнить что-то противозаконное. Что именно, я понял, когда услышал распоряжение начальника погранзаставы:

– Завтра утром, с 5 до 8 часов, организуешь «окно» на 7-м участке. Из Маньчжурии должен прийти агент, на встречу с... – Он вопросительно взглянул на Аргунова.

– Комиссаром госбезопасности 3-го ранга, – поспешно подсказал офицер пограничной разведки и добавил, словно боялся, что Махалин случайно скажет что-то лишнее: – Мы сами пройдем на 7-й участок и вернемся обратно самостоятельно. Все секреты и дозоры в районе проведения встречи нужно снять!

Вот что вызвало смущение и растерянность обоих пограничников! Непонятно кем (для автора мемуаров. – *Прим. ред.*) отданный приказ о том, что встреча неизвестного комиссара 3-го ранга с агентом пройдет без контроля со стороны офицеров погранзаставы! Разумеется, граница на 7-м участке будет оставаться «на замке», правда для всех, кроме гостя. Фактически в течение нескольких часов он будет находиться на нейтральной полосе! А вдруг его решат захватить японцы! Неделию назад на заставе соседнего погранотряда трое японцев попытались похитить советского пограничника. Двое находившихся в секрете бойцов уже приготовились захватить нарушителей, но внезапно взлетевший фазан заставил самураев обратиться в паническое бегство.

- Вам все ясно? - жестко произнес Махалин, обращаясь ко мне, и поспешно добавил, опасаясь моих возражений: - Тогда выполняйте!

- Никак нет! - четко отпартовал я. - Считаю данное распоряжение нарушением приказа начальника погранотряда от 15 апреля, согласно которому категорически запрещается находиться в приграничной полосе в дневное время суток военнослужащим пограничной охраны в одиночку, а тем более представителям среднего командного состава погранотряда. Требую письменного приказа командира погранотряда или лица, его замещающего!

Махалин снова вопросительно взглянул на Аргунова. Наверно, у последнего был такой приказ, но по какой-то причине я не имел права прочесть этот документ. Я ведь и раньше, когда организовывал «окна» в интересах пограничной разведки, не знакомился с соответствующими распоряжениями. По должности мне не полагалось знать подробности организации разведдеятельности. Тогда, правда, перед первым совместным с Аргуновым выходом на границу я ознакомился под подпись (расписался. - *Прим. ред.*) с несколькими документами, регламентирующими организацию таких мероприятий. Эти документы хранились в одном из сейфов в штабе погранотряда. И в них ничего не было сказано о том, что с агентом из числа иностранных граждан может встречаться лицо старшего начальствующего состава НКВД. Было там упоминание об офицерах из разведотдела штаба Дальневосточного военного округа, но это была Красная Армия, а не НКВД. Военные тоже регулярно перебрасывали на сопредельную территорию агентов, но помогал им в этом не я, а Самохин. Если визитер на самом деле офицер Красной Армии, а форму НКВД надел для маскировки, то почему для организации «окна» вызвали меня? Может быть, для военной

разведки есть свои правила, с которыми знаком Самохин, и офицерам РККА можно находиться на нейтральной полосе без сопровождения двух пограничников. Странно все это. Надо будет доложить о происходящем оперуполномоченному Особого отдела (военная контрразведка. – *Прим. ред.*) Ключеву. Как раз он завтра должен после обеда прибыть на нашу заставу. А что сейчас делать? Ведь приказ Махалина придется выполнять! Странно, что незнакомец в форме комиссара госбезопасности молчит все время. Не вмешивается в наш разговор. Почувствовав, что его миссия на грани срыва, он резко извлек из кармана служебное удостоверение и, четко выговаривая каждое слово, негромко, словно боялся, что кто-то подслушивает наш разговор за дверью, отчеканил:

– Устного приказа начальника Управления Наркомата внутренних дел по Дальневосточному краю будет достаточно?

Он продемонстрировал мне красную книжечку со своей фотографией и указанием должности. Присутствующие при этой сцене двое пограничников побледнели. В какие-то доли секунды затравленный человек превратился в сильного и уверенного чекиста, чьи распоряжения хотелось выполнять немедленно и не задавать глупых и бессмысленных вопросов. Произошедшее ввело всех нас – троих пограничников, которые немало повидали за время службы на границе, в состояние шока. В том, что гость действительно начальник УНКВД по Дальневосточному краю, а не самозванец или вражеский шпион, в этом мы не сомневались. Иначе Аргунов просто бы не привез его на погранзаставу. Значит, командир погранотряда знал имя и должность этого человека, но по какой-то причине решил сохранить его инкогнито, приказав своему подчиненному выполнять все приказы комиссара госбезопасности 3-го ранга.

– Если достаточно, то выполняйте! – распорядился начальник УНКВД по Дальневосточному краю.

Я все же написал рапорт на имя Махалина, где указал все нарушения, которые были связаны с организацией визита гостя на границу. Прочтя этот документ, начальник заставы поморщился, но все же расписался и указал время ознакомления. После этого он спрятал бумагу в сейф. Этим рапортом я не ограничился. Понимал, что из-за тревожной обстановки на границе я не смогу лично поговорить завтра с Ключевым, поэтому подготовил сообщение и для военного контрразведчика и позаботился о том, чтобы оно при любых обстоятельствах попало к адресату. Впоследствии эти документы спасли мне не только жизнь, но и позволили остаться на свободе.

На следующее утро Аргунов вместе с начальником УНКВД по Дальневосточному краю ушли на 7-й участок. Я отдал необходимые распоряжения по временному переносу секретов и маршруту прохождения по дозорной тропе пограничных нарядов. Возможно, я бы сумел убедить Махалина разместить в районе 7-го участка дополнительную группу, чтобы в случае чего прийти на помощь Аргунову, но японцы спутали мои планы. На соседней заставе произошел прорыв границы – на нашу территорию проникла группа из семи диверсантов. Застава была поднята в ружье. Я возглавил оперативную группу, которая участвовала в поиске нарушителей. В ходе перестрелки троих бандитов мы уничтожили, оставшиеся были захвачены живыми. Усталый, промокший и вымазанный грязью, я вернулся на родную погранзаставу только под утро следующего дня.

В кабинете начальника погранзаставы за письменным столом сидел зам. командира погранотряда капитан Алексеев. Рядом на табуретках пристроились Ключев и Самохин. Первая моя мысль,

когда я увидел этих людей, – что-то случилось с Махалиным. Капитан зло взглянул на меня и сообщил:

– Приказом командира пограничного округа с 17 часов вечера 12 июля 1938 года исполняющим должность начальника погранзаставы назначен лейтенант Самохин. Лейтенант Махалин временно отстранен от должности в связи с проведением служебного расследования. В связи с тем, что вы способствовали побегу за границу лица начальствующего состава НКВД, в отношении вас назначена доследственная проверка. Поэтому приказываю вам сдать личное оружие и документы.

Комментарий Александра Севера:

«Рассказанная автором история побега Генриха Люшкова отличается от канонической версии, которая с большей или меньшей степенью детализации описана в отечественной литературе. В качестве примера процитируем фрагмент книги Николая Великанова «Измена маршалов»:

«Комиссар НКВД выехал на проверку состояния границы с Маньчжурией. Трое суток инспектировал пограничные подразделения, объявлял тревоги, проверял бдительность пограничников в нарядах. С особой тщательностью он изучил участок 59-го Посьетского погранотряда. Ночью 13 июня Люшков вместе с начальником отряда К. Гребенником и заместителем начальника разведотдела краевого управления лейтенантом госбезопасности К. Стрелковым вышли к запретной зоне границы. Здесь Стрелкову было приказано подождать в условленном месте, а с начальником заставы Люшков двинулся непосредственно в зону. Начальник УНКВД сказал Гребеннику, что он намерен встретиться в «окне» с нелегальным агентом из Маньчжурии. По инструкции никто не должен видеть агента. Поэтому Люшков велел пограничнику подвести его к «окну», а затем отойти на полкилометра и ждать дальнейших распоряжений.

Начальник погранзаставы ждал час, два – Люшков не возвращался. Заподозрив недоброе, рискуя за нарушение инструкций попасть под трибунал, он решился подойти вплотную к «окну» – комиссара НКВД нигде не было видно. Страшное подозрение пронзило пограничника, он бросился к скрытой телефонной розетке, отдал команду поднять заставу в ружье...»^[3]

Красивая версия, вот только тогда граница не была еще оборудована телефонной связью. Хотя это мелочь по сравнению с дальнейшей судьбой начальника отряда Кузьмы Евдокимовича Гребенника, который последним видел беглеца. Как должны были в то суровое время поступить с офицером-пограничником, который позволил уйти за кордон начальнику краевого управления НКВД? На время расследования отстранить от должности, а затем расстрелять или отправить на много лет в ГУЛАГ. Ничего этого не произошло.

Кузьма Гребенников продолжал командовать 59-м Посьетским погранотрядом до осени 1942 года. С этого времени началась его фронтовая биография. До 1 февраля 1943 года – заместитель по строевой части командира Дальневосточной стрелковой дивизии войск НКВД СССР Отдельной армии войск НКВД СССР. С 1 февраля по 8 августа 1943 года – заместитель по строевой части командира 102-й стрелковой Дальневосточной (впоследствии – Новгород-Северская ордена Ленина Краснознаменная ордена Суворова) дивизии (3-го формирования) 70-й армии последовательно Резерва Ставки Верховного Главнокомандующего и (с 15 февраля 1943 года) Центрального фронта (2-го формирования). С 8 августа 1943 года по 28 марта 1945 года – командир 15-й стрелковой Сивашской (впоследствии – вдобавок Штеттинская) ордена Ленина дважды Краснознаменной орденов Суворова и Трудового Красного Знамени УССР дивизии. В 1945 году данное соединение участвовало в боях и сражениях Восточно-Прусской и Восточно-Померанской стратегических наступательных операций и, в частности, по штурму немецкого города-порта Данциг (ныне – польский Гданьск). С 28 марта 1945 года и как минимум до конца Великой Отечественной войны – командир 37-й гвардейской стрелковой Речицкой дважды Краснознаменной орденов Кутузова, Суворова и

Богдана Хмельницкого дивизии 18-го стрелкового Краснознаменного корпуса (4-го формирования) 65-й армии (2-го формирования) 2-го Белорусского фронта (2-го формирования).

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 мая 1945 года «за мужество и героизм, проявленные при форсировании реки Одер»: комдив-37-й гвардии генерал-майор К. Е. Гребенник вышел на левый берег в рядах передового отряда 109-го гвардейского стрелкового полка. Под его руководством здесь был захвачен и в течение двух суток прочно удерживался стратегически важный для наших войск плацдарм. Кроме того, подразделения полка неустанно вели успешные наступательные бои по расширению плацдарма, и в том числе путем захвата у противника господствующих над местностью высот.

Кроме того, соединение под командованием гвардии генерал-майора К. Е. Гребенника, в результате умело организованной командованием дивизии боевой операции, овладело сильно укрепленным восточнопомеранским населенным пунктом Кольбитцов (ныне – польский Колбасково. – Прим. ред.), расположенным юго-западнее восточнопомеранского города Штеттен (ныне – польский Щецин. – *Прим. ред.*) и 2 мая 1945 года северо-восточнее немецкого города Росток, по-прежнему неустанно громя противника, с боями вышла к Балтийскому морю...».

С 3 мая 1946 года по 12 ноября 1948 года – по линии советского государства свидетель злодеяний японских милитаристов на Токийском судебном процессе Международного военного трибунала для Дальнего Востока над главными японскими военными преступниками.

В 1948 году вернулся в Пограничные войска на должность заместителя начальника войск Закарпатского пограничного округа. Затем

последовательно командовал Украинским, Ленинградским, Западным пограничными округами. В 1961 году вышел в отставку.

Вот такая биография у офицера-пограничника, который «позволил» сбежать к японцам Генриху Люшкову. Кто-то может сказать, что Кузьма Гребенников, назначенный на пост начальника погранотряда с должности командира 3-го мотомеханизированного полка Отдельной мотомеханизированной ордена Ленина дивизии особого назначения войск НКВД СССР имени Ф. Э. Дзержинского, не знал специфики организации охраны госграницы. Действительно, полком он командовал с 1931 по 1937 год. А до этого в течение 9 лет участвовал в охране госграницы с Польшей в должностях начальника заставы и отряда. В 1924 году окончил Высшую пограничную школу Объединенного государственного политического управления. До того, как стать пограничником, участвовал в Гражданской войне. Так что считать его дилетантом в вопросах организации охраны госграницы нельзя.

Начальник заставы Алексей Махалин после побега Люшкова продолжал занимать свой пост. 29 июля 1938 года он нес службу во главе пограничного наряда из десяти красноармейцев в районе озера Хасан на высоте Безымянная. На рассвете несколько групп японцев перешли государственную границу и окружили наряд. Начальник заставы организовал бой в окружении и подготовил выход бойцов из окружения. Заменял в бою убитого пулеметчика. Геройски погиб в рукопашной схватке на линии границы.

25 октября 1938 года лейтенанту Махалину А. Е. присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

...Я предполагал, что из-за визита начальника НКВД Дальневосточного края у нас будут проблемы, но такого развития событий я, честно говоря, не ожидал. Дальнейшее я до сих пор вспоминаю как кошмарный сон.

Весь день меня допрашивали Ключев и военный дознаватель – офицер из штаба погранотряда. Несколько раз я дословно пересказывал тексты рапорта на имя Махалина и сообщения для Ключева. «Следователи» все хотели выяснить, почему я, подготовив эти документы, все равно позволил Аргунову и комиссару госбезопасности 3-го ранга уйти вдвоем на 7-й участок.

Через сутки меня под конвоем сначала отвезли в Посьет, а оттуда – в Хабаровск. Там я находился в течение двух месяцев. Одиночная камера в тюрьме НКВД. На допросы меня почему-то вызывали редко. Возможно, следователи поняли, что сообщить что-то новое к уже рассказанному Ключеву я не смогу. С начальником УНКВД я познакомился накануне ЧП, возражал против нахождения последнего на границе, но подчинился приказам командования.

Комментарий Александра Севера:

«Начальник УНКВД по Дальневосточному краю Люшков традиционно изображается как сталинский палач, который из-за боязни наказания за организацию «кровавой чистки» на Дальнем Востоке сбежал из Советского Союза в Маньчжурию и поступил на службу в японскую разведку.

Рисовать портрет этого человека исключительно черными красками неправильно. Были в его жизни и светлые, можно сказать, героические, эпизоды. Правда, датировались они периодом Гражданской войны и первой половиной двадцатых годов, когда Люшков участвовал в борьбе с бандитизмом на Украине.

Много интересного можно узнать о Генрихе Люшкове из его автобиографии, которую он написал 15 августа 1923 года.

«Родился я в 1900 году в г. Одессе в семье мелкого ремесленника – портного. С 1908 по 1915 год учился в 6-классном начальном Казенном училище в г. Одессе, каковое и окончил. Затем служил в конторе в качестве конторского служащего, одновременно учась на вечерних общеобразовательных курсах, в коих прошел курс объема 6 кл. гимназии. С 1917 года был вовлечен в Революционную Бурю и вступил на 18-м году в боевую дружину Соц. Молодежи и затем в июле 1917 года и 14, 15, 16 января 1918 года при захвате Власти Советом... С наступлением немцев и переходом в подполье остаюсь в Одессе и продолжаю работать совместно с т.т. КОРНЮШИНЫМ (член ВУЦИКа) и др. В феврале 1919 года при разгроме белогвардейцами подполья, направляясь на явку, я был арестован. Из-под стражи бежал и, снабженный документами, через Николаев прибыл в Екатеринославский губком, а оттуда в Обще-

Городской Комитет к тов. АМОСОВУ. Изъявил желание пойти в Кр. Армию и был направлен под Николаев, где после взятия такового был зачислен в 1 николаевский Совполк красноармейцем-политработником. Оттуда был командирован на Центральные Военно-политические курсы Наркомвоен. Украины в Киеве. Курсы окончил со званием ответственного политработника и попал со всеми выпущенными курсантами на фронт против Петлюровцев под ст. Жмеринка. Пробыв с месяц на фронте, был отозван и командирован в распоряжение Губвоенкома, откуда прикомандирован к Киевскому Губпарткому в качестве Пом. Военного организатора. После сдачи Киева в августе 1919 года был откомандирован в распоряжение ПО АРМА 14 (Политотдел 14-й армии. – Прим. ред.) в Брянск, из ПО АРМА в качестве политрука в формировавшуюся ударную 1 отд. Стр. бригаду 14 армии. С означенной бригадой выступил в сентябре на фронт и к ноябрю после поражения деникинцев и перехода на отдых в Орел был назначен Секретарем Побрига. Вскоре бригада была расформирована и влита в 57 дивизию, где я был назначен Завпобригом 2 (заведующий политотдела 2-й бригады. – *Прим. ред.*). По расформировании Побрига был откомандирован в Подив (политотдел дивизии. – *Прим. ред.*), а оттуда в ОО (Особый отдел – орган военной контрразведки. – *Прим. ред.*) 57 див. на должность Упол. Бригадой (уполномоченного бригадой – военный чекист, отвечавший за контрразведывательное обеспечение бригады. – *Прим. ред.*), где и был на польском фронте со всей дивизией (Речицкое направление). Из ОО откомандирован в Подив, а оттуда в распоряжение Одесского Губкома для продолжения образования. Губком командировал меня в институт Гуманитарных наук, а оттуда затем и откомандирован в распоряжение Одесской ЧК, где я был назначен Упол. по военным

делам и шпионажу в Тираспольский Сек/уезд, п/отдел, а затем назначен Зам. Зав. п/отделом. Затем переведен в Вознесенский на ту же должность. Отозван в Губчека и назначен Нач. Орготделения, затем врид. Нач. АОЧ. Проработав в Одесской Губчека и ГПУ с 1920 г. по 1922 год, я ушел в отпуск, а затем с санкции ГПУ СССР откомандирован в Подгуботдел ГПУ и оттуда вместе с тов. ПОДЗАХОДНИКОВЫМ в г. Каменец, где все время и работаю. На работе в ОГЧК был ранен, между прочим, в левую руку».

В июне 1922 года его назначили зам. начальника Первомайского уездного отделения ГПУ, и вскоре под его непосредственным руководством в уезде «была ликвидирована петлюровская организация, состоявшая из осколков банд петлюровских атаманов Бондаряка и других».

С ноября 1922 г. по апрель 1924 г. Люшков работает в Каменец-Подольском пограничном отделении ГПУ уполномоченным, начальником секретно-оперативной части, помощником начальника пограничного отделения и ликвидирует «политический бандитизм и... банды петлюровских атаманов Хмары, Харченко, Гальчевского, прибывшего с петлюровскими атаманами из-за кордона; во время ликвидации были убиты атаманы Ковбасюк и другие».

Потом была работа начальником Волочиского пограничного отряда ГПУ (апрель – сентябрь 1924 года), начальником Проскуровского окружного отдела ГПУ (ноябрь 1924 года – октябрь 1925 года), начальником Информационного (октябрь 1925 года – май 1930 года), секретного (май 1930 года – апрель 1931 года) и секретно-политического (апрель – август 1931 года) отделов ГПУ СССР.

Характеризуя его работу на этих постах, председатель ГПУ СССР В. А. Балицкий писал: «В 1926 году ликвидировал ряд шпионских групп на Подолии. В

1926 году под его руководством была нащупана террористическая группа, готовившая покушение на председателя ВУЦИК тов. Петровского. Тов. Люшков в течение двух с половиной лет являлся непосредственным руководителем всей информационно-осведомительной работы ГПУ на Украине и показал себя энергичным и способным оперативным руководителем. За время своей работы в секретном, а затем в секретно-политическом отделе ГПУ УССР и возглавляя упомянутые отделы, тов. Люшков имеет большие оперативные достижения и заслуги. Под его руководством и при его непосредственном участии ряд крупных контрреволюционных повстанческих организаций были ликвидированы. Особенно значительна его роль в развороте и ликвидации дел диверсионно-повстанческих организаций – «Украинского Национального Центра» и военно-офицерской организации (дело «Весна»). Личные выезды тов. Люшкова в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных фигурантов во многом способствовали раскрытию и ликвидации упомянутых повстанческих диверсионных организаций, охвативших почти все Левобережье Украины, часть Правобережья, Волыни и Подолии, снабженных большим количеством оружия и связанных с военно-офицерской организацией в частях Красной Армии через эмиссара Гарилая».

За успешную борьбу с бандитизмом ПП (полномочным представительством. – *Прим. ред.*) на Правобережье Украины тов. Люшкову была объявлена благодарность.

Президиумом Каменец-Подольского [окружного] исполкома представлялся к награждению орденом «Красного Знамени» за успешную борьбу с контрреволюцией и бандитизмом на Подолии.

В ознаменование десятилетия существования органов ЧК – ГПУ за безупречную работу в органах ЧК – ГПУ, активную и энергичную борьбу с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом награжден ВУЦИКом боевым оружием системы «Маузер» с надписью на золотой дощечке. За долголетнюю плодотворную работу в деле борьбы с контрреволюцией, шпионажем и диверсией тов. Люшков Генрих Самойлович представляется к награждению орденом «Красное Знамя». В Москве заслуги Люшкова оценили значительно скромнее, и вместо ордена Генрих Самойлович довольствовался знаком «Почетный Работник ВЧК – ГПУ». Впрочем, Балицкий своего подчиненного в обиду не дал и, став заместителем председателя ОГПУ СССР, забрал его с собой в Москву^[4].

Процитируем «Сводку характеризующего материала по занимаемой должности, предусмотренной группсеткой приказа ОГПУ за № 234-94 1924 года, на Люшкова Генриха Самойловича». Согласно этому документу Генрих Люшков:

«1. Опытный и испытанный организатор и администратор, проявивший себя в этой плоскости, стойкий коммунист и хороший товарищ.

2. Фактически руководитель. Проявляет характер, колоссальную инициативу. Проявляет умение подбирать работников и руководить ими. Имеет организаторские и административные способности в полной мере. Способности в секретно-оперативной весьма хорошие. Трудолюбив, работоспособен на все 100 процентов. Имеет заслуги за организаторские и оперативные работы. Безусловно, следует оставить на работе в той же должности. По своей работоспособности можно использовать на самостоятельной ответственной должности начальника отдела. Энергичен и дисциплинирован. Настойчив,

выдержан. Умеет признавать свои ошибки и сделать вывод. Отношение к товарищам по службе и к подчиненным весьма хорошее, взаимоотношения с высокими инстанциями органов ГПУ прекрасные. Политически высоко развит. Умеет проявлять такт в подходе к работе, честен и строго выдержанный характер.

3. С 1 марта по 1 сентября 1923 года.

Является фактически непосредственным руководителем всей секретно-оперативной работы. Инициативу проявляет в достаточной мере. Подбирать работников умеет. Обладает организаторскими и административными способностями, но не пользуется должным авторитетом ввиду своей молодости. Имеет большие способности в секретно-оперативной отрасли работы. Работоспособен. Однако работать мешает его болезненное состояние. Болеет туберкулезом. Особых заслуг в секретно-оперативной работе не имеет, кроме повседневных, в борьбе с бандитизмом и различными проявлениями контрреволюции. Безусловно, следует оставить в этой должности. В данный момент шире использовать не представляется возможным ввиду молодости и внешнего мальчишеского вида, из-за которого он не может внушить к себе другого отношения – как к молодому товарищу, а не начальнику. Энергичен, дисциплинирован, настойчив, выдержан, владеть собой умеет. От ошибок не отказывается и вывод из создавшегося положения сделать может. Отношение к товарищам хорошее, к подчиненным товарищеское. Взаимоотношение с высшими инстанциями хорошее. Политически развит. Как особое достоинство можно отметить рвение к тому, чтобы во что бы то ни стало достигнуть намеченной цели. Недостатки не отмечены.

4. 1924 год.

Заслуженный оперативный чекист. Умеет разбираться в обстановке. Имеет авторитет у подчиненных и в советских организациях. Умеет владеть собой, военной подготовки не имеет, отношение с подчиненными товарищеское. В своих решениях настойчив, административные способности есть. Состояние здоровья болезненное. Политически подготовлен удовлетворительно. Занимаемой должности соответствует.

5. 20 декабря 1929 года.

Тов. Люшков – начальник отдела и ПК на указанной работе около 5 лет. Показал себя хорошим, крепким организатором, обладает административными способностями, знает оперативную работу с достаточной политической подготовкой, большим кругозором. Обладает большим тактом, пользуется авторитетом и уважением, сумел создать в аппарате здоровую деловую товарищескую обстановку. Во время его работы в ИНФО на Украине имеет большие успехи, как в постановке организационной работы, так и в реальных результатах по оперативной линии и в соответственной постановке информации. Вполне может быть выдвинут на руководящую работу по другой оперативной отрасли.

6. 9 ноября 1930 года.

Как на периферийных органах, так и на руководящей работе в центральном аппарате показал себя чрезмерно энергичным, способным оперативным руководителем. В своей работе дает правильные чекистско-оперативные и политические указания и установки, вместе с тем сам лично принимает непосредственное участие в практической работе, на отдельных фактах повседневной работы учит своих подчиненных, как надо работать. За короткое время своей работы в СО (Секретный отдел. – *Прим. ред.*) Люшков имеет большие оперативные достижения и

заслуги. При его непосредственном участии ликвидирован ряд крупных контрреволюционных повстанческих организаций на Украине. Особенно его роль значительна в ликвидации и развитии дела диверсионно-повстанческой организации «Весна». Личные выезды в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных обвиняемых во многом способствовали раскрытию дела, причем т. Люшков сумел взять нужные темпы в работе. Хороший товарищ и партиец, пользуется общим уважением, обладает большим политическим кругозором».

Чем занимался Генрих Люшков после того, как он в августе 1931 года был переведен в Москву, и каких достиг результатов – известно многим. Для тех, кто не в курсе, поясним, что с 17 августа 1931 года Люшков работает в секретно-политическом отделе ОГПУ СССР начальником 2-го (крестьянского) отделения и по совместительству помощником начальника отдела, а 5 июля 1933 года его повышают до заместителя начальника того же отдела.

Про свою работу на Лубянке Генрих Люшков расскажет в 1938 году, перебежав к японцам:

«... Я имел отношение к следующим делам:

1. Дело так называемого ленинградского террористического центра в начале 1935 года.

2. Дело террористического центра о заговоре против Сталина в Кремле в 1935 году.

3. Дело так называемого троцкистско-зиновьевского объединенного центра в августе 1936 года...».

Его усердие было отмечено вторым знаком «Почетный работник ВЧК – ОГПУ» и званием комиссара госбезопасности 3-го ранга. В августе 1936 года он был назначен начальником УНКВД по Азовско-Черноморскому краю. Там он «прославился» незаконными методами ведения следствия. В июле 1937 года Люшкова наградили орденом Ленина и назначили

начальником УНКВД по Дальневосточному краю. На новом месте новый начальник краевого управления внутренних дел активно начал «чистку». В январе 1938 года нарком внутренних дел Николай Ежов поставил в пример другим начальникам региональных управлений деятельность Генриха Люшкова, под руководством которого было репрессировано 70 тысяч «врагов народа» – самый высокий показатель в стране^[5].

Вот такая противоречивая личность. В начале двадцатых годов самоотверженно боролся с бандитизмом, а спустя десять лет так же фанатично истреблял «врагов народа», даже не пытаясь понять, кто из репрессированных действительно вредил советской власти, а кто стал жертвой произвола.

Генриха Люшкова также обвиняют в том, что он выдал огромное количество секретов Красной Армии. Он действительно много сообщил японцам, но часть переданной им информации заставила Токио частично пересмотреть свои агрессивные планы относительно советского Дальнего Востока и отказаться от крупномасштабного вторжения.

В конце восьмидесятых годов японский историк Хияма Есиаки встретился с Коидзуми Коитиро. Пятьдесят лет назад последний был младшим офицером 5-го отдела Второго управления Японского генерального штаба, занимавшегося сбором разведывательных данных об СССР. Ветеран японской военной разведки сообщил:

«...Кинами Юкио, бывший в то время в чине майора, доставил Люшкова на самолете в Токио. Затем Люшков для установления личности был направлен в специальный отдел обеспечения безопасности министерства внутренних дел, где он подвергся допросу со стороны помощника полицейского

инспектора, которого звали, насколько я помню, Сакадзаки.

Я припоминаю, что на следующий день у нас в пятом отделе появился майор Кинами, представивший свои соображения по этому делу начальнику пятого отдела Кавамата Хидэто и беседовавший с начальником управления Хомма Масахару.

Говорили, что вскоре в связи с этим делом к нам прибыл офицер германской тайной полиции (гестапо). Но эти сведения неточны. На самом деле тогдашний германский военный атташе в Токио Шерр обратился к нашему командованию с просьбой ознакомить его с протоколом допросов Люшкова, однако, поскольку в то время еще не был заключен договор с Германией о военно-оборонительном союзе, наш генштаб вежливо отклонил эту просьбу.

Я слышал, что допросы Люшкова проводились в уединенном особняке, расположенном в Токийском районе Кудан. Майор Кинами создал особую группу под своим руководством, в которую были включены специалисты по Советскому Союзу из генерального штаба и иностранного отдела министерства внутренних дел. Так возникла «контора Кудан». Это название было присвоено группе для сохранения секретности.

Протоколы допросов Люшкова должны были храниться в подземном архиве генштаба и в конце войны уничтожены. Таким образом, в настоящее время они вряд ли сохранились. Однако во время событий (у реки Халхин-Гол) они были еще в целости и сохранности, и с частью из них я был ознакомлен.

Сведения, которые сообщил Люшков, были для нас исключительно ценными. В наши руки попала информация о Вооруженных Силах Советского Союза на Дальнем Востоке, их дислокации, строительстве оборонительных сооружений, о важнейших крепостях и укреплениях. В полученной от Люшкова информации

нас поразило то, что войска, которые Советский Союз мог сконцентрировать против Японии, обладали, как оказалось, подавляющим превосходством. В тот период, т. е. на конец июня 1938 г., наши силы в Корее и Маньчжурии, которые мы могли использовать против Советского Союза, насчитывали всего лишь 9 дивизий. В тыловом резерве у нас находилось 2 дивизии, и 23 дивизии вели боевые действия против Китая.

Мы убедились в абсолютной необходимости иметь на советском направлении, по крайней мере, 19 дивизий, так как имевшихся в наличии 9 дивизий для обороны в случае нападения Советского Союза было совершенно недостаточно.

Опираясь на полученные от Люшкова данные, пятый отдел генштаба пришел к выводу о том, что Советский Союз может использовать против Японии в нормальных условиях до 28 стрелковых дивизий, а при необходимости сосредоточить от 31 до 58 дивизий. К этому еще следовало добавить примерно 10 кавалерийских дивизий армии Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики. – *Прим. ред.*), а также ее внутренние войска, которые, по оценке Люшкова, насчитывали около 50 тыс. солдат.

Тревожным выглядело и соотношение в танках и самолетах. Против 2000 советских самолетов Япония могла выставить лишь 340 и против 1900 советских танков – только 170.

До этого мы полагали, что советские и японские вооруженные силы на Дальнем Востоке соотносились между собой как три к одному. Однако фактическое соотношение оказалось равным примерно пяти или даже более к одному. Это делало фактически невозможным осуществление ранее составленного плана военных операций против СССР.

Обычно генеральный штаб императорской армии составлял к началу сентября каждого года планы

боевых операций на следующий год. Однако ввиду развертывания военных действий в Китае такой план на 1938 г. своевременно составлен не был. Временный вариант плана боевых операций против СССР на 1938 г. был подготовлен лишь в марте этого года. По этому плану представлялось вероятным, что Советский Союз может вмешаться в японо-китайский вооруженный конфликт. Но теперь, в свете полученной информации, стало очевидно, что если такое вмешательство произойдет, то сдержать Советский Союз будет фактически нечем. Таким образом, расширение японо-китайского вооруженного конфликта требовало внесения кардинальных изменений во все наши стратегические планы, чтобы парировать советскую угрозу.

Пораженный полученной от Люшкова информацией, генеральный штаб был вынужден срочно переработать план боевых операций на 1938 г.; этот план был утвержден только 5 сентября 1938 г., т. е. с большим опозданием. Одновременно был принят план укрепления обороны против Советского Союза, рассчитанный на пятилетний срок, так называемый «План боевых операций № 8». Однако как план на 1938 г., так и пятилетний план (№ 8) остались лишь на бумаге из-за невозможности их реализации ввиду нехватки государственных ресурсов.

Зачем я все это вам рассказываю? Только затем, чтобы показать, как боялся в тот момент – в конце июня 1938 г. наш генеральный штаб вмешательства Советского Союза в ход военных действий в Китае, вполне справедливо полагая, что в этом случае поражение нашей армии было бы неотвратимым.

Сбежавший из Советского Союза Люшков подтвердил, что СССР намерен дожидаться момента, когда Япония истощит свои силы в борьбе с Китаем, а затем осуществит нападение на нее. Ознакомившись с

его показаниями, мы стали еще больше опасаться возможности вмешательства Советского Союза в войну между Японией и Китаем. Однако теперь, когда я вспоминаю то время, я считаю, что наши тогдашние опасения были в какой-то мере раздуты показаниями Люшкова.

Тем не менее, в тот момент головы всех служивших и в военном министерстве, и в генеральном штабе были заняты лишь одной мыслью: сумеем ли мы в случае необходимости вывести свои войска из Китая и как парализовать замыслы Советского Союза вмешаться в ход военных действий в Китае. Короче, мы вовсе не думали о том, чтобы очертя голову и дальше погружаться в вооруженный конфликт с Китаем.

Вернемся к рассказу о Люшкове, который вскоре после своего бегства был доставлен в Японию, тайно помещен в так называемую «контору Кудан», где систематически допрашивался. Спустя какое-то время после этого инцидента военное министерство дало сообщение в печати... из Советского Союза через аккредитованных при нем корреспондентов. Действительно, такое сообщение было сделано лишь 1 июля, т. е. спустя примерно полмесяца после самого события.

В связи с этим рассказывали интересный эпизод. Вскоре после того, как Люшков был переброшен в Токио, начальник восьмого отдела Кояма Ясуо решил использовать этот случай для активизации антисоветской пропаганды. В ноябре 1937 г. было утверждено «распределение обязанностей между управлениями центрального аппарата императорской армии в военное время». В соответствии с этим распределением «ведение пропаганды, организация подрывных действий и контрразведка возлагаются в основном на начальника второго отдела с привлечением в необходимых случаях к выполнению

этих функций начальника восьмого отдела, начальника управления информации и других работников». Таким образом, ведение пропаганды возлагалось на Кояма.

Восьмой отдел составил проект пропагандистских мероприятий, а организация их проведения была возложена на управление информации военного министерства. В этом управлении имелся отдел планирования, который также составлял различные планы пропагандистских мероприятий. Однако в случае с Люшковым эти планы были разработаны восьмым отделом, а выполнялись они управлением информации, поскольку Кояма рассчитывал использовать бегство Люшкова в целях развертывания антисоветской пропаганды в международном масштабе.

Отдел планирования управления информации принял предложения Кояма и приступил к их реализации. 1 июля японским корреспондентам, аккредитованным в пресс-клубе военного министерства, была передана информация о бегстве Люшкова. Одновременно эта же информация была распространена иностранными телеграфными агентствами Ассошиэйтед пресс, Юнайтед пресс, агентством Байас, ДНБ, а также опубликована в выходящей в Японии на английском языке газете «Джапан адвертайзер». Сообщения вызвали громадный отклик. Задачей этой пропагандистской акции было показать тоталитарный характер сталинского режима, убедить всех в опасности коммунизма. Цель была достигнута. В американских и немецких газетах также появились статьи, осуждающие сталинский режим произвола и насилия».

Коидзуми Коитиро вторит бывший начальник разведывательного отдела японской Корейской армии генерал Масатака Онуки. Он вспоминал:

«В его (Люшкова. – *Прим. авт.*) информации было и такое, что явилось для нас серьезным ударом. С одной

стороны, советская Дальневосточная армия неуклонно наращивала свою военную мощь, с другой – японская армия из-за японо-китайского инцидента совсем не была готова к военным действиям с Советским Союзом. Если бы нас в какой-то момент атаковала Дальневосточная армия, мы могли бы рухнуть без серьезного сопротивления...»^[6]

Из сказанного выше следует, что Генрих Люшков предупредил Токио о том, что военная операция на советском Дальнем Востоке обречена на поражение. В начале главы Петр Фролов написал, что еще весной 1938 года пограничники начали готовиться к агрессии со стороны Японии.

Отметим еще один странный эпизод в истории с Люшковым. На Дальний Восток он поехал вместе с супругой Ниной Васильевной Люшковой-Письменной (в девичестве Кляuze)^[7], которую в середине тридцатых годов прошлого века отбил у своего подчиненного – начальника Транспортного отдела НКВД УССР майора госбезопасности Якова Письменного. Последний был осужден и казнен в сентябре 1937 года. В начале июня 1938 года Люшков отправил супругу вместе с ее дочерью – десятилетней Людмилой из Хабаровска в Москву. Арестовали ее только 13 ноября 1938 года, то есть спустя четыре месяца после побега мужа. На момент ареста она вместе с дочерью проживала в Москве по адресу ул. Малая Каретная, дом 6, кв. 2.

Особым совещанием при НКВД СССР 19 января 1939 года Нина Люшкова-Письменная по обвинению «член семьи изменника Родины» приговорена к 8 годам исправительно-трудовых лагерей. В выписке из протокола Особого совещания говорилось, что Люшкова-Письменная «знала о намерениях Люшкова, но не сообщила органам власти». Правда, в деле

доказательств того, что она способствовала побегу и знала о намерении мужа бежать за границу, не было.

Распространенная версия о том, что перед своим бегством Люшков отправил супругу в Москву, сообщил ей, что он намерен бежать за границу, и рекомендовал ей уехать в Польшу, опирается только на сообщение агентства Домей – Токио от 1 июля 1938 года. «Другими объективными данными не подтверждено и поэтому не внушает доверие»^[8].

20 мая 1939 года Нина Люшкова-Письменная по этапу прибыла в Карлаг. Освобождена 15 июня 1946 года.

Мать Люшкова и его две сестры 5 октября 1939 года были приговорены как «члены семьи изменника Родины» к пятилетней ссылке в Казахстан, а младший брат отправлен в лагерь в Свердловск, где скончался 9 мая 1943 года. Мать Люшкова умерла в пересыльной тюрьме 23 декабря 1939 года. Сестра Анна после окончания следствия оказалась на принудительном лечении в психиатрической больнице в Харькове и была убита гитлеровцами со всеми больными в 1943 году. Из ссылки на Украину вернулась лишь сестра Люшкова Елизавета.

И последний штрих в деле Люшкова. В октябре 1962 года в военном трибунале Московского военного округа было пересмотрено дело Нины Люшковой – Письменной. Согласно Определению № н-786/ос:

«Уголовное дело на Люшкова Г. С., бывшего начальника УНКВД по Дальневосточному краю, не заводилось. Однако из имеющихся в деле материалов видно, что он в ночь с 12 на 13 июня 1938 года действительно бежал за границу, где выдал государственную тайну, а затем, находясь в Японии, занимался враждебной деятельностью против Советского Союза, в августе 1945 года был направлен в

Маньчжурию, где в том же месяце был убит японцами, с целью предотвращения его захвата советскими войсками»^[9].

Странно все это. Высокопоставленный офицер НКВД сбежал за границу, а уголовное дело не было возбуждено».

Глава 2

Из камеры смертников в палачи

Из Хабаровска меня на поезде отправили в Москву. Отдельное купе в мягком спальном вагоне. В сопровождении двух конвоиров ехал я дней пятнадцать – все это время прикованный наручниками к ножке столика. Три раза в сутки меня выводили в туалет. Питались мы выданным в Хабаровске стражникам сухпайком.

Мои спутники всю дорогу молчали, ограничиваясь лишь короткими фразами-командами. Они строго следили за тем, чтобы я не общался с другими пассажирами. Радио в купе было выключено. Газеты в купе отсутствовали. Поэтому я ничего не знал о боях в районе озера Хасан. Видел я идущие на Дальний Восток эшелоны с военной техникой и красноармейцами, но не обратил на это внимание.

Несмотря на всю специфику своего положения и не зная, что ждет меня впереди, я ощущал себя королем. Впервые в жизни я ехал в спальном мягком вагоне! Проводник в черной форменной тужурке три раза в день приносил ароматный свежесваренный чай. Стаканы в мельхиоровых подстаканниках. Блюдечко с колотыми кусочками сахара. И неторопливое чаепитие под стук колес. А что еще делать, кроме как любоваться мелькавшими за окном пейзажами. В училище и на заставе я быстро выпивал чай из алюминиевой кружки, а потом куда-то убегал. Времени на чайную церемонию у меня не было.

В столице на привокзальной площади меня усадили в черную легковую автомашину – я с удивлением

осмотрел салон этого транспортного средства. Мне еще ни разу в жизни не приходилось ездить на легковушке. В кузове или кабине грузовика – несколько раз. В городе, где я родился и вырос, было не больше пятнадцати легковых машин. И всеми пользовались местные большие начальники. Еще больше удивился я, когда узнал, что любой москвич может заказать такси по телефону, сесть на кожаное сиденье и наслаждаться поездкой по городу.

Когда мы ехали по улицам столицы, я удивленно вертел головой. Мысль о том, что, может быть, это моя первая и последняя поездка – впереди короткое следствие и смертный приговор за то, что дал возможность уйти врагу за границу, – временно отступила и уступила месту радости от встречи с Москвой.

Меня доставили в здание Главного управления госбезопасности НКВД СССР на площади Дзержинского. Через несколько часов я попал в одиночную камеру Внутренней тюрьмы, которая на много месяцев стала моим жилищем.

Встреча с Берией

Потянулись дни, похожие один на другой. Два раза в день кормежка. Раз в две недели водили в баню. Даже беседы со следователями (мое дело по очереди вели четыре человека) ничем не отличались друг от друга. Стандартный набор вопросов и привычные ответы на них. И снова в камеру.

Внезапно вызовы на допросы прекратились. Это наводило на грустные мысли. Возможно, что мое дело передано в суд и теперь осталось только дожидаться вынесения приговора. Я не сомневался, что он будет очень суровым, возможно, что даже и высшая мера наказания. Ведь я не только помог сбежать за рубеж высокопоставленному «врагу народа», но и способствовал ослаблению обороноспособности нашей страны. Ведь начальник УНКВД и пограничными войсками Дальнего Востока в силу своего служебного положения знал множество секретов. В том, что война между СССР и Японией неизбежна, я не сомневался. На границе это ощущалось особенно остро. Может быть, мои товарищи по погранотряду уже сражаются с проклятыми самураями, а я тут сижу на нарах. И от этого становилось еще тоскливее.

О том, что японцы напали на нашу погранзаставу, а ее начальнику посмертно присвоили звание Героя Советского Союза, я узнал только через год, когда вышел на свободу.

Находясь в заточении, я старался поддерживать физическую форму: приседал, отжимался от пола, часами ходил (мысленно при этом представляя, что нахожусь на границе). Иногда ощущения были такими яркими и отчетливыми, что я испытывал сильный шок, когда возвращался в замкнутое пространство камеры. В

первый месяц я пытался считать дни, а потом сбился со счета и отказался от этой идеи. Постепенно я привык к новой жизни. Служба на Дальнем Востоке мне казалась всего лишь сном, красивым и иллюзорным. Я мог часами неподвижно сидеть, расфокусировав взгляд и ни о чем не думая. В голове вместо бурного потока мыслей – неподвижная чернота безмолвия. В такие моменты не знал – я жив или мертв. Когда возвращался в реальность, например во время мытья в бане, то понимал, что долго не смогу балансировать на грани между жизнью и смертью. В какой-то момент я сойду с ума, навсегда погрузившись в черноту безмолвия, или умру. Будет тело продолжать существовать в качестве биологического объекта или начнет разлагаться в сырой земле – разуму будет все равно. Он навсегда обретет покой, погрузившись в вечную черноту безмолвия. Рай и ад, куда якобы попадают души умерших, – сказки попов. Нет загробной жизни, и всех, вне зависимости от их земных дел, ожидает один финал. Когда я впервые осознал это, что-то сломалось во мне. Воспоминания о прошлом резко потускнели, а мечты о будущем куда-то исчезли. Острым и ярким был лишь миг жизни, который я проживал в тот момент. После этого я перестал испытывать дискомфорт от нахождения в заточении. Наоборот, я обрел ощущение внутренней свободы. Больше я не цеплялся за свою жизнь. Зачем ею дорожить, если финал заранее известен и неизбежен. После этого я стал равнодушно относиться к своей и чужой жизни.

Однажды утром в камеру ко мне пришел тюремный брадобрей с бидоном горячей воды, тазиком, полотенцем, кружкой с мыльной пеной, опасной бритвой и машинкой для стрижки волос. Он ловко превратил меня из длинноволосого попа в призывника. После бритья и стрижки меня отвели в баню. Затем мне

выдали свежее белье, гимнастерку со споротыми знаками различия, галифе и сапоги.

В таком виде я предстал перед наркомом внутренних дел Берией.

Одетый в скромный костюм, без галстука, в пенсне Берия был больше похож на школьного учителя, чем наркома внутренних дел. Говорил он тихо, с едва заметным грузинским акцентом:

– Как же вы упустили такого матерого врага, лейтенант Фролов? Почему в нарушение всех инструкций позволили ему пройти в погранполосу? Я читал ваши показания. Что там на самом деле случилось? – спросил нарком. Чувствовалось, что он хотел лично разобраться в произошедших на погранзаставе событиях.

Я лаконично рассказал о появлении Люшкова и о своих подозрениях о наличии у беглого чекиста сообщника в руководстве УНКВД Дальневосточного края. Просто ничем другим я не мог объяснить тот факт, что начальник краевого управления мог в одиночку посещать погранзаставы и встречаться с ценными агентами из числа граждан сопредельных стран.

– С этим мы уже разобрались. Хотя за сигнал благодарю. Побольше бы нам таких бдительных сотрудников, а не тех ротозеев и подхалимов, которые привыкли беспрекословно выполнять любой, даже преступный приказ начальства. Ничего, сейчас мы почистим гадюшник, который после себя оставил Ежов и его сообщники. Вот только людей не хватает. Инициативных и честных, таких, как вы. Хотя за то, что вы Люшкова упустили, вас расстрелять надо. – Произнося эти слова, Берия внимательно наблюдал за моей реакцией. – Расстрелять вас мы всегда успеем. А пока я вам даю шанс реабилитировать себя. Есть один человек, который подозрительно активно общался с

многочисленными «врагами народа». Может, кто-то из них завербовал его или посвятил в свои преступные планы. А мы об этом не знаем, или враги народа Ягода с Ежовым скрыли от товарища Сталина и партии этот факт.

Я пытался понять, куда клонит нарком и за кем мне предстояло следить. Куда меня теперь могут направить служить – с клеймом «враг народа». Если только в тюрьму или лагерь в качестве «стукача». И словно прочтя мои мысли, Берия заявил:

– Служить вы теперь будете в Москве. Личным помощником коменданта НКВД СССР Блохина. Он как раз просил прислать нового сотрудника. Вот вы им и будете. Нюх на «врагов народа» у вас есть. Характеристики и анкета хорошие. В партию еще не успели вступить, но это из-за вашего юного возраста. А чтобы не повторилась истории с Люшковым, обо всем будете лично мне докладывать. Теперь ваши рапорты никто не сможет в сейфе мариновать. Я их сам лично буду читать. А в моем сейфе ваше следственное дело будет храниться. Если редко или скучно писать будете, я его читать начну. Ясно?..

– Да, – глухо произнес я, осознав, в какую я попал передрыгу. Личный агент наркома внутренних дел в среде чекистов, которые научились разоблачать любых «врагов народа». А если кто-то из них на самом деле противник советской власти? Так он меня не только мгновенно разоблачит как стукача, но и сделает все, чтобы меня отправили в камеру смертников – откуда меня и нарком не сможет вытащить. Смерти я не боялся, просто обидно второй раз не суметь разоблачить «врага народа». Ведь сколько вреда может такой человек нанести стране!

– Вот и хорошо, будешь служить в спецкоманде, – произнес собеседник, переходя на «ты». – Она врагов народа расстреливает. Правда, ты будешь не за ними

присматривать – к ним претензий нет, а за их начальником – комендантом Блохиным. Засиделся он на своей должности – уже восемь лет, и уходить не собирается. Вопросы есть?

– Никак нет! – машинально отрапортовал я, пытаюсь сообразить, что это за такое странное подразделение – «спецкоманда». То, что кто-то приводит в исполнение смертные приговоры в отношении «врагов народа», было понятно. Правда, до сих я не задумывался о том, что занимаются этим обычные люди – сотрудники НКВД. Застрелить человека во время задержания на границе – это понятно. Там выбора нет – ты убьешь или тебя застрелят. А в Москве, где нет войны и враги разгуливают по улицам не с пистолетами, а с портфелями, – не укладывалось это в моей голове. Интересно, кто эти люди, готовые стрелять в затылок преступникам. Отец, прошедший дорогами Гражданской войны, однажды признался, что самое трудное для него было расстреливать белогвардейцев. Когда стоят они перед строем красноармейцев, презрительно смотрят на своих врагов и хором исполняют «Боже, царя храни» или молитву.

– Зато у меня есть, – назидательно произнес Берия. – Сразу видно, что не был на подпольной работе. Я ею в Гражданскую войну занимался. Знаешь, на чем чаще всего попадают агенты? На странных деталях своей биографии. Вот что мы имеем у тебя? Службу на границе на заставе, которая участвовала в боях с японцами. Потом твое нахождение под следствием. Освобождение и назначение в центральный аппарат наркомата. Что это значит? Кто-то хочет тебя внедрить сюда. Что бы ты сделал, узнай об этом?

– Немедленно доложил бы вам, – бодро отрапортовал я, еще не понимая, куда клонит собеседник.

– Правильно, а как можно было бы тебя обмануть? – задал провокационный вопрос Берия.

– Ну, наверно, я бы не обратил внимания на сотрудника, которого просто перевели с Дальнего Востока в Москву, например на повышение. Обычная история, и никаких «темных пятен» в биографии.

– Правильно мыслишь, Фролов. Жаль, что ты Люшкова упустил, а то бы взял к себе в аппарат, – искренне восхитился нарком. – А если бы тебе нужно было человека с твоей биографией устроить в центральный аппарат, что бы ты сделал?

– Я бы оформил ему документы на офицера Красной Армии, который до своего назначения в Москве служил где-нибудь на Дальнем Востоке, – предложил я.

– Интересно, – Берия внимательно поглядел на меня. – А ведь ты не так прост. Хотя у вас у всех пограничников мозги специфично работают. Почему в Красной Армии, а не в НКВД, на Дальнем Востоке, а не в Средней Азии?

– Если НКВД, то он может случайно встретить «сослуживца» из того же управления. И тут он проколется. Поэтому лучше армейский офицер. Дальний Восток – маловероятно, что в Москве он встретит сослуживцев по армейской службе. С другой стороны, он знает специфику региона и если встретит кого-то, кто родился и вырос там, то сможет поговорить о погоде. Еще одна причина – когда служишь в медвежьем углу, не важно – пограничником или кавалеристом, ты оторван от культурной жизни и всех новшеств. – И, осмелев, я добавил: – Вот, например, окажись я сейчас один на улице, так я буду стоять как столб и растерянно крутить головой. Не знаю, как жить в городе. На заставе или в казарме в отдаленном гарнизоне – там все по-другому. Там и денег не нужно – нечего покупать: до ближайшего магазина десятки километров, а еда и одежда – казенные. – Я умолк,

пытаясь понять, не сказал ли я чего лишнего, и на всякий случай поспешил добавить: – Нам об этом еще в училище говорили. Что нарушитель обычно прокалывается на незнании реалий современной жизни. Если он еще в Гражданскую войну из Советской России сбежал, а спустя пятнадцать лет решил вернуться в качестве диверсанта. Там местные жители нам помогали чужаков отлавливать. Тех, кто из Маньчжурии к нам проник.

– Интересно, – задумчиво произнес нарком и после нескольких минут размышлений сообщил мне свое решение: – Будешь ты офицером Красной Армии с Дальнего Востока. Где служил – это попозже определишь. Неделю назад тебя перевели в Москву, в распоряжение наркомата. Теперь жилье. Оформим тебе комнату в коммуналке. Сосед – наш негласный сотрудник, он тебе поможет в городе освоиться и «легенду» отточить. В ближайшие дни тебя переаттестуют – у нас другие звания. А через неделю начнешь служить у Блохина. Все остальные вопросы решишь в рабочем порядке. Все, свободен.

Дела московские

Через час после встречи с наркомом я сидел в кабинете у «соседа по коммуналке» – офицера военной контрразведки Волкова Михаила и внимательно слушал его инструктаж.

– Часть, где ты служил до перевода в Москву, я к завтрашнему дню тебе подберу. Служить будешь в пехоте. У кавалеристов своя специфика, можешь на мелочах проколоться...

– Так на заставе... – возразил я.

– На лошади ездил, – прервал собеседник. – Все равно этого мало, чтобы на равных общаться с бывшими кавалеристами. Лучше подумай, какое военное училище в Саратове окончил. Понятно, что твое пограничное не подходит. После окончания училища тебя сразу на Дальний Восток отправили. Специфику службы ты лучше меня знаешь. В смысле зимой холодно, летом жарко. Много китайцев и мало женщин, – пошутил он и добавил серьезно: – Вот поэтому и не женился.

– А там их действительно мало? – искренне удивился я. – У нас-то на погранзаставах понятно. А по соседству раньше корейцы жили, русских почти не было.

– Да, край малонаселенный. Гражданского населения очень мало. Когда там начали части и соединения Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии размещать, то возникла серьезная проблема. Холостые офицеры не могли семьи создать. Так что этот пункт твоей биографии вопросов не вызывает. Осталось только решить жилищную проблему.

– Так мне комнату... – начал я.

– Не в том смысле. Жилье есть, правда, казенное. Стол, стул, кровать – все с инвентарными номерами.

Когда будут выселять, все это нужно будет сдать. Этот порядок одинаков для обоих наркоматов – внутренних дел и обороны. С посудой и продуктами помогу. Клава – это моя супруга, покажет, что в каких магазинах можно будет купить. Бытовые вопросы обсудили. Теперь о задании. Для начала тебе нужно Москву изучить. Научиться пользоваться метро и наземным транспортом. В городе не теряться. Ведь тебе нужно будет с подозреваемыми общаться не только на рабочем месте, но и во время отдыха. Это у вас на заставе все круглые сутки как на ладони. А в Москве человек после окончания работы может пойти в ресторан, где будет пьянствовать с иностранцами, или на конспиративную квартиру, где с другими троцкистами будет обсуждать планы свержения советской власти. И если будет необходимо, то самому пить вместе с ними или поддакивать врагам народа. Тебе нужно втереться к ним в доверие. Ты должен стать для них своим человеком, которому можно доверять. Без этого мы не сможем узнать об их коварных планах и ликвидировать противников советской власти.

Неделя пролетела быстро. Днем я гулял по столице, а по вечерам изучал подготовленные Волковым материалы и слушал его рассказы об особенностях армейской службы. Разумеется, этого было мало для «превращения» меня в настоящего офицера Красной Армии – я бы прокололся во время беседы с военным чекистом, но мои будущие сослуживцы в последние лет десять не служили в РККА, и поэтому вероятность моего провала была минимальной. Единственное, что смущало меня, – Блохин знал о моем прошлом и поэтому мог догадаться, что меня прислали следить за ним. И как он среагирует на появление «стукача» – предсказать невозможно.

Знакомство с Блохиным

Кадровик сначала отвел меня в 1-й спецотдел (оперативный учет, регистрация и статистика. – *Прим. ред.*), где я был представлен своему официальному начальнику и сотрудникам подразделения, а потом – к Блохину. Обычно рядовые сотрудники самостоятельно познакомились с руководством и коллегами по службе, но, учитывая непосредственное участие в моем назначении самого наркома, традиция была нарушена. Другая причина уважения со стороны кадрового отдела – молниеносно проведенная переаттестация. Из лейтенанта пограничника за несколько дней я превратился в лейтенанта госбезопасности. На складе я получил новую форму, а в отделе кадров мне вручили служебное удостоверение сотрудника центрального аппарата НКВД СССР.

Следуя рекомендации Берии, я «забыл» о своей службе на границе и придерживался вымышленной биографии о службе в пехотных частях Красной Армии, которые дислоцировались на Дальнем Востоке, но в непосредственных боях с японцами не участвовали. Не знаю, верили или нет коллеги в мою «легенду», но никто не пытался меня «разоблачить». Слухи о том, что прислан в отдел самим Берией, заставляли их относиться ко мне настороженно.

Блохин встретил меня настороженно. Через много лет я узнал, что недели за две до моего назначения Берия хотел арестовать коменданта, подготовил необходимые документы и пошел на доклад к товарищу Сталину. Последний внимательно изучил бумаги и вызвал к себе начальника отдела охраны руководства партии и правительства Власика.

- У вас есть претензии к коменданту НКВД СССР товарищу Блохину? - спросил руководитель страны у него.

- Никак нет, - по-военному четко ответил Власик. - Прекрасно справляется с возложенными на него обязанностями.

- И у меня нет к товарищу Блохину претензий, - внимательно глядя в глаза Берии, тихо и четко проговаривая каждое слово, произнес Сталин.

Вернувшийся в наркомат Берия вызвал к себе Блохина и продемонстрировал имеющийся на коменданта компромат. Затем спрятал папку в сейф со словами:

- Можете пока работать, но помните, что за вами много грехов накопилось и однажды вы за них ответите...

До декабря 1945 года (до этого времени Берия был наркомом внутренних дел) Блохин постоянно помнил о «дамокловом мече», который хранился в сейфе у Берии, и отомстил ему за годы постоянного страха. Когда в июне 1953 года Берию арестовали, а затем началось следствие, то Блохин охотно давал показания против своего бывшего начальника. Я не знаю, что именно сообщил комендант, но в конечном итоге Берию расстреляли, а Блохин умер дома от инфаркта в феврале 1955 года в возрасте шестидесяти лет.

Во время первой нашей встречи Блохин попросил меня рассказать о себе. Позднее я понял, что это была своеобразная проверка. Он заранее изучил мою анкету в личном деле и теперь хотел сравнить мой рассказ с тем, что было написано в том документе. Я честно рассказал о своем детстве, учебе в погранучилище, службе на Дальнем Востоке и о бегстве офицера НКВД. Фамилию и должность Люшкова я специально не называл. Затем двумя-тремя фразами о том, как находился под следствием и отпущен на свободу за

отсутствием состава преступлений. Собеседник, молча слушая мой рассказ, лишь изредка кивал головой. Когда я закончил свой монолог, Блохин задумчиво произнес:

– Из огня да в полымя! У нас, правда, не граница, но врагов тоже хватает. Что же вам поручить?

– Готов выполнить любое задание! – четко произнес я.

– Даже человека застрелить сможете? – вопросительно и насмешливо произнес комендант, желая охладить мое желание выслужиться любой ценой. – Если он перед вами на коленях со связанными руками и молит вас о пощаде? Целует ваши сапоги? А вы знаете, что у него четверо малолетних детей. Сможете вы выстрелить в него? – резко спросил он и приказал: – Отвечайте быстрее! Ну, сможете?

– Наверно... да... – растерянно ответил я.

Во время службы на границе мне приходилось участвовать в перестрелках с нарушителями. Несколько бандитов мы застрелили. Чья пуля, моя или кого-то еще из наряда, оборвала жизнь незваного гостя – об этом мы не думали. На войне как на войне – убиваешь ты или тебя. Когда возвращаешься на заставу – понимаешь, что мог погибнуть. В первый раз это страшно, а потом привыкаешь. А после нахождения в камере на Лубянке я утратил боязнь смерти.

– Уверен? Отвечай честно! Уверен? – глядя мне в глаза, словно выстрелил, произнес комендант. Я испугался. Его взгляд был, как у тигра – немигающий и равнодушный, – как у хозяина тайги. Через три дня после начала службы на заставе я повстречал на тропе тигра. Мне повезло – животное было сыто и настроено миролюбиво. Мгновения, которые мне показались вечностью, мы стояли и с любопытством изучали друг друга. Наконец гигантская кошка удовлетворила свое любопытство и исчезла в зарослях. Когда я рассказал на заставе об этой встрече, то старшина уважительно

произнес: «Это с тобой Мишка познакомился. У него здесь охотничьи угодья, которые он охраняет от других тигров».

– Не знаю, – честно признался я.

– Верю, – вынес свой вердикт Блохин. – Если бы сказал да, то сразу же отправили к психиатру. Не может человек с такой биографией расстреливать безоружных. А мне не нужны вооруженные психи, которые могут и меня застрелить. В порыве выполнения служебных обязанностей.

– А что, такое бывало? – осторожно поинтересовался я.

– Да, – сразу сникнув, признался Блохин, поспешив добавить: – В меня никто не стрелял, но твоего предшественника едва не расстреляли вместе с «врагами народа». Сотрудник увлекся...

– А он... – Теперь я понял смысл фразы, которой встретил меня комендант. Если выжил в камере смертников, то могу получить пулю от палача.

– Кто? Если стрелявший – продолжает служить. А тот, в кого стреляли, больше не участвует в казнях. Перекладывает бумажки в 12-м отделении 1-го спецотдела – вы с ним познакомитесь попозже, когда тот тебя в курс дела будет вводить. Чтобы такого больше не происходило – случайно никого не застрелили, было решено, чтобы оформляющий акты об исполнении смертных приговоров сотрудник служил вместе со стрелками. Тогда они точно не перепутают и не застрелят своего, – буднично объяснил собеседник. – Вот вы и будете проходить по штату 1-го спецотдела, а служить в 5-м отделении комендатуры Административно-хозяйственного управления НКВД. О вашем прошлом – службе на границе – никто, кроме меня, знать не должен. Ребята здесь скромные, привыкли держать язык за зубами и не задавать лишних вопросов, поэтому не будут пытаться узнать

подробности вашей службы в Красной Армии. Они и сами привыкли оставаться «в тени» – все оформлены «сотрудниками по особым поручениям». А о том, чтобы им и вам сотрудники других отделов и управлений не задавали лишних вопросов, – это уже моя забота. Как говорится, враг не дремлет. А одна из обязанностей комендатуры – обеспечение режима секретности. Понятно?

– Так точно! – бодро отрапортовал я.

– Это хорошо, что вы все быстро схватываете. Мне как раз и был нужен такой толковый сотрудник, – искренне обрадовался Блохин, а затем пожаловался на своих подчиненных из 5-го отделения: – Исполнители они хорошие, но безынициативные. Каждое задание им приходится очень долго и подробно объяснять. Требовать от них правильно оформлять акты – это быстрее самому все написать. Пишут они с множеством грамматических ошибок, почерк – у курицы лучше [\[10\]](#), фамилии путают, могут кого-нибудь забыть вписать... На них постоянно начальник 1-го спецотдела жалуется. А когда прислал своего подчиненного, его по ошибке чуть не застрелили. А все из-за чего – человек чужой. В домино или в шашки с ними в гараже наркомата не играл, на политзанятиях не был. Вот и не запомнили они его. Редко он здесь появлялся. А вы с ними постоянно будете – не только днем, но и ночью.

Увидев на моем лице удивление, Блохин объяснил:

– Расстреливают обычно по ночам. А днем вы будете все документы оформлять и в политзанятиях участвовать. Было мне недавно указание усилить воспитательную работу среди сотрудников 5-го отделения. Чтобы они в свою очередь занялись теми, кого расстреливают. А то жертвы перед смертью выкрикивают различные лозунги и клянутся в верности народу, партии и лично товарищу Сталину.

Неправильно это. Раньше нужно было думать об этом, еще до того, как занялись антисоветской деятельностью и стали выполнять задания Троцкого и иностранных разведок! Так что занятия теперь будут проходить часто. А вам нужно в партию вступать. Причем срочно. У нас беспартийные не служат!

– На заста... – Я резко замолк, сообразив, что начал говорить лишнее. – Виноват, во время службы в Красной Армии был кандидатом в члены ВКП(б), но... – Я снова умолк, не зная как продолжить.

– Во-первых, чтобы я больше никогда ничего не слышал о вашей службе в погранвойсках и нахождении под следствием, – резко оборвал меня комендант. – Забудьте об этом периоде вашей жизни. Во-вторых, ваш кандидатский стаж восстановлен. И вы сможете вступить в партию. Сегодня к вам подойдет секретарь парткома управления, и вы с ним решите этот вопрос. Все, что нужно, он знает. Ясно. В-третьих, мой дружеский совет: во время политзанятий не показывайте, что вы самый умный. Что это так, я и сам прекрасно знаю, а остальным этого знать не нужно. Люди завистливые и склочные существа. Будьте как все – конспектируйте выступления лектора. Вопросов не задавайте. Сами поймете, как нужно правильно вести себя. А учитывая ваше желание участвовать в общественной жизни управления, хотите, назначу вас редактором стенгазеты управления?

– Да, – торопливо согласился я, словно боялся, что Блохин передумает. Еще в училище я обнаружил в себе тягу к рисованию. Правда, я рисовал не лучше Остапа Бендера, но моих скромных талантов хватало для оформления стенгазет и «красных уголков».

– Вот там и будете демонстрировать свои знания и навыки, а на политзанятиях в отделении не высовывайтесь. Будьте как все. Понятно? – поинтересовался Блохин.

Исполнители смертных приговоров

Примерно три раза в неделю у нас проходили политзанятия. По форме и содержанию они ничем не отличались от тех, что были у нас на заставе. Хотя на границе их вел политкомиссар и рассказывал много интересного о событиях в стране и в мире, а в отделе – партгруппорг лейтенант госбезопасности Шигалев Иван. Скажу честно, скучно было на этих мероприятиях в ленинской комнате. Может, из-за того, что я и сам газеты читал регулярно и лучше лектора знал о текущей ситуации в стране, или из-за разницы в образовании – у меня военное училище, а у него – «два класса и коридор церковно-приходской школы».

Сложно сказать, как оценивали уровень политзанятий непосредственные исполнители смертных приговоров. Обычно вопросов не задавали, лишь просили, чтобы лектор диктовал медленнее, так как они не успевают записывать. Закончив писать, они закрывали тетради, чтобы открыть их в начале следующего занятия. Я был уверен, что через пару часов после окончания занятия они забывали почти все, что слышали.

Через несколько месяцев общения с ними я обнаружил, что все они довольны своим служебным положением и тем, чем им приходится заниматься. У каждого за плечами незаконченное начальное образование и крестьянское желание выслужиться перед начальством своим ударным трудом. И патологическое отвращение к любым формам учебы и саморазвития. Для меня, выросшего в семье, где отец с раннего детства приучил нас к чтению, все это выглядело непривычно. Как и то, что, живя в Москве, можно не посещать музеи и театры. Правда, удавалось

культурно отдохнуть нечасто. Поэтому каждое посещение «храма культуры» было для меня праздником. Однажды я предложил Блохину организовать культпоход для сотрудников в театр, на что комендант посоветовал мне не высовываться, а стрелков отправить в ресторан. Так что общался я со стрелками исключительно только на службе. На свои дни рождения они меня не приглашали, да я и не стремился попасть на такие мероприятия. Во внерабочее время общался я только с Блохиным. И не только из-за задания Бериин, но просто из-за того, что с комендантом можно было говорить на разные темы. В силу своего служебного положения он был посвящен во множество тайн Лубянки, которыми он иногда делился со мною.

Помню, еще в первые месяцы службы на Лубянке меня раздражал резкий и сильный запах одеколона, перемешанного с водкой. Сразу вспоминались пьяные и сытые нэпманы, которые вечерами возвращались домой после посиделок в ресторанах. С какой злобой и ненавистью смотрели мы, голодные и полураздетые ребятишки, на этих буржуев. Палачи напоминали мне тех орловских торговцев. Такие же самодовольные, самоуверенные и тупые. Это сейчас пользование парфюмерией – общепринятая практика, а тогда одеколон использовали только в праздники или после посещения парикмахерской.

Причину постоянного амбре я понял после первого участия в процедуре расстрела. Закончив свое дело и расписавшись в подготовленном мною акте, палачи вышли в коридор, где их ждали два ведра – одно с водкой, а другое – с одеколоном. Они спокойно умылись до пояса одеколоном, а потом, по очереди зачерпывая железной кружкой, выпили грамм по двести водки. Видя мое удивленное лицо, один из стрелков – Магго Петр – объяснил просто:

- Одеколон - чтобы мертвецами не пахло, а то идешь по улице, и все собаки от тебя шарахаются. А водка - для расслабления. Без этого никак нельзя. Иначе покойники по ночам являться будут.

- Это точно, - согласился внимательно наблюдавший за мной весь период казни Блохин. - Петр у нас «стахановец» как по количеству расстрелянных «контриков», так и выпитой водке... - Было непонятно - шутит или серьезно говорит комендант.

- И благодарностей тоже больше всех получает, - с завистью в голосе заметил Шигалев Василий - брат Ивана. Оба Шигалевых пытались любой ценой выдвинуться, но преуспел только Иван, когда занял пост партгрупорга.

- Плохо закончит он, - философски заметил Блохин, не обращая внимания на слова Василия, - сопьется. Как говорится, сгорит на работе. - И снова было непонятно, шутит Блохин или нет.

- А где здесь он сгореть может? - удивился Василий. - Если только горящий окурок в ведро с водкой кинет. Так кто ему позволит народное добро разбазаривать...

- Это уже вредительством пахнет, - равнодушно произнес Блохин.

Присутствующие громко загоготали. Смех смехом, а Магго Петр перед войной на самом деле «сгорел» - во время приступа «белой горячки» застрелился из служебного оружия. После этого случая стрелкам запретили носить во внеслужебное время оружие, чтобы больше никто не пустил пулю в голову. Не знаю, как смогли скрыть от начальства факт самоубийства Магго, но его вдова до 1955 года получала за него пенсию. Об этом мне потом Блохин рассказал, как и то, что это был не единственный случай самоубийства палача.

Другой стрелок – Зотов Иван – повесился после трех суток непрерывного запоя. Накануне он похоронил супругу. Начал пить на поминках, а когда все разошлись – продолжил в одиночестве. В какой-то момент, когда на кухне никого не было, срезал бельевую веревку, сделал петлю и вдел в нее голову. Детей у них не было. Пенсию по потере кормильца оформлять не потребовалось.

Зотов был неприметным человечком невысокого роста, с тихим голосом и вечно печальным лицом. Его супруга лежала дома парализованной, и он спешил поскорее после службы к ней. На работе он почти не пил, зато больше всех обливался одеколоном. Нам было искренне жаль этого человека, но мы почти ничем не могли ему помочь. Блохин никогда не посылал его в командировки в другие города.

Зато Петра Магго я помню хорошо. Он своим внешним видом – очки в металлической оправе, аккуратная бородка и усы – очень напоминал мне Андрея Петровича, моего школьного учителя. Такой же тихий голос, неторопливая речь, природная интеллигентность – увидишь такого на улице и подумаешь: интеллигент или из «бывших». Вот только взгляд стальной и отрешенный, словно у мертвеца. Даже сильно выпив, он не буянил и песен не распевал, лишь жаловался иногда, что водка на него не действует.

Уже после смерти Сталина Блохин признался мне, что всегда считал Магго патологическим убийцей.

– Знаешь, сколько твой «интеллигент» народу перестрелял? Больше всех остальных. Ты не смотри на то, что он пенсне носил и как простой бухгалтер одевался. Нравилось ему, что люди его без опаски воспринимали. Образование у него было, что и у остальных, – начальное. Это мы с тобой институты заканчивали и к знаниям тянулись. Поэтому я тебя и на

писарскую работу пристроил, а не вручил наган. Ты единственный, с кем можно было поговорить. Вот и не ошибся. Далеко ты пошел. А Магго – он до революции батраком был. Когда началась Гражданская война, то попал в спецотряд ВЧК – участвовал в подавлении антисоветских мятежей и отбирал ценности у буржуев. Вот тогда-то у него и начались проблемы с психикой. Ты еще мальцом был, а я всю Гражданскую прошел. И прекрасно его понимаю. Там очень много бессмысленной жестокости было. С обеих сторон. Когда нэп был, он служил начальником «внутрянки» (внутренняя тюрьма ОГПУ-НКВД. – *Прим. ред.*), а в 1931 году попросил перевести его в расстрельную команду.

– А остальные исполнители? – спросил я.

– У каждого свой путь был. Братья Шигалевы пришли ради карьеры. Ответственности никакой, а в званиях быстро растешь, хороший паек и дальше Москвы не пошлют служить. Оба не нашли себя в мирной жизни. Кто-то из них хотел приказчиком быть, а второй – сапожником. Не получилось. Сначала надзирателями в тюрьму устроились, но там ведь с дисциплиной строго – вот они и попали в 5-е отделение.

– А остальные тоже неудачниками были? Вот, помнится, Яковлев Петр хвастался, что самого Ленина возил. Врал, наверно, – вспомнил я еще одного исполнителя.

– Почему врал, был он шофером у Ленина и Сталина. Сменным, когда основной не мог. Во время нэпа был депутатом Моссовета, потом автобазу наркомата возглавлял, но однажды написал рапорт с просьбой перевести его в расстрельную команду. Дескать, хочу помочь в истреблении врагов народа. Сам понимаешь, отказать такому человеку в его желании я не мог. Да и зачем – сам ведь захотел. Есть у меня одна мысль, почему он решил в расстрельную команду перейти. Похоже, что-то натворил на прежнем посту, вот и

решил избежать наказания. – И, увидев удивление на моем лице, Блохин цинично добавил: – А ты что думал – расстрельная команда для многих была сродни штрафбату. Вину можно было кровью искупить – чужой. Кому-то нужно было выполнять эту работу. Это тебе повезло. Документы оформлял, а мужики стреляли. И здоровье свое там оставили. – Блохин на мгновение замолчал, вспоминая тех, кто вслед за жертвами покинул этот мир. – Ваня Фельдман на пенсии не успел пожить – быстро помер. Врачи вообще удивлялись, как он дожил до увольнения в отставку. Братья Шигалевы сгорели на работе: Василий в августе 42-го, а Иван – в декабре 44-го, меньше года до победы не дожил.

– Яковлеву Петру больше повезло. Хотя сложно это жизнью назвать. Оглох на одно ухо, кашляет кровью как чахоточный, почти не ходит, а ведь крепкий мужик был, – с грустью в голосе произнес я.

Яковлева похоронили в апреле 1959 года на Донском кладбище в Москве. Как и полагается, с почестями: военный оркестр и почетный караул. Для большинства присутствующих, даже родственников, он был обычным чекистом-орденоносцем. И только я знал, где служил и чем на самом деле занимался покойный. Блохина на похоронах не было – комендант умер через две недели после нашего разговора.

– Петр хоть дома с дочкой живет, – заметил Блохин. – А вот Сашка Емельянов в психушке помер – в прошлом году, 8 марта. Повезло мужику – помер в женский праздник. Два года назад его супругу схоронили. Его пришлось в психбольницу отправить только из-за того, что он по ночам в отделе с заряженным наганом сидел и все ждал, что за ним придут. Сам понимаешь – опасен он был в таком состоянии для окружающих.

– Вот и забрали, – мрачно заметил я.

- Единственное, чем я ему помочь смог, - не обращая внимания на мои слова, продолжил говорить Блохин, - в 49-м оформить приказ о том, что умом тронулся во время выполнения спецзадания, как и Петру Маггу. Хороший человек был Емельянов - молодежь в нем души не чаяла. Строгий, требовательный и справедливый.

- Как старшина в училище, - кивнул я, вспоминая Приходько Василия, который учил нас, курсантов, всем премудростям армейской жизни. В 1941 году он добился отправки на фронт и в 1943 году погиб на Курской дуге.

- Кто-нибудь здоровый с этой службы ушел? - зачем-то спросил я.

- Мы с тобой, например. Пока живы и годны к строевой службе в военное время, - уверенно произнес Блохин. - Демьян Семенихин до сих пор служит начальником отделения. Сашка Дмитриев летом 50-го был уволен. Там темная история была. Все из-за того, что его тесть евреем был.

- Странно как-то. Мы живы и здоровы, хотя и участвовали в расстрелах, а ребята померли или калеками остались, - произнес я мысль, которая мучила меня в то время.

- А чего странного? - удивился Блохин. - Все легко объяснимо. Мы с тобой знали, что расстреливаем врагов народа, которые совершили множество злодеяний. К тому же мы просто выполняли свой долг перед Родиной, защищая ее. Вот и все. Нас не мучили поповские рассуждения о том, что убивать - это грех и за это нам в аду гореть вечно. А ребята верили в эти сказки, хотя и носили в карманах партбилеты. Думаешь, почему они в партию вступили, - ради карьеры. Думаешь, они понимали, что в стране происходит, - нет. Они расстреливали людей, а потом мучились от осознания того, что совершили плохой поступок, за который

гореть им в аду после смерти. Мы с тобой об этом не думали, вот живы и здоровы. Вспомни свои ощущения после первого расстрела. Ты что, напился после этого? Подал рапорт с просьбой перевести в другое подразделение? Застрелился? Утром как обычно вышел на службу, словно ничего не произошло. Знаешь, я ведь заранее знал, что так произойдет. Я это во время нашей первой встречи понял. Когда задал вопрос о том, сможешь ли ты застрелить человека. Увидел я твой взгляд. Пустой и отрешенный. Я словно в бездну заглянул. Ты никаких эмоций не испытывал! Из тебя бы прекрасный палач получился! Даже лучше, чем Магго. Тот стрелял, чтобы удовлетворить свою потребность ощущать себя выше других, – жажда власти, а ты бы стрелял просто так – просто выполняя приказ.

Расстрел

В отличие от Блохина и других стрелков перед войной мне лишь однажды пришлось казнить приговоренных к высшей мере наказания «врагов народа». Хотя стрелять в людей мне приходилось много раз. Сначала на Дальнем Востоке, когда задерживали нарушителей, а потом на территории Западной Украины и Прибалтики, когда сражался с местными националистами. Там была война, а в Москве – мир. На западных и северо-западных рубежах бой мог начаться в любое время суток на городской улице или лесной дороге, а в столице выстрелы звучали по ночам в специально оборудованных местах, да и назвать московские стрельбы настоящей схваткой с врагом нельзя – обычные расстрелы, а точнее, добивание проигравшего схватку врага. С этой задачей кто угодно справится. Главное – осознать, что приговоренный к смерти судом московский «враг народа» почти ничем не отличается от дальневосточного нарушителя госграницы. Единственное различие – первый безропотно примет свою судьбу и не окажет никакого сопротивления палачу, а второй будет сражаться до последнего.

Когда мне пришлось однажды вместо одного из палачей (его увезли в больницу с приступом аппендицита) расстреливать группу «врагов народа», то я не испытал никаких эмоций при выполнении приказа Блохина. Помня рассказ отца, я не смотрел в глаза жертвам, а стрелял им в затылок. Поднимал наган, целился, задерживал дыхание и плавно нажимал на спусковой крючок. После окончания казни я вышел в коридор, налил грамм пятьдесят спирта, выпил и под недоуменные взгляды других стрелков приступил к

трапезе. Наверно, они ожидали от меня всего, кроме этого. Потом Блохин рассказал мне, что если до этого палачи считали меня способным только прислуживать начальству «штабным писарем» и презирали меня, то после этого случая стали бояться и уважать. «Ведь точно так же ты можешь застрелить любого из них», – объяснил комендант.

Снились ли мне потом лица тех, кого я расстрелял тогда? Возможно, что звучит цинично, но для меня они были безликими «врагами народа», которые понесли заслуженную кару за свои преступные деяния. Я, в отличие от большинства палачей, искренне верил в то, что эти люди – противники советской власти и моей Родины и поэтому подлежат уничтожению. А вот для стрелков они были людьми, которых начальство приказало убить. И если палачи не выполняют это задание, то сами могут оказаться на месте приговоренных к высшей мере наказания. При этом никто из палачей почему-то не думал, что он сам добровольно согласился стать стрелком. У каждого из них была возможность отказаться от участия в казнях, но они не сделали этого. Сначала стали палачами, а потом всю оставшуюся жизнь мучились от того, что им приходилось совершать. Плата за материальные блага и возможность ощущать свою власть над другими людьми. Вот только чувство превосходства над другими людьми было иллюзорным. Ничего они не могли решить. Если человека приговорили к расстрелу, то палач не мог помиловать его. Он лишь на несколько минут получал возможность ощутить власть над жертвой и отнять у нее жизнь. Возможно, что палачи запоминали имена и лица своих жертв. Лично я помню казнь только бывшего наркома внутренних дел Ежова, а все остальные расстрелы стерлись в моей памяти. Остались лишь места, где проходили казни.

Бутово

Через неделю после вступления в должность и знакомства с процедурой оформления документов Блохин отправил меня на первое самостоятельное задание – на спецобъект «Бутово». Он подчинялся Управлению НКВД Московской области. Туда привозили для приведения смертного приговора заключенных из Таганской, Бутырской и Сретенской тюрем столицы, а также тюрем Московской области.

Для бюрократов из НКВД этот спецобъект был источником постоянной «головной боли». Так как «Бутово» входило в структуру Управления НКВД Московской области, то и оформлять все документы должны были сотрудники 1-го спецотдела УНКВД, а не НКВД СССР. С другой стороны, расстреливали члены спецкоманды из НКВД СССР. При этом на время выполнения своих служебных обязанностей они поступали в оперативное подчинение коменданта УНКВД Московской области. При этом кто-то из центрального аппарата НКВД СССР должен был фиксировать результаты работы стрелков. Поэтому мне приходилось присутствовать при большинстве расстрелов. Оформлять необходимые документы в двух экземплярах: один для областного управления НКВД, а другой – для центрального аппарата НКВД.

Система учета подсудимых и осужденных в НКВД была организована безупречно. Другое дело, что когда Хрущев захватил власть в стране, то приказал уничтожить все документы, имеющие отношение к расстрелам, чтобы скрыть следы. На Хрущеве крови невинных жертв политических репрессий больше, чем на любом другом члене сталинского Политбюро. Современные «историки» не знают или не желают

знать, но в 30-е годы члена партии можно было арестовать только с санкции партийного руководства. Хрущев в 1937 году был 1-м секретарем Московского горкома и обкома партии и санкционировал арест огромного количества людей, которые затем по указанию Хрущева (его подпись стоит под приговорами) были расстреляны.

Хрущев на XX съезде партии выступил в роли разоблачителя «культа личности Сталина» и рассказал о масштабах политических репрессий. При этом он не сообщил, что и сам принимал активное участие в творившемся в конце 30-х годов беззаконии. Наоборот, он поспешил уничтожить все следы своего участия в политических репрессиях. В результате до сих пор невозможно установить, сколько человек было расстреляно в Москве и Московской области. Количество жертв, которое называют современные «историки», сильно завышено. Звучит цинично, но из-за особенностей «технологического» процесса процедура приведения в исполнение смертного приговора занимала много времени, а стрелков было очень мало. Численность спецкоманды в Москве колебалась в разные годы от 10 до 14 человек. При этом кто-то из группы был отпуске, болел, отправлен в командировку и не мог участвовать в расстрелах. Кроме того, казнили не каждый день, а один-два раза в неделю исключительно в ночное время суток.

А истории про то, как «кровавые палачи с Лубянки» за одну ночь с помощью пулеметов «пускали в расход» тысячи невинных жертв «сталинского режима», – это бред. Сотрудники спецкоманды были вооружены только наганами. Конвоиры – винтовками. Даже на установленных по периметру полигона «Бутово» вышках отсутствовали пулеметы.

Звучит цинично, но применение пулеметов при приведении смертного приговора в исполнение

противоречило требованиям действующего законодательства. А закон тогда, в отличие от современных правоохранительных органов, сотрудники наркомата внутренних дел соблюдали четко. Дело в том, что перед расстрелом требовалось удостоверить личность казненного, чтобы по ошибке не убить невинного человека. Поэтому процесс был индивидуальным и занимал много времени. Справедливости ради отмечу, что в моей практике было несколько случаев, когда из московских тюрем конвой привозил не приговоренного к высшей мере наказания, а его однофамильца или вообще другого человека. Таких людей отправляли обратно в тюрьму, а я был вынужден оформлять множество документов. Не знаю, как наказывали тюремщиков за такие «ошибки», цена которых жизнь человека. Лично я за такое преступное разгильдяйство отправлял бы лет на пять в «лагеря». Ведь точно так же надзиратели могли по ошибке выпустить на волю уголовника-рецидивиста. Сколько бы бед тогда натворил такой бандит!

Перед войной расстреливали людей, осужденных не только по «политическим статьям» (пользуясь терминологией современных «историков»), но и уголовным – убийц, расхитителей народного добра и других криминальных элементов. Помню, что многие бандиты любили делать на левой стороне груди (в районе сердца) татуировку с портретом Сталина. «Блатные» думали, что палачи не посмеют стрелять в портрет Вождя. Они ведь не знали, что стрелки почти всегда целились в затылок, а не в грудь.

С уголовниками была другая проблема – до последнего мгновения своей жизни они были способны на любой безумный поступок. Они же «умерли» после того, как узнали, что приговорены к расстрелу. Поэтому, как смертельно раненные звери, хотели вместе с собой утащить на тот свет кого-нибудь из

«легалых» или погибнуть «красиво» – например во время попытки побега. Обычно рецидивистов привозили на расстрел в наручниках, которые снимали с них лишь после смерти.

До спецобъекта «Бутово» можно было добраться по Варшавскому шоссе. Проложенная в середине прошлого (XIX. – *Прим. ред.*) века дорога была хорошего качества и проходила через многочисленные деревушки и несколько дачных поселков. Среди них деревня Дрожжино, ставшая к середине 30-х годов дачным поселком. Удобное месторасположение – два километра до станции «Бутово» Курской железной дороги. На окраине деревни пруд, где местные жители и дачники ловили гигантских карпов.

Эти рыбы появились в пруду еще до революции. По соседству с деревней коннозаводчик Зимин организовал ферму по выращиванию лошадей и построил ипподром, где всем желающим демонстрировал свой товар, как говорится, лицом. В годы Гражданской войны владелец сбежал за границу, а на ферме выращивали лошадей для нужд Красной Армии. В годы нэпа там находилась колония для содержания осужденных за нетяжкие преступления. В середине 30-х годов ее закрыли, и на этой территории создали полигон. Просуществовал он недолго. В 1937 году здесь начали расстреливать «врагов народа». Во время войны и до смерти Сталина спецобъект «Бутово» использовали для проверки прочности брони. Сначала штурмовиков И-2, а затем правительственных автомобилей. Именно тогда и появилось современное название – «Бутовский полигон».

Вот как проходила процедура расстрела. Поздно вечером из московских тюрем на спецобъект «Бутово» приезжало несколько грузовых автомобилей, специально оборудованных для перевозки осужденных. Они по очереди въезжали на территорию полигона и

останавливались около длинного деревянного одноэтажного барака. После этого начинался процесс передачи заключенных от одного конвоя другому. Приговоренные по одному выпрыгивали из грузовика и громко называли свои установочные данные (фамилия, имя, отчество, год рождения и статья) – офицеры делали пометки в своих бумагах. Когда кузов грузовика освобождался полностью, – происходило оформление документов, подтверждающих, что все осужденные были доставлены на полигон и по дороге никто не помер или не сбежал.

После этого доставленных на расстрел людей заводили в деревянный барак. Что там происходило, я не знаю, так как вместе с членами спецкоманды находился в отдельно стоящем каменном домике – играли в домино. Не знаю почему, но среди членов спецкоманды были популярны лишь две игры – домино и шашки. Шахматы считались буржуазным пережитком, а карты – развлечением уголовников. Кроме нас, в домике находился врач и прокурор. Они должны были подтвердить факт наступления смерти. Там мы могли сидеть несколько часов, ожидая, пока будет проведена последняя проверка приговоренных к расстрелу.

Непосредственно перед началом расстрела к нам в домик заходил начальник АХО УНКВД по Московской области – именно он отвечал за организацию и проведение смертных казней. Мрачно шутил:

– С личным оружием на выход.

Мы неторопливо выходили на свежий воздух. В первый раз, по незнанию, я двинулся следом за Магго, но врач, пожилой, потрепанный жизнью и проспиртованный человек, до этого травивший байки из жизни патологоанатомов и санитаров из морга, остановил меня:

– Нам еще рано. Сначала они свою работу выполняют
– покойников нашлепают, а потом мы как ОТК^[11] поработаем. Проверим качество.

А прокурор добавил:

– Не спеши вперед батьки в пекло лезть. Каждый сверчок должен знать свой шесток.

Члены спецкоманды отводили приговоренных по одному к вырытой метрах в ста траншее и стреляли жертвам в затылок. Потом возвращались за следующей жертвой. И так много раз. После завершения процедуры расстрела они шли в каменный домик, где их уже ждал спирт, скромная закуска и одеколон. Я в это время вместе с врачом и прокурором считали количество трупов. После этого я составлял соответствующий акт.

Ранним утром, как только станет светло, на полигон приезжал трактор и засыпал траншеи. Обязанности могильщика за пару литров спирта исполнял житель соседней деревни. О своей «халтурке» он никому не рассказывал. Местные жители догадывались, что именно происходит в «Бутово», но вслух озвучивали версию о том, что это стрелковый полигон НКВД и там происходит испытание новых видов оружия.

После завершения процедуры казни мы загружались в автобус и ехали обратно на Лубянку. Обычно члены спецкоманды спали мертвецки пьяным сном. Прокурор думал о чем-то своем, глядя в окно, а врач травил байки шоферу.

Спецобъект «Коммунарка»

На спецобъекте «Коммунарка», где приводили в исполнение смертные приговоры в отношении высокопоставленных «врагов народа», я бывал значительно реже, чем на «Бутовском полигоне». Для оформления необходимых документов на «Коммунарку» обычно ездил сам начальник учетно-архивного отдела.

Дорога туда, если ехать от площади Дзержинского, занимала около часа. Обычно я дремал весь путь. Что красивого можно увидеть в темноте? Это сейчас шоссе обступили подмосковные города и элитные коттеджные поселки, в которых ночью светлее, чем днем. А в конце 30-х годов еще не было Ленинского проспекта с его красивыми высокими кирпичными домами, а Калужское шоссе проходило мимо деревень Воронцово и Теплый Стан. Зато когда возвращались ранним утром, я почти всю дорогу любовался мелькавшими за окном густыми хвойными и смешанными лесами, березовыми рощами, чередующимися с живописными равнинами и холмами.

По Калужскому шоссе нужно было ехать километров 40 – до подсобного хозяйства АХО НКВД СССР «Коммунарка». Местные жители обычно называли его «Лозой». После войны подсобное хозяйство было преобразовано в совхоз «Коммунарка», а позднее появился поселок с одноименным названием.

При царской власти на месте спецобъекта находилась барская усадьба «Хорошавка» – деревянный дом с большими окнами и высокими потолками. В нем можно было жить и зимой, но владельцы использовали его исключительно как летнюю дачу. В холодное время года там жил только сторож, который словно цепной пес охранял господское имущество.

Место было красивое. Широкая аллея со специально посаженными вдоль обочины липами вела от шоссе через березовую рощу к дому. По ухоженной дорожке, которая начиналась у парадного входа особняка (была еще и вторая дверь – для прислуги), можно было выйти к специально вырытому пруду.

В 1927 году зам. председателя ОГПУ Ягода (позднее он займет пост наркома внутренних дел СССР) сумел оформить усадьбу «Хорошавка» в качестве своей служебной дачи. После этого березовая роща была огорожена высоким деревянным забором, поверх которого была натянута колючая проволока. Местным жителям – по указанию Ягоды – запретили подходить к забору. Нарушителю грозило многолетнее тюремное заключение.

Дача наркома в служебной переписке стала именоваться спецобъектом «Коммунарка». А ее жилец бесплатно получал из расположенного по соседству подсобного хозяйства парное молоко, свежие овощи, фрукты и мясо. Регулярно он устраивал вечеринки для своих друзей и подчиненных. Местные жители, которые работали в качестве прислуги на даче наркома, потом вспоминали об остатках недоеденной еды, которую им милостиво разрешали уносить с собой домой. Конец 20-х – начало 30-х годов были очень тяжелым и голодным временем для большинства жителей СССР.

Еще жилец дачи возродил большинство традиций дореволюционных владельцев. Например, он требовал, чтобы березовая роща содержалась в идеальной чистоте – ни одного поваленного дерева, а из пруда – удалять всю ряску. Разумеется, каждый день нужно было подметать дорожки на территории спецобъекта. Ощущал нарком себя баринном.

Наслаждался Ягода роскошной и сытой жизнью относительно недолго. В 1937 году вскрылись подробности его преступной деятельности на посту

наркома внутренних дел. Он был арестован, несколько месяцев находился под следствием, а потом расстрелян лично Блохиным. Подробно о Ягоде я расскажу в следующей главе, а пока продолжение истории о его даче.

В 1937 году спецобъект «Коммунарка» сменил свой статус – из дачи превратился в место, где казнили «врагов народа». Процедура расстрела почти ничем не отличалась от существовавшей на «Бутовском полигоне». За исключением того, что для спецкоманды не было отдельного строения. Впрочем, на даче Ягоды был флигель для прислуги – вот там мы и ждали своего часа. Другая особенность – могилы приходилось рыть вручную. Экскаватор в березовую рощу не загонишь – погубишь все деревья. Поэтому каждый раз братскую могилу вырывали в новом месте. Блохин говорил, что рытьем ям и их последующим засыпанием занимались профессиональные могилокопатели – сотрудники Донского кладбища в Москве. Их специально привозили из столицы днем – перед ночным расстрелом или после его окончания. Не знаю, получали ли эти люди спирт, как тракторист из «Бутово», или работали бесплатно. Когда я спросил у коменданта: а как можно было доверять этим людям – вдруг кто-нибудь из них по пьяни что-то лишнее сболтнет, – комендант ответил: кадры проверенные, они еще с начала 30-х годов органам помогали – хоронили расстрелянных на Донском кладбище.

Расстрелы в Варсонофьевском переулке

В районе площади Дзержинского (сейчас ей вернули историческое название – Лубянская площадь) и прилегающих к ней переулках располагалось множество объектов НКВД СССР. Например, по адресу Варсонофьевский переулок, 7-9, находилась автобаза этого ведомства. По соседству – ул. 25-летия Октября (сейчас – Никольская), д. 23 – находилось здание Военной коллегии СССР, где судили высокопоставленных «врагов народа». Рядом с коллегией располагалась внутренняя тюрьма, более известная как Лубянская, где эти люди содержались в период ведения следствия. Поэтому в подвалах рядом с гаражом были оборудованы помещения для приведения в исполнение смертных приговоров.

Вопреки утверждениям отдельных «историков» в подвалах Военной коллегии никого не расстреливали, а в помещениях рядом с автобазой закончило свой земной путь очень мало народу. Блохин мне потом рассказывал, что там обычно расстреливали лишь тех, при казни которых хотело присутствовать начальство. Например, бывший нарком внутренних дел Ежов не только лично наблюдал за расстрелом, но и требовал извлекать пули из трупов и присылать ему. К каждой требовалось прикладывать пояснительную записку – в чей череп она попала.

Глава 3

Казнь «кровавого карлика»

Поздним февральским вечером (5 февраля. – *Прим. ред.*) 1940 года Блохин вызвал меня к себе и приказал:

– Поедем на спецобъект № 110 (Сухановская особорежимная тюрьма. – *Прим. ред.*), там сегодня ночью бывшего наркома внутренних дел Ежова будут расстреливать. Не помогли ему «ежовые рукавицы» всех «врагов народа» поймать, – с издевкой в голосе сообщил комендант и продолжил равнодушно: – Обычно там надзиратели сами оформляют все документы, а потом передают в 1-й спецотдел (оперативный учет, регистрация и статистика. – *Прим. ред.*) твоим «коллегам». Сегодня особый случай. Твоя задача проследить, чтобы все правильно оформили. Вместе с нами зам. начальника 1-го спецотдела Баштаков поедет – ему лично и вручишь документы. Когда будет машина – вызову.

– Разрешите идти, – произнес я, стараясь скрыть растерянность и волнение в голосе. О том, что обладатель «ежовых рукавиц» был снят с поста наркома внутренних дел, я узнал, когда находился под следствием в конце 1938 года. Когда со стены в кабинете следователя исчез портрет Ежова. Потом по коридорам наркомата поползли слухи об аресте всесильного наркома.

Кто-то из чекистов, участвовавших в обыске его городской квартиры, утверждал, что, в отличие от своего предшественника – Ягоды, сам Ежов жил относительно скромно – у него было мало личных ценных вещей, чего не скажешь о его супруге, чей гардероб был забит дорогими нарядами. Она была

инициатором украшения стен их городской квартиры картинами и коврами. Зато те, кто бывал на даче Ежовых, наоборот, рассказывали о роскошном доме с кинозалом, бассейном и странной волейбольной площадке с натянутой около самой земли сеткой. Позднее я понял, что так они называли теннисный корт. Получить и обустроить загородную резиденцию мог только нарком. Также мужики утверждали, что на даче супруга Ежова держала диковинных птиц – павлинов. В отличие от неприметного и скромного мужа (любил пьянствовать с друзьями), она вела светскую жизнь, чем сильно выделялась на фоне других жен высокопоставленных советских чиновников. Во время обыска на квартире у бывшего наркома внутренних дел было изъято: пять меховых женских шуб, больше сотни платьев, десятки кофточек и шляп. Еще в протоколе упоминались многочисленные картины, ковры и украшения. Неудивительно, что жены московских начальников прозвали супругу Ежова стрекозой, намекая на персонаж из басни Крылова.

– Никаких вопросов у тебя нет по поводу личности расстреливаемого? – осторожно поинтересовался Блохин. Нарком внутренних дел Берия приказал коменданту разъяснять исполнителям, почему расстреливают людей, чьи портреты украшали страницы газеты «Правда» и кабинеты различных учреждений.

– Никак нет, – отрапортовал я, стараясь избежать разговора на специфичную тему. На самом деле мне очень хотелось узнать, в чем именно провинился Ежов. По наркомату циркулировали слухи, что обладатель «ежовых рукавиц» прославился своим беспробудным пьянством – на работу приходил после обеда – и сексуальными оргиями – был педерастом. Еще говорили о том, что, когда он был наркомом, сотрудники управления госбезопасности наркомата внутренних дел

использовали незаконные методы ведения следствия – применяли к подсудственным различные пытки физического и психологического характера. Сменившему Ежова на посту наркома внутренних дел Берии пришлось приложить огромные усилия, чтобы исправить сложившуюся ситуацию и больше не допускать случаев нарушения соцзаконности.

Большинство современных «историков» утверждают, что НКВД занимался исключительно борьбой с «врагами народа». Это грубейшее искажение исторической правды. Наркому внутренних дел подчинялись милиция, пожарная охрана, пограничные и внутренние войска, внешняя разведка, военная контрразведка, шифровальные органы, загсы и другие структуры.

Спецобъект № 110

Сейчас в газетах и журналах напечатано множество мифов о Сухановской особорежимной тюрьме. Якобы ее построили по личному приказу Ежова. Нарком внутренних дел хотел ее использовать для содержания находящихся под следствием высокопоставленных сотрудников НКВД, которых после завершения следствия планировалось расстреливать как «врагов народа».

Другой миф – Берия каждый вечер приезжал сюда, где лично участвовал в допросах и пытках подследственных и любил это место. Поэтому в народе спецобъект № 110 якобы называли «бериевской дачей». На самом деле нарком крайне редко посещал эту тюрьму.

Третий миф – Сухановка фактически была не тюрьмой, а следственным изолятором, так как после оглашения приговора содержащихся здесь людей отправляли в ГУЛАГ или расстреливали.

Четвертый миф – спецобъект якобы охраняла рота дивизии особого назначения НКВД. В структуре войск НКВД СССР действительно была Отдельная мотострелковая дивизия особого назначения, но ее подразделения не охраняли следственные изоляторы, тюрьмы и лагеря. Этим занимались конвойные войска НКВД.

Пятый миф – расстрелянных на спецобъекте «врагов народа» якобы сжигали в оборудованном в храме крематории. На самом деле после приведения смертного приговора в исполнение и оформления акта тело грузили в грузовик и отвозили в морг столичной Бутырской тюрьмы. Там оформляли новый акт с

указанием другого места смерти – одной из московских тюрем.

В 1931 году на территории бывшего Свято-Екатерининского монастыря были организованы две колонии: для малолетних и взрослых преступников, которые подчинялись ГУМЗ – Главному управлению мест заключения.

В 1935 году территория бывшего монастыря была передана в аренду Союзу архитекторов СССР. По соседству располагался Дом отдыха этой организации. На территории монастыря поселили обслуживающий персонал Дома отдыха. Впрочем, повара, горничные и уборщицы жили здесь недолго. В ноябре 1938 года их, по приказу Ежова, выселили, а бывший монастырь был снова передан в распоряжение НКВД. Его нарком внутренних дел планировал использовать для завершающей стадии уничтожения своих врагов в центральном аппарате НКВД. Вот только судьба с ним сыграла злую шутку. Как однажды сказал Блохин: «Ежов сам попал в вырытую яму»^[12]. После ареста он несколько месяцев провел в одной из камер Сухановки. Несколько раз его приезжал допрашивать Берия. Правда, персонального кабинета, как утверждают отдельные «историки», у наркома не было. Он занимал свободное помещение, где в другое время трудились его подчиненные, беседовал с подследственным, а затем возвращался в Москву.

Сухановская особорежимная тюрьма располагалась на окраине подмосковного города Видное (Павелецкая железная дорога). Сейчас там снова открыт монастырь. Никаких следов от тюрьмы не сохранилось. Церковные власти постарались уничтожить все следы советского периода истории этого места.

Когда я впервые приехал на спецобъект № 110, а после расстрела Ежова мне пришлось еще несколько

раз посетить это место, то удивился странному сочетанию: каменные мощные монастырские стены – и нити колючей проволоки над ними. Парадные ворота с построенной над ними церковью замурованы, проехать или пройти можно только через расположенные с противоположной стороны хозяйственные ворота. Рядом со входом деревянное строение – КПП.

Попав на внутренний двор, не сразу понимаешь, что находишься на территории особорежимной тюрьмы. Во дворе на веревках сушится белье. Бегают дети. Спешат по своим делам женщины – жены надзирателей и офицеров конвойных войск. В углу двора – здание клуба для сотрудников тюрьмы и военнослужащих конвойных войск. Сама тюрьма занимает два двухэтажных корпуса. В одном находятся кабинеты следователей, а в другом – камеры для заключенных.

Обитателей Сухановки кормили сытно и вкусно – еду доставляли из находившегося по соседству Дома отдыха. Я несколько раз завтракал после расстрелов. Помнится, после казни Ежова нас накормили творожной запеканкой, бутербродами с маслом и сыром, а вместо чая налили какао. Ели мы в служебной столовой – сидя за накрытыми белыми скатертями столиками. Там кормили гостей из Москвы, в каждом из нас видя большого начальника. Стрелкам такое обращение льстило, единственное, что огорчало, – отсутствие водки. Вместо нее с собой исполнители привозили спирт в солдатских фляжках, который и употребляли в качестве аперитива перед едой. Блохин несколько раз пытался организовать хранение спирта на спецобъекте, но ничего не получилось. Администрация дома отдыха предлагала коньяк или вино, но эти напитки отказывались пить исполнители, требовавшие чего-нибудь пролетарского. Впрочем, расстреливали в Сухановке редко, поэтому комендант смирился со сложившейся практикой. Перед каждой поездкой

стрелки наполняли фляжки, а после расстрела оставшимся спиртом охотно делились с шоферами и санитарями из морга.

В других местах (Бутово и «Коммунарка») трапеза была скромнее – хлеб, колбаса и много водки. Да и есть приходилось стоя и торопливо. Хотелось после проведенной на ногах ночи куда-нибудь присесть. К тому же писать приходилось на весу, внимательно следя за тем, чтобы правильно начертать фамилии и имена, а порой их сразу и не выразишь – такие сложные. Это тоже выматывало. Звучит цинично, но стрелкам было легче – им не нужно было думать, а все движения были доведены до автоматизма. Они точно так же могли расстреливать, предварительно напившись. В провинции так иногда и происходило.

Когда перед войной я поехал в командировку на Западную Украину и в Белоруссию, то несколько раз был свидетелем «пьяных» казней. Местное начальство объясняло такое нарушение инструкции просто: если палач предварительно не напьется, то не сможет стрелять в затылок приговоренному к высшей мере «врагу народа». Это в Москве или в других крупных городах, где советская власть существовала несколько десятилетий, не возникало проблем с кандидатами в стрелки. Всегда были люди, готовые выполнять грязную и неблагодарную, но необходимую финальную стадию очистки советского общества от «врагов народа». А там, где советская власть существовала всего лишь несколько месяцев (Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия) и органы наркоматов внутренних дел и госбезопасности комплектовали присланными из других областей Советского Союза чекистами, был дефицит палачей. Отдельные командиры поступали мудро. Палачу давали прочесть текст приговора, где перечислялись все кровавые деяния приговоренного. После этого надобность в спирте отпадала.

Расстрел Николая Ежова

Когда мы приехали на спецобъект № 110 для участия в казни бывшего наркома, было очень холодно. По темному небосклону кто-то щедрой рукой рассыпал горошины звезд. Огромная луна зловеще освещала территорию монастыря. Где-то брехали собаки. Под ногами скрипел снег. Аккуратно расчищенные дорожки. Свет в завешенных окнах жилых помещений. Часовые в тулупах и валенках равнодушно смотрели на группу гостей. Для них этот вечер еще один в их службе, почти ничем не отличавшийся от того, что было вчера и что будет завтра.

Для меня всегда оставалось загадкой, как можно годами служить в таком месте. Ведь многие из них были сверхсрочниками. Скучно ведь так жить, когда все события знаешь наперед. Я бы так не смог. Из-за этого я поступил в пограничное училище. На границе каждый день что-то новое происходит. Там ты сам себе командир. Причем не важно, рядовой ты или начальник заставы. А здесь – тупо выполняешь требования Уставов и приказы, и так каждый день.

Когда мы вошли в здание, где содержались подследственные, я замыкал процессию. Робел я немного в присутствии такого количества начальников во главе с заместителем Главного военного прокурора. Внутри было жарко и душно. Лампочки под потолком заливали холл желтоватым светом. Встретивший нас старший надзиратель бодро отрапортовал о том, что заключенный содержится в камере на втором этаже, жалоб на здоровье и условия содержания не имеет.

– Тогда приступим, – буднично и тихо приказал заместитель Главного военного прокурора.

Мы по каменной лестнице поднялись на второй этаж. Узкий и длинный коридор. По нему, неслышно ступая, прохаживаются двое надзирателей. Периодически они заглядывают в глазки, которыми оборудованы двери камер.

– Здесь раньше кельи монахов находились, – пояснил старший надзиратель. – Они свои грехи перед богом замаливали, а теперь «враги народа» перед советской властью пытаются... – пошутил он и внимательно посмотрел на гостей.

Заместитель Главного военного прокурора едва заметно улыбнулся. Эту шутку он слышал каждый раз, когда приезжал сюда, и она ему уже надоела. Собеседник уловил настроение гостя и поспешил сообщить:

– Он в 27-й сидит. Это вот там, где круглосуточный пост организован.

У одной из камер на табуретке, привалившись спиной к выкрашенной в темно-синий цвет стене, сидел надзиратель. Сначала я решил, что он заснул на посту. Но при нашем приближении он резко вскочил и вытянулся по стойке «смирно».

– Открой! – распорядился старший надзиратель и пояснил, обращаясь к гостям из Москвы: – Приказано никого не пускать, а также исключить любое общение подследственного.

Надзиратель сначала заглянул в глазок, а только потом отодвинул засов и отпер замок. Затем распахнул дверь. Я через плечи сгрудившегося у входа начальства заглянули вовнутрь каменного «мешка».

Наверно, основатель монастыря и спроектировавший его архитектор были садистами, а жившие здесь монахи – мазохистами. Узкий пенал глубиной около двух метров, высотой меньше двух метров (при моем росте метр восемьдесят я едва не задевал головой потолок) и шириной чуть больше

полтора метров. Крохотное окошко, через которое не увидишь происходящее во дворе. Поверхность стен была шершавой. Казалось, что штукатур вымазал их бетоном и куда-то исчез, так и не завершив свою работу.

Тусклый свет электрической лампочки, спрятанной под проволочным колпаком, освещал спартанскую обстановку. Узкая и короткая койка, которая вопреки существовавшим правилам не была пристегнута к стене, и поэтому обитатель камеры мог спать или лежать днем, – непозволительная роскошь для «врага народа»! Небольшой столик и привинченный к полу табурет, на котором восседал второй надзиратель.

При появлении начальства тюремщик вскочил, вытянулся по стойке «смирно» и замер, ожидая приказаний. Старший надзиратель сделал едва заметный знак рукой, и подчиненный беззвучно выскользнул в коридор.

– Какие-то они у вас молчаливые, – тихо произнес военный юрист.

– Больше молчишь, лучше служишь, – бодро ответил старший надзиратель. – Привыкли. Они ведь во время смены молчат весь день. Любые разговоры с подследственными, а также между собой запрещены.

«Они ведь, наверно, еще и присматривают друг за другом, – подумал я, – недаром парами дежурят». Во время службы на границе находившимся в секретах, а также в дозорах тоже было запрещено переговариваться, но там этот запрет был связан с объективными обстоятельствами – необходимость скрыть свое местонахождение от нарушителей. Понятно, что нельзя общаться с заключенными, но почему между собой тоже запрещено? Возможно, из-за того, чтобы создать для обитателей камер режим абсолютной тишины. Я вспомнил о своих ощущениях,

которые испытал во время нахождения под следствием на Лубянке.

Мои воспоминания прервал стон лежащего на койке маленького человечка в потрепанных галифе и гимнастерке. Он уткнулся лицом в спрятанные под головой ладони и периодически издавал тихие и монотонные звуки.

Я решил, что бывший нарком сошел с ума, и испуганно взглянул на старшего надзирателя. В инструкции ничего не говорилось о том, как поступать в такой ситуации. Блохин однажды сказал, что несколько человек тронулись рассудком во время следствия, но их расстреляли как обычных людей. А как поступить с бывшим наркомом в такой ситуации? Военный юрист подумал о том же. Старший надзиратель поспешил успокоить нас:

– Не обращайтесь внимания, это он придуривается! Поужинал сегодня с аппетитом, а ближе к ночи каким-то нервным стал. Наверно, чувствует, что его ожидает... – и испуганно замолчал, сообразив, что сказал лишнее. Формально Ежов мог обжаловать приговор и добиться отмены смертной казни. Кроме того, никто из надзирателей, опять же, формально не знал фамилии обитателя камеры № 27 и не мог знать о том, что его должны расстрелять.

В реальности надзиратели давно опознали в подследственном бывшего наркома Ежова – ведь портреты последнего до осени 1938 года украшали стены помещений на спецобъекте № 110 и там, где надзиратели служили до этого. Могли они видеть его фотографию в газете «Правда»; впрочем, я сомневался, что они внимательно читали это издание. Поэтому надзиратели, вспомнив судьбу предыдущего наркома – Ягоды, могли предположить, что владельца «ежовых рукавиц» ждала пуля в затылок, как матерого «врага народа».

- Подследственный № 27, - внезапно рывкнул старший надзиратель, - встать! Руки за спину! Сука!

Бывший нарком медленно перевернулся на бок, затравленно и обреченно поглядел на столпившихся в коридоре визитеров, тяжело вздохнул и неуклюже сначала сел на койку, а затем так же медленно встал.

Заместитель Главного военного прокурора торжественно и монотонно сообщил Ежову о том, что его просьба о помиловании отклонена Верховным судом. После этих слов приговоренный внезапно побледнел, словно полупустой мешок с картошкой опустился на койку и громко разрыдался, закрыв лицо руками. Человек, отправивший множество людей на казнь и в ГУЛАГ, сам боялся умереть! Мне было противно смотреть на полумертвое и трусливое существо. Захотелось пинком ноги скинуть его на пол и словно футбольный мяч одним ударом отправить этот сгусток слизи в помещение, где расстреливали. Хотя такой легкой и быстрой смерти он недостоин. Хотелось пинать его ногами до тех пор, пока подлая душонка не покинет это тщедушное тельце.

Я вспомнил, что Блохин однажды рассказал, что Ежов регулярно присутствовал на казнях. И требовал от коменданта извлекать пули из голов расстрелянных высокопоставленных «врагов народа» и присылать ему. Не знаю, зачем наркому внутренних дел требовались эти пули. Говорят, что несколько из них (каждая завернута в отдельную бумажку с указанием фамилии жертвы) были изъяты во время обыска на квартире у Ежова. Куда делись остальные пули - не знаю. Может быть, нарком использовал их в каких-то только ему известных ритуалах. Может, во время очередной пьянки с подельниками уничтожил.

Ежов был вообще странным человеком. Любил превращать казни в спектакль. Одно из его развлечений - один из приговоренных вместе с

наркомом сначала наблюдал за тем, как казнили подельников, а в конце спектакля сам получал пулю от палача. Другое – заставить Блохина надеть кожаный фартук, кепку и перчатки и в таком виде расстреливать «врагов народа». Третья идея – тем, кому Ежов симпатизировал, перед расстрелом давать коньяк. Четвертая – перед казнью избивать приговоренных. Правда, бил не сам нарком – из-за маленького роста и рахитичного телосложения не мог он избивать людей, – а кто-то из его подчиненных. Комендант говорил, что вид корчившихся от боли людей радовал Ежова. Он фальцетом выкрикивал: «Еще! Еще! Сильнее! Давай! Еще раз!»

Сам я не присутствовал при этих экзекуциях – сначала служил на Дальнем Востоке, а потом сидел в камере на Лубянке – мне об этом уже Блохин рассказывал. А ведь мог и я оказаться на месте казненных. Если бы Берия вовремя Ежова не разоблачил. Мог бы вместо кабинета нового наркома оказаться в помещении для расстрелов и увидеть в первый и последний раз в жизни старого наркома. Вот ведь какие бывают повороты в судьбе. Я с Ежовым местами поменялся. Мои размышления прервал тихий приказ военного юриста:

– Уведите!

Надзиратели подхватили тщедушного человечка под руки, выволокли в коридор и потащили, словно мешок с картошкой, в помещение для расстрелов. Путь был долгим. Сначала нужно было добраться до лестницы, по ней спуститься на первый этаж, выйти на улицу, пересечь двор и затащить бывшего наркома в приземистое здание. По пути до входной двери Ежов лишь икал, вздрагивая каждый раз. Ноги его безжизненно волочились по чисто вымытому каменному полу. Когда вышли на улицу, тело у надзирателей приняла двое бойцов конвойных войск. Сильный мороз

подействовал отрезвляюще на Ежова. Он перестал икать, во взгляде появилась осознанность, он напрягся и попытался вырваться из рук конвойных.

– Куда, сука! – рывкнул старший надзиратель и двинул кулаком в солнечное сплетение Ежову. Приговоренный скрючился, начал жадно хватать ртом воздух и повис на руках у конвойных. – Чего стоите, ведите!.. – приказал он.

Мы торопливо зашагали к месту казни. Ежов безуспешно пытался тормозить транспортировку своего тела ногами, громко визжал и пытался вырваться из крепких рук конвойных.

Через пару минут мы вошли в здание. Сопротивление Ежова прекратилось так же внезапно, как и началось. Старший надзиратель, раздосадованный произошедшим и боясь новых неожиданных поступков от бывшего наркома внутренних дел – например, начнет Сталина прославлять или, наоборот, ругать, – приказал Ежову снять галифе и гимнастерку. Приговоренный медленно исполнил это указание, оставшись в несвежих кальсонах и нижней нательной рубаше. Ботинки, правда, без шнурков, и портянки ему милостиво разрешили оставить. Вот в таком виде и молча он прошел последние метры в своей жизни.

Мы вошли в помещение, где расстреливали. Бетонный пол под наклоном и канавка для водостока. Бревенчатая стена со следами от пуль. Около входа у стены торчал кусок трубы с краном. После того как тела казненных погрузят в кузов грузовика, кто-нибудь из стрелков принесет резиновый шланг и из него смоем все следы крови.

В тот вечер этот порядок был изменен. Конвойные поставили Ежова лицом к стене и вышли из помещения. Визитеры столпились в коридоре. Блохин вошел вовнутрь с наганом в руке. Слово в тире, прицелился и

плавно нажал на спусковой крючок. Грохот выстрела. Пуля разворотила затылок бывшего наркома. Тело медленно сползло вниз по стене...

Через несколько минут я с шофером – сотрудником автобазы НКВД – уложили труп на специальные брезентовые носилки и отнесли их к грузовику. После этого я оформил необходимые документы.

В ту ночь расстреляли еще одного «врага народа» – подельника Ежова. Второй труп мы тоже загрузили в грузовик. Затем я отвез оба тела в морг, где и оформил все необходимые документы. Много лет спустя я случайно узнал, что труп Ежова был кремирован, а урна с прахом захоронена на Донском кладбище.

Разговор с Блохиным

Через три часа после казни мы вернулись на Лубянку. По традиции зашли в кабинет к коменданту. Блохин достал из сейфа бутылку водки. Из буфета принесли бутерброды с колбасой. Хозяин кабинета наполнил стаканы. Мы, не чокаясь и не произнося тостов, выпили. Помолчали. Потом он налил еще раз. Снова выпили. И тут обычно невозмутимого и сдержанного коменданта прорвало:

– Вовремя его чекисты остановили. Еще пара месяцев, и нас бы с тобой объявили «врагами народа» и в Суханово (так в народе называли спецобъект № 110. – *Прим. ред.*) отправили. Он ведь всех нас обманул! Даже самого товарища Сталина! Он должен был привести в порядок дела в НКВД после казнокрада Ягоды. А вместо этого расставил на всех ключевых постах своих людей и готовился власть захватить! А еще хотел убить руководителей партии и правительства!

Я с удивлением слушал своего командира. В том, что враг коварен и может принять любые обличья, я впервые убедился, когда служил на границе и к японцам сбежал начальник УНКВД Люшков. Но ведь тогда это был не нарком внутренних дел, а переродившийся чекист и тайный «троцкист»! Ежов, насколько я помнил, всегда придерживался генеральной линии партии и был верным соратником товарища Сталина. У нас на заставе, в красном уголке, висел плакат, где были изображены трое руководителей страны. Посредине нарком иностранных дел Литвинов с толстым портфелем в руках. Слева от него – Ежов, сжимающий в «ежовой рукавице» извивающуюся змею, на которой надпись: «Вредители, шпионы, диверсанты». Справа от руководителя

внешнеполитического ведомства – нарком обороны Ворошилов в шинели, буденовке и с винтовкой в руках. Помнил я и другой плакат, который видел в штабе погранотряда. На картинке Ежов сжимал одетой в огромную мохнатую рукавицу змею с надписью: «Троцкисты-бухаринцы – враги народа». Вместо хвоста у змеи было нечто вроде фашистской свастики, а голову заменили несколько карикатурно изображенных человеческих лиц. Все на плакате было в коричнево-черной гамме. А может, мне это показалось из-за того, что висел он в полутемном коридоре. Я созерцал это произведение часа два, пока ожидал вызова к начальнику отряда. Еще песня была о Ежове, которую с воодушевлением мы пели на всех праздниках...

– И все из-за того, что при назначении на должность наркома не учли его моральный облик, – продолжал говорить Блохин, все сильнее пьянея. Таким я видел коменданта впервые. Вместе мы выпивали и раньше, несколько раз даже вдвоем, когда он, отпустив по домам сотрудников 5-го спецотделения комендантского отдела Административно-хозяйственного управления – непосредственных исполнителей расстрелов, оставался на рабочем месте до утра. Как он сам говорил: «дежурным по комендатуре». Мне казалось, что в эти дни ему просто не хотелось возвращаться домой.

В семейной жизни у него все было хорошо. Заботливая жена и подрастающие дети. Они, правда, не знали, чем занимается глава семейства. За пределами родного отдела обсуждать любые служебные темы было уголовно наказуемым деянием. А выговориться иногда хотелось.

Я сутками находился на службе, участвовал в работе комсомольской организации Управления плюс колоссальная нагрузка по общественной линии – выпуск стенгазеты и т. п., так что на обустройство личной жизни времени не оставалось. Возвращаться в пустую и

холодную комнату коммунальной квартиры мне не хотелось.

– Во-первых, он алкоголем злоупотреблял. На работу часто после обеда приходил. А иногда в пьяном виде вечерами по наркомату шатался, – начал перечислять грехи Ежова собеседник. – Это ему можно простить, но с большим трудом. Работа у всех тяжелая, нервная. Вот наши орлы тоже после расстрелов не прочь принять на грудь. И что, я против? Пусть лучше так отдыхают, чем в «психушке». Да, бывало, в пьяном виде до дома не доходили – засыпали по дороге. Ну и что, у них работа тяжелая. Главное, что все они – мужики. А этот, – Блохин сплюнул на пол, – педераст. О его похождениях весь наркомат знал. Как он со своими любовниками развлекался, когда жены дома не было. Понятное дело, что и она при таком муже гулящей была. Красивая баба. На нее мужики заглядывались. Однажды она, – Блохин понизил голос и огляделся по сторонам, словно опасаясь, что нас кто-то может подслушать, – с самим Шолоховым, это тот который писатель, в гостинице «Националь» развлекалась. «Топтуны» все их разговоры записали, а потом ее мужу-рогоносцу этот документ вручили. – Он сально рассмеялся. – Вот то потеха потом была, когда он читал, как она ему рога наставила. Ребята не знали, что знаменитый писатель с женой наркома развлекается, думали, с кем-то еще. Ну и записали все подробно. Как они целовались, как потом на кровать перешли и сколько раз он ее... – При этих словах я покраснел.

В то время молодежь была куда более целомудренной, чем сейчас. Об интимных отношениях между мужчиной и женщиной почти ничего не знали. До свадьбы в лучшем случае могли позволить себе только целоваться и обниматься.

– Ладно, не стыдись. Я тоже в твоём возрасте не знал, как на бабу правильно влезть. Помнится, в первую

брачную ночь... – начал Блохин, но затем осекся и замолчал, вспоминая что-то личное. – Да не было у нас никакой свадьбы, что сейчас играют. Да и своего «угла» тоже не было... Хотя время было прекрасное. Не то, что сейчас, только пошлые анекдоты можно рассказывать и радоваться, что тебе никто рога не наставил, как этому педерасту. Ты думаешь, она ему только с Шолоховым изменила. Нет, она со многими. А что поделаешь, хочется бабе мужика, а его нет. Ему мальчиков подавай. Она и сгубила Ежова. Среди ее любовников оказались иностранные шпионы и враги народа... Хотя знаешь, она ведь любила его. Когда следствие началось, она отравилась в больнице. Так мы и не узнали, какие именно секреты она сообщила иностранным шпионам.

– Так, может, она ничего не сказала, – осторожно предположил я, постаравшись уйти от постельной темы.

– Сразу видно, не было у тебя баб. Они в постели, если их правильно «пожарить», знаешь, какими разговорчивыми становятся. Все, что угодно, расскажут. К тому же одна из особенностей бабской породы – болтливость. Вот моя встретится с соседкой и часа три языком чесать будет. О чем можно так долго говорить – неясно. Понятно, если месяц не встречались, а то каждый день трещат, как две сороки. – И продолжал рассказ о супруге Ежова: – По причине преждевременной смерти она ничего не сообщила следствию, зато ее любовники оказались куда разговорчивее...

Комментарий Александра Севера:

«Если бы в то время в Советском Союзе существовала «желтая» пресса, а Николай Ежов был не наркомом внутренних дел, а, например, знаменитым актером, то имена супругов регулярно появлялись бы на страницах газет и журналов. Даже по сегодняшним нормам морали их семейную жизнь нельзя назвать целомудренной, а тогда – тем более. Изменяли друг другу оба. Хотя у каждого были свои предпочтения. Он – много, с различными женщинами, имевшими более низкое социальное положение в обществе. Она – мало (по сравнению с мужем), но исключительно со «звездами».

Евгения Соломоновна Фейгенберг (Хяютина – по первому мужу, Гладун – по второму, Ежова – по третьему) родилась в Гомеле в 1904 году и была на 9 лет младше супруга. Поженились они в 1931 году. Своих детей у них не было, поэтому взяли приемную дочь Наташу из дома малютки. Вот что об этой женщине рассказал доктор социологических наук Эдуард Макаревич:

«Фейгенберг родом была из Гомеля, из бедной еврейской семьи. В 17 лет вышла замуж за слесаря Хяютина. Познакомилась с ним в Одессе, где работала машинисткой в редакции одного журнала. Девушка способная, веселая, хватавшая все на лету, она сумела сильно понравиться командированному в Одессу директору московского издательства «Экономическая жизнь» Алексею Гладуну. С ним, своим новым мужем, переехала в Москву. Гладуна вскоре двинули на дипломатическое поприще, и Евгения оказалась вместе с ним в Лондоне. Стучала на машинке в советском полпредстве. Потом – Берлин. Опять машинистка, но

уже в торгпредстве. Вдруг Гладуна отзывают в Москву, а соработники в Берлине просят его: пусть Женя останется – быстро и чисто печатает, научилась редактировать тексты. Муж эту просьбу уважил и отбыл в СССР. Ему ведь не сказали о главном: Женечка на советских вечеринках показала, как умеет танцевать под патефон – будто плавится в партнере, растворяясь в нем, и мужчины торгпредства без ума от нее.

И случилось так, что в Берлин в это самое время приехал знаменитый советский писатель Исаак Бабель, обаятельный и влюбчивый. Много позже, в 1939 году на допросе у следователя НКВД, автор «Конармии» и одесских рассказов самолично написал в своих показаниях: «С Евгений Ежовой, которая тогда называлась Гладун, я познакомился в 1927 году в Берлине, где остановился проездом в Париж. В первый же день приезда я зашел в торгпредство. Там я познакомился с Гладун, которая, как я помню, встретила меня словами: «Вы меня не знаете, но я вас хорошо знаю. Видела как-то раз на встрече Нового года в московском ресторане». Вечеринка в торгпредстве сопровождалась изрядной выпивкой, после которой я пригласил Гладун покататься по городу в такси. Гладун охотно согласилась. В машине я убедил ее зайти ко мне в гостиницу. В этих меблированных комнатах произошло мое сближение с Гладун, после чего я продолжал с ней интимную связь вплоть до дня своего отъезда из Берлина»...»^[13]

Осенью 1928 года Евгения Гладун вернулась в Москву и поступила на работу в редакцию «Крестьянской газеты» машинисткой. Роман с Исааком Бабелем возобновился и продолжался, по его словам, до конца 1929 года.

В конце двадцатых годов во время отдыха в Сочи Евгения Гладун познакомилась с Николаем Ежовым.

Вскоре они создали новую ячейку общества – семью.

Для будущего наркома это был второй брак. Его первой супругой была Антонина Алексеевна Титова, на два года его моложе, бывшая студентка Казанского университета, вступившая в 1918 году в партию и работавшая техническим секретарем в одном из райкомов. Она окончила сельскохозяйственную академию и работала в Орграспредотделе ЦК ВКП(б). После развода с Ежовым Антонина Титова в 1933 году закончила аспирантуру, доросла до заведующей отделом во ВНИИ свекловичного полеводства и даже выпустила в 1940 году книгу «Организация работы звеньев в свеклосеющих совхозах». В 1946 году она ушла на скудную пенсию по болезни, прожила после этого больше сорока лет и умерла на девяносто втором году жизни в сентябре 1988 года. Репрессиям ни в период «ежовщины», ни позднее не подвергалась.

Евгения Ежова организовала в квартире светский салон, где помимо подчиненных Ежова – работников аппарата ЦК, а в дальнейшем – чекистов можно было встретить видных партийных функционеров – Александра Поскребышева^[14], Александра Косарева^[15], Роберта Эйхе^[16], журналистов, писателей, деятелей искусства. Гостей всегда ждал богатый стол, обильная выпивка и непринужденная обстановка, позволяющая приятно провести время, попеть и потанцевать.

Среди интимных друзей Евгении Ежовой, кроме вышеназванного писателя Исаака Бабеля, был Отто Шмидт^[17]. Сложно сказать, знал или нет об ее амурных похождениях муж. Сам Ежов регулярно изменял супруге.

Сотрудница Иностранной комиссии Союза писателей СССР Зинаида Гликина (близкая подруга Евгении Ежовой) вспоминала позднее:

«Он готов был установить интимную связь с любой, хотя бы случайно подвернувшейся женщиной, не считаясь ни со временем, ни с местом, ни с обстоятельством. От Хаютиной-Ежовой мне было известно, что Н. И. Ежов в разное время в безобразно пьяном состоянии приставал, пытаясь склонить к сожителству, ко всем женщинам из обслуживающего его квартиру персонала... Знаю со слов Хаютиной, что он использовал свою конспиративную квартиру по линии НКВД на Гоголевском бульваре как наиболее удобное место для свиданий и интимных связей с женщинами».

Евгения Ежова не только была прекрасно осведомлена о сексуальных похождениях своего супруга, но однажды даже помогла ему решить проблему интимного характера. В 1936 году одна из его партнерш забеременела, а в то время в СССР аборты были официально запрещены. Евгения Ежова с помощью своих связей в Наркомате здравоохранения помогла этой женщине прервать нежелательную беременность^[18].

В начале июня 1938 года Иосиф Сталин настоятельно рекомендовал Николаю Ежову развестись с женой. Свое странное пожелание вождь мотивировал тем, что Евгения Ежова скомпрометировала себя связями с «врагами народа»: расстрелянным в 1936 году начальником иностранного отдела и заместителем директора Госбанка Григорием Аркусом^[19] (его обвинили в том, что, используя свое служебное положение, он организовал снабжение находившегося в изгнании Льва Троцкого иностранной валютой).

Вернувшись домой из Кремля, Николай Ежов рассказал об этом разговоре супруге. Она не только отвергла идею развода, но и, наоборот, порекомендовала мужу при следующей встрече со

Сталиным заявить о своем полном доверии жене и нежелании развода. Неизвестно, выполнил супруг ее совет или нет. Зато у Евгении Ежовой начался новый роман – с Михаилом Шолоховым. Эта интимная связь жены наркома внутренних дел и известного писателя ухудшила и без того напряженные отношения в семье Ежовых.

Евгения Ежова познакомилась с будущим любовником в феврале 1938 года на даче в Подмосковье, куда известный писатель приехал после встречи с Ежовым. Наркому он жаловался на сотрудников НКВД, которые свирепствовали в его родном Вешенском районе и по ложным обвинениям арестовали нескольких односельчан.

Второй раз супруга наркома встретила с писателем в августе 1938 года. Михаил Шолохов вместе с Фадеевым заехал в редакцию, а оттуда втроем они отправились обедать в ресторан гостиницы «Националь». Шолохов остановился именно в этом отеле. Домой она вернулась поздно вечером и не скрывала того, что Михаил Шолохов настойчиво ухаживал за ней. Сложно сказать, зачем она так поступила. Если хотела спровоцировать приступ ревности у мужа, то она достигла цели. Разразился громкий семейный скандал.

На следующий день Михаил Шолохов снова приехал в редакцию, но теперь без Александра Фадеева. Снова обед в ресторане гостиницы «Националь», а затем они поднялись в номер, где проживал писатель.

Прослушиванием номеров в гостиницах занималось 1-е отделение Отдела оперативной техники. Разрешение на проведение мероприятий «слухового контроля» помещений, где проживал Михаил Шолохов, начальник Отдела оперативной техники Михаил Алехин получил от своего коллеги начальника Секретно-политического отдела Александра Журбенко. После

этого стенографистки из НКВД подробно фиксировали все слова известного писателя. Женщины были дисциплинированными исполнителями, лишних вопросов не задавали и просто фиксировали на бумаге все, что слышали.

Поэтому, когда на следующий день ничего не подозревающие Евгения Ежова и Михаил Шолохов оказались в номере писателя, их свидание было добросовестно запротоколировано, причем фиксировались не только произносимые слова, но и то, что, по мнению стенографистки, в этот момент происходило («идут в ванную», «ложатся в постель» и т. д.). В тот же день сотрудники установили личность женщины.

В рапорте заместителя начальника первого отделения 2-го спецотдела НКВД лейтенанта госбезопасности Кузьмина, который он направил зам. наркома внутренних дел Лаврентию Берию, сообщались подробности прослушки:

«Согласно вашему приказанию о контроле по литеру «Н» (наружное наблюдение. – *Прим. ред.*) писателя Шолохова доношу: в последних числах мая поступило задание о взятии на контроль прибывшего в Москву Шолохова. Который остановился в гостинице «Националь» в 215-м номере. Примерно в середине августа Шолохов снова прибыл в Москву и остановился в той же гостинице. Так как было приказание в свободное от работы время включаться самостоятельно в номера гостиницы и при наличии интересного разговора принимать необходимые меры, стенографистка Королева включилась в номер Шолохова и, узнавши его по голосу, сообщила мне, нужно ли контролировать. Я сейчас же сообщил об этом Алехину, который и распорядился продолжать контроль. Оценив инициативу Королевой, он распорядился премировать ее, о чем был составлен

проект приказа. На второй день заступила на дежурство стенографистка Юревич, застенографировав пребывание жены тов. Ежова у Шолохова. Контроль за номером Шолохова продолжался еще свыше десяти дней, вплоть до его отъезда, и во время контроля была зафиксирована интимная связь Шолохова с женой тов. Ежова»^[20].

С записью встречи Шолохова с Ежовой ознакомился Алехин. Прочтя этот документ, он поспешил доложить обо всем произошедшем наркому внутренних дел. О реакции «рогоносца» на это сообщение во время следствия рассказала уже упоминавшаяся выше Зинаида Гликина. Поясним, что согласно ее показаниям с будущей женой наркома она училась в Гомеле, а затем «часто встречалась в Ленинграде и с 1924 года в Москве»^[21].

«На другой день [после свидания с Шолоховым] поздно ночью Хаютина-Ежова и я, будучи у них на даче, собирались уж было лечь спать. В это время приехал Н. И. Ежов. Он задержал нас и пригласил поужинать с ним. Все сели за стол. Ежов ужинал и много пил, а мы только присутствовали как бы в качестве собеседников.

Далее события разворачивались следующим образом. После ужина Ежов в состоянии заметного опьянения и нервозности встал из-за стола, вынул из портфеля какой-то документ на нескольких листах и, обратившись к Хаютиной-Ежовой, спросил: «Ты с Шолоховым жила?»

После отрицательного ее ответа Ежов с озлоблением бросил его [т. е. документ] в лицо Хаютиной-Ежовой, сказав при этом: «На, читай!»

Как только Хаютина-Ежова начала читать этот документ, она сразу же изменилась в лице, побледнела и стала сильно волноваться. Я поняла, что происходит что-то неладное, и решила удалиться, оставив их

наедине. Но в это время Ежов подскочил к Хаютиной-Ежовой, вырвал из ее рук документ и, обращаясь ко мне, сказал: «Не уходите, и вы почитайте!» При этом Ежов бросил мне на стол этот документ, указывая, какие места читать.

Взяв в руки этот документ и частично ознакомившись с его содержанием... я поняла, что он является стенографической записью всего того, что произошло между Хаютиной-Ежовой и Шолоховым у него в номере.

После этого Ежов окончательно вышел из себя, подскочил к стоявшей в то время у дивана Хаютиной-Ежовой и начал избивать ее кулаками в лицо, грудь и другие части тела. Лишь при моем вмешательстве Ежов прекратил побои, и я увела Хаютину-Ежову в другую комнату.

Через несколько дней Хаютина-Ежова рассказала мне, что Ежов уничтожил указанную стенограмму».

Зинаида Гликина на том же допросе сообщила о предшествующих семейной ссоре событиях:

«Весной 1938 года Шолохов приезжал в Москву и по каким-то делам был на приеме у Ежова. После этого Ежов пригласил Шолохова к себе на дачу. Хаютина-Ежова тогда впервые познакомилась с Шолоховым, и он ей понравился. Хаютина-Ежова также вызвала у Шолохова особый интерес к себе. На этом, пожалуй, и закончилась их первая встреча.

Летом 1938 года Шолохов снова был в Москве. Он посетил Хаютину-Ежову в редакции журнала «СССР на стройке», где она работала, под видом своего участия в выпуске номера, посвященного Красному казачеству. После разрешения всех вопросов, связанных с выпуском номера журнала, Шолохов не уходил из редакции и ждал, пока Хаютина-Ежова освободится от работы. Тогда он проводил ее домой. Из разговоров, происходивших между ними, явствовало, что Хаютина-

Ежова нравится Шолохову как женщина. Однако особая интимная близость между ними установилась позже. Кстати сказать, Ежов был осведомлен от Хаютиной-Ежовой о том, что ей нравится Шолохов.

В августе 1938 года, когда Шолохов опять приехал в Москву, он вместе с писателем Фадеевым посетил Хаютину-Ежову в редакции журнала. В тот же день Хаютина-Ежова по приглашению Шолохова обедала с ним и Фадеевым в гостинице «Националь».

Возвратившись домой поздно вечером, Хаютина-Ежова застала Ежова, который очень интересовался, где и с кем она была. Узнав о том, что Хаютина-Ежова была у Шолохова в гостинице «Националь», Ежов страшно возмутился. В связи с этим случаем мне стал известен один из секретных методов органов НКВД по наблюдению за интересующими его лицами. Я узнала о существовании, в частности в гостинице «Националь», специальных аппаратов, посредством которых производится подслушивание разговоров между отдельными людьми, и что эти разговоры до мельчайших деталей фиксируются стенографистками.

Я расскажу сейчас, как все это произошло.

На следующий день после того, как Хаютина-Ежова обедала с Шолоховым в «Национале», он снова был в редакции журнала и пригласил Хаютину-Ежову к себе в номер. Она согласилась, заведомо предчувствуя стремление Шолохова установить с ней половую связь.

Хаютина-Ежова пробыла у Шолохова в гостинице «Националь» несколько часов...»

Семейной ссорой, невольным свидетелем которой была Зинаида Гликина, дело не ограничилось. Она утверждает, что «в связи со всей этой историей Ежов был сильно озлоблен против Шолохова, и когда Шолохов пытался несколько раз попасть на прием к Ежову, то он его не принял...» Скорее всего, писатель продолжал свою правозащитную деятельность и

пытался спасти от ГУЛАГа своих односельчан. Маловероятно, что на прием к наркому внутренних дел он пытался попасть, чтобы извиниться за свое поведение в отношении Ежовой.

Снова процитируем показание Гликиной:

«Спустя примерно месяца два с момента вскрытия обстоятельств установившейся между Хаютиной-Ежовой с Шолоховым интимной связи, Ежов рассказывал мне о том, что Шолохов был на приеме у Л. П. Берии и жаловался на то, что он – Ежов – организовал за ним специальную слежку и что в результате разбирательством этого дела занимается лично И. В. Сталин. Тогда же Ежов старался убедить меня в том, что он никакого отношения не имеет к организации слежки за Шолоховым, и поносил его бранью...»^[22]

Конфликт между Ежовым и Шолоховым, в котором пришлось разбираться Сталину, не имел отношения к любовным похождениям жены наркома. В феврале 1938 года писатель приехал в Москву по неотложному делу – привез письмо самому Сталину. И это было уже не первое письмо. Шолохов обвинял возглавляемый Ежовым НКВД. Суть обвинения приведена в докладной записке члена Комиссии Партийного Контроля М. Ф. Шкирятова (май 1938 года):

«В своем письме на имя товарища Сталина тов. Шолохов выдвигает против работников НКВД Ростовской области ряд обвинений, которые в основном сводятся к следующему.

1. Группа работников УНКВД Ростовской области создавала и продолжает создавать ложные дела на честных и преданных Советской власти людей. «Сотни коммунистов, посаженных врагами партии и народа, до сих пор томятся в тюрьмах и ссылках» (из письма т. Шолохова).

2. В органах НКВД Ростовской области к арестованным применяются физические насилия и длительные допросы, толкающие арестованных на путь оговаривания невинных людей и приписывания себе преступлений, ими не совершенных. «Надо покончить, – писал т. Шолохов, – с постыдной системой пыток, применяющихся к арестованным».

3. Против Шолохова подбирались ложные материалы и распускались провокационные слухи с единственной целью его скомпрометировать. «В такой обстановке, какая была в Вешенской, невозможно было продуктивно работать, но и жить безмерно тяжело. Туговато живется сейчас. Вокруг меня все еще плетут черную паутину враги» (из письма т. Шолохова).

В своем письме т. Шолохов требовал... привлечь к ответственности работников УНКВД по Ростовской области, повинных в этих преступлениях. Тов. Шолохов писал: «Надо тщательно проверить дела осужденных по Ростовской области и в прошлом, и в нынешнем годах, так как много из них сидит напрасно... Невинные сидят, виновные здравствуют, и никто не думает привлечь их к ответственности» (из письма т. Шолохова)...»^[23]

Затем состоялась встреча писателя со Сталиным. Вождь якобы заявил в присутствии Ежова, что «великому русскому писателю Шолохову должны быть созданы хорошие условия для работы». Подробности этой встречи писатель поведал только после смерти вождя гостившему в Вешенской корреспонденту «Литературной газеты» Вадиму Соколову, а тот смог обнародовать эту историю только после смерти Шолохова и даже самой Советской власти, в конце 1994 года.

К обвинению Николая Ежова в конфликте с Шолоховым, который, как мы видим, носил политический, а не личный характер, добавился новый

«грех». В августе 1938 года в ЦК ВКП (б) на имя Иосифа Сталина поступила анонимка, где сообщалось о троцкистском прошлом Евгении Ежовой. Во второй половине тридцатых годов это очень серьезное обвинение. Иосиф Сталин во второй раз, но теперь в более категоричной форме поставил перед Николаем Ежовым вопрос о разводе с супругой. Вернувшись вечером домой, нарком рассказал о беседе с вождем. У Евгении Ежовой началась глубочайшая депрессия. Одной из своих подруг – Зинаиде Орджоникидзе – она призналась: «Не имеет смысла жить, если тебе политически не доверяют».

В середине сентября 1938 года, в связи с сильным душевным расстройством жены, Ежов отправил ее на лечение в один из крымских санаториев. Спустя некоторое время Евгения Ежова прислала ему оттуда письмо-исповедь, в котором подводила итог всей прожитой жизни, а заодно опровергала обвинения, выдвинутые в ее адрес.

«Колюшенька, в Москве я была в таком безумном состоянии, что не могла даже поговорить с тобой. А поговорить очень хочется. Хочется подвести итог нашей совместной, и не только совместной, а своей жизни, потому что чувствую, что жизнь моя окончена. Не знаю, хватит ли сил все пережить.

Очень тебя прошу, и не только прошу, а настаиваю, проверить всю мою жизнь, всю меня. Я не могу примириться с мыслью о том, что меня подозревают в двурушничестве, в каких-то несодеянных преступлениях. Очень это незаслуженно, и так меня подкосило, что чувствую себя живым трупом.

За что же, Коленька, я обречена на такие страдания, которые человеку и придумать трудно... Сильно, очень сильно любя тебя, потерять тебя и остаться одной, запятнанной, опозоренной, живым трупом. Все время голову сверлит одна мысль: зачем

жить? Какую свою вину я должна искупить такими нечеловеческими страданиями... Прошу тебя, умоляю – проверь все. Ведь ты можешь и обязан это сделать. Ради меня, ради Натуси, ради себя самого, наконец. Ведь ты как-то за меня отвечаешь. Ведь при тебе только я начала сознательно относиться к политической жизни, начала читать, разбираться. Как, какими словами передать тебе всю боль мою, мою обиду? Одиночество беспросветное, мрак кругом. Может ли один человек столько вытерпеть? Оказывается, может, к сожалению. Лучше бы умерла от жесточайших мук физических.

А потерять тебя, тебя, которого я выходила во время болезни как маленького, которому отдала все лучшее, что имела, а в результате принесла страдания... А как мне хотелось хоть чем-нибудь сделать тебе хорошее... Если еще живу, то только потому, что не хочу тебе причинять неприятности, хватит с тебя.

Понимаю тебя, не сержусь и люблю так, как никогда не любила, хоть и всегда молилась на тебя за твою скромность, преданность партии и тов. Сталину. Если бы можно было хоть пять минут поговорить с этим дорогим мне до глубины души человеком. Я видела, как чутко он заботился о тебе, я слышала, как нежно он говорил о женщинах. Он поймет меня, я уверена. Он почувствует. Он не может ошибиться в человеке и дать ему потонуть...

Так тяжело, что нет сил писать. Как я одинока и как незаслуженно глубоко несчастна. А дальше что? Страшно подумать. Мечусь по комнатам, хочется кричать, бежать. Куда? К кому? Кто поверит? Ты должен проверить все, молю тебя.

Женя».

Получив это письмо, Ежов вызвал жену в Москву, решив, видимо, что в том состоянии, в каком она находится, опасно оставлять ее надолго без присмотра.

29 октября 1938 года он поместил супругу с диагнозом «астено-депрессивное состояние» в расположенный на окраине Москвы санаторий им. Воровского, специализирующийся на лечении заболеваний нервной системы^[24].

19 ноября 1938 года, около шести часов вечера, лечащий врач зашла к Евгении Ежовой и обнаружила ее спящей. Это показалось странным, так как в это время она обычно не спала. При попытке разбудить ее выяснилось, что сделать это невозможно. Зрачки были сужены, вяло реагировали на свет, отсутствовала реакция на укол.

В течение двух дней врачи боролись за жизнь пациентки, однако их усилия успехом не увенчались, и 21 ноября 1938 года, в 19 часов 55 минут, Евгения Ежова, не приходя в сознание, скончалась. Как определило вскрытие, смерть наступила от двустороннего воспаления легких, возникшего в связи с отравлением люминалом^[25].

Запись в акте о вскрытии гласила:

«Труп женщины 34 лет, среднего роста, правильного телосложения, хорошего питания... Смерть наступила в результате отравления люминалом»^[26].

Сам Николай Ежов не только любил гулять на стороне, об этом ниже, но и в пьяном виде демонстрировал повышенную болтливость. Снова процитируем показания Зинаиды Гликиной:

«...Некоторые лица, в том числе и я, не имевшие никакого отношения к органам НКВД, осведомлялись от почти всегда пьяного Ежова о некоторых конспиративных методах работы Наркомвнудела... Ежов неоднократно рассказывал о существовании Лефортовской тюрьмы, что там бьют арестованных и что он лично также принимает в этом участие. Присутствовавший при этом Фриновский (заместитель

Ежова. – *Прим. ред.*) подобострастно хихикал. Ежов в моем присутствии рассказывал также о технике приведения в исполнение приговоров в отношении осужденных к расстрелу. В хвастливом тоне... заявлял о своем личном участии в расстреле осужденных...

После назначения Л. П. Берии заместителем Наркома Внутренних Дел Союза ССР Н. И. Ежов начал почему-то волноваться и нервничать. Он стал еще сильнее пьянствовать и часто выезжал на работу только вечером. В разговоре со мной по поводу назначения Л. П. Берии Хаютина-Ежова заметила: «Берия очень властный человек, и вряд ли Николай Иванович с ним сработается...»^[27]

Когда Василий Блохин рассказывал о гомосексуализме Николая Ежова, то он пересказывал циркулировавшие среди сотрудников НКВД слухи, которые были основаны на одном документе – заявлении бывшего наркома. Находясь под следствием, он 23 апреля 1939 года написал заявление в Следственную часть НКВД, где сообщил:

«Считаю необходимым довести до сведения следственных органов ряд новых фактов, характеризующих мое морально-бытовое разложение. Речь идет о моем давнем пороке педерастии.

Начало этому было положено еще в ранней юности, когда я жил в учении у портного. Примерно лет с 15 до 16 у меня было несколько случаев извращенных половых актов с моими сверстниками – учениками той же портновской мастерской. Порок этот возобновился в старой царской армии во фронтовой обстановке. Помимо одной случайной связи с одним из солдат нашей роты у меня была связь с неким Филатовым, моим приятелем по Ленинграду, с которым мы служили в одном полку. Связь была взаимноактивная, то есть

«женщиной» была то одна, то другая сторона. Впоследствии Филатов был убит на фронте.

В 1919 г. я был назначен комиссаром 2 базы радиотелеграфных формирований. Секретарем у меня был некий Антошин. Знаю, что в 1937 г. он был еще в Москве и работал где-то в качестве начальника радиостанции. Сам он инженер-радиотехник. С этим самым Антошиным у меня в 1919 г. была педерастическая связь взаимноактивная.

В 1924 г. я работал в Семипалатинске. Вместе со мной туда поехал мой давний приятель Дементьев. С ним у меня также были в 1924 г. несколько случаев педерастии, активной только с моей стороны.

В 1925 г. в городе Оренбурге я установил педерастическую связь с неким Боярским, тогда председателем Казахского облпрофсовета. Сейчас он, насколько я знаю, работает директором Художественного театра в Москве. Связь была взаимноактивная.

Тогда он и я только приехали в Оренбург, жили в одной гостинице. Связь была короткой, до приезда его жены, которая вскоре приехала.

В том же 1925 г. состоялся перевод столицы Казахстана из Оренбурга в Кзыл-Орду, куда на работу выехал и я. Вскоре туда приехал секретарем крайкома Голощекин Ф. И. (сейчас работает Главарбитром). Приехал он холостяком, без жены, я тоже жил на холостяцком положении. До своего отъезда в Москву (около 2-х месяцев) я фактически переселился к нему на квартиру и там часто ночевал. С ним у меня также вскоре установилась педерастическая связь, которая периодически продолжалась до моего отъезда. Связь с ним была, как и предыдущие, взаимноактивная.

В 1938 г. были два случая педерастической связи с Дементьевым, с которым я эту связь имел, как говорил выше, еще в 1924 г. Связь была в Москве осенью 1938 г.

у меня на квартире, уже после снятия меня с поста Наркомвнудела. Дементьев жил у меня тогда около двух месяцев.

Несколько позже, тоже в 1938 г., были два случая педерастии между мной и Константиновым. С Константиновым я знаком с 1918 г. по армии. Работал он со мной до 1921 г. После 1921 г. мы почти не встречались. В 1938 г. он по моему приглашению стал часто бывать у меня на квартире и два или три раза был на даче. Приходил два раза, с женой, остальные посещения были без жен. Оставался часто у меня ночевать. Как я сказал выше, тогда же у меня с ним были два случая педерастии. Связь была взаимноактивная. Следует еще сказать, что в одно из его посещений моей квартиры вместе с женой я и с ней имел половые сношения.

Все это сопровождалось, как правило, пьянкой.

Даю эти сведения следственным органам, как дополнительный штрих, характеризующий мое морально-бытовое разложение»[\[28\]](#).

Есть свидетельства нескольких человек, которые были сексуальными партнерами Ежова или последний пытался принудить этих людей к занятию оральным сексом. Насколько можно доверять этим показаниям – судить трудно. Отметим лишь, что в обвинительном заключении о его сексуальных предпочтениях не было сказано ни слова. Хотя с 1934 года в Уголовном кодексе РСФСР было предусмотрено наказание за мужеложство.

Если основываться на показаниях вышеуказанных лиц, то Николай Ежов на самом деле был гетеросексуалом, с женщинами он тоже сексом занимался. Один из свидетелей утверждает, что однажды они развлекались втроем – он с женой и Ежов. Так что Блохин был не прав, утверждая, что бывший нарком был гомосексуалистом.

Не всегда сексуальные похождения наркома заканчивались без последствий. В ходе одного из допросов всплыла история о том, как его завербовала германская разведка. Не будем обсуждать, был или не был Николай Ежов немецким шпионом, скорее всего не был, в противном случае он бы попытался попасть в Германию, а не в Японию, а расскажем об истории его вербовки. Летом 1934 года он находился на лечении в венской клинике профессора Ноордена. Там он, по версии следствия, соблазнил одну из медсестер. Во время очередного интимного свидания в комнату вошел ассистент профессора доктор Энглер. Последний устроил скандал и намекнул, что эта история может попасть в немецкие газеты. Зная, какое положение занимает в Советском Союзе пациент, он предложил в обмен на отказ сообщать репортерам об аморальном поведении партийного функционера сотрудничество с германской разведкой. Теоретически такую операцию немецкая разведка могла организовать, подставив жертве смазливую медсестру. «Медовые ловушки» активно использует большинство разведок мира.

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

...Во-вторых, – Блохин продолжил перечислять причины, из-за которых Ежова нельзя было назначать наркомом внутренних дел, – у него не было опыта чекистской работы. Вот ты, прежде чем сюда попасть, окончил училище пограничных войск, на границе служил. Поэтому я тебя к себе и взял на службу. Знаю, что ты парень опытный. А что врага народа прозевал, так не только ты. Кроме тебя, сколько твоих начальников, ослепленных званием и наградами, ему поверили. Так и с Ежовым произошло. Вроде проверенный товарищ, из рабочих. А на самом деле с гнильцой оказался и слабыхарактерным. Зато товарищ Берия – наш человек. Проверенный. Он еще в

Гражданскую войну с врагами советской власти воевал. И тогда чекистскую науку познал. Поэтому он и разоблачил врага народа Ежова и всех его ставленников. Ведь Люшков-то сначала Ягоде служил, а потом к Ежову переметнулся. Они на Дальнем Востоке хотели восстание организовать, вот только не успели. Когда Ежов почувствовал, что их планы известны товарищу Берии, то он Люшкову телеграмму зашифрованную отправил, дескать, все пропало, пора тебе к японцам уходить. Ты что, думаешь, Люшков случайно к вам приехал. Бежать он хотел. Обманул он вас всех. И все потому, что там товарища Берии не было. А ставленники Ежова на Дальнем Востоке помогли Люшкову сбежать. Ведь он и всех их на «теплые» места пристроил. Не просто так, а с расчетом того, что они окажут ему тоже услугу.

– Так, значит, побег Люшкова был санкционирован из Москвы, – растерянно произнес я, – Вот почему он свободно перемещался по пограничной полосе. И все командиры выполняли секретное распоряжение из Москвы о том, чтобы Люшков подошел к «окну» на границе. А мне, как лицу младшего командного состава, знать об этом распоряжении не полагалось...

Комментарий Александра Севера:

«Решением Политбюро 26 мая 1938 года Генрих Люшков был освобожден от обязанностей начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю «в связи с переводом на работу в центральный аппарат наркомата внутренних дел». В то время началась очередная административная реформа центрального аппарата, поэтому формально вызов Люшкова в Москву выглядел как повышение. Хотя, учитывая сложившуюся тогда практику, можно было предположить, что на самом деле в столице его планировали арестовать. На этом кадровые перестановки на Дальнем Востоке не закончились – 1 июня 1938 года Политбюро назначило нового зам. начальника краевого УНКВД, новых начальников всех восьми областных управлений НКВД, входящих в состав Дальневосточного края, а также новых начальников Особых отделов Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии. Все вновь назначенные были «варягами» – выходцами из других регионов. Фактически это означало «чистку» аппарата УНКВД по Дальневосточному краю.

Николай Ежов не спешил выполнять распоряжение Политбюро – подписывать соответствующий приказ о кадровых перестановках. Вместо этого он 26 мая 1938 года направил телеграмму Генриху Люшкову, в которой было сказано:

«Учтите, что в ближайшее время, в связи реорганизацией ГУГБ НКВД, предполагаем вас использовать [в] центральном аппарате. Подбираем вам замену. Сообщите ваше отношение к этому делу».

Очень странный текст. Не принято было в то время спрашивать у руководителей их согласия на перевод на другую должность. Просто ставили перед фактом.

Понятно, что если человека переводят в Москву, тем более с Дальнего Востока, где в любой момент мог начаться вооруженный конфликт с Японией, то «сменщика» нужно подобрать заранее. И зачем тогда об этом сообщать в телеграмме, когда все и так ясно.

Два дня потребовалось Генриху Люшкову на обдумывание странной телеграммы. 28 мая 1938 года он сообщил в Москву:

«Считаю за честь работать [под] Вашим непосредственным большевистским руководством. Благодарю за оказанное доверие. Жду приказаний».

Приказ о переводе Люшкова в Москву Ежов не спешил подписывать. И это странно. Прошло две недели с заседания Политбюро, а Люшков продолжал оставаться начальником УНКВД по Дальневосточному краю.

Внезапно 9 июня 1938 года будущий перебежчик заявил своему заместителю Григорию Осинину-Винницкому^[29] о необходимости выехать в район пограничного города Посъет, где у него должна состояться встреча с особо важным агентом. Прибыв на поезде в город Ворошилов и проведя короткое совещание в местном УНКВД, Люшков на автомобиле отправился в Посъет. Там он заслушал доклад начальника 59-го погранотряда К. Гребенника об остановке на охраняемом участке, после чего вместе с чекистом выехал к месту встречи с агентом, которая якобы должна была состояться рядом с госграницей.

Интересно, что только 24 июня 1938 года, спустя 11 дней после бегства Люшкова, Сталин приказал зам. наркома внутренних дел Фриновскому отправиться в Хабаровск и разобраться в произошедшем. По странному стечению обстоятельств в тот же день зарубежные СМИ опубликовали сообщение о том, что начальник УНКВД бежал на территорию Маньчжурии.

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

...- Похоже на то, - согласился Блохин, - Люшков был не единственным выдвигенцем Ежова. Были и еще люди, которых он считал своими подчиненными. Вот и третья причина, из-за которой его нельзя было назначать на пост наркома. У Ежова не было своих людей. Придя в наркомат, он был вынужден сначала набирать людей в свою группу, а потом расставлять на ключевые посты по всей стране. Лично ему преданных людей! При этом он часто закрывал глаза на их «троцкистское» прошлое, а также связь с иностранными разведками и уже разоблаченными врагами народа.

- Так как же такое возможно? - искренне удивился я. Мне казалось, что человеку с «пятнами» в биографии не место в органах госбезопасности. - Вот когда я поступал в училище, то заполнял множество различных анкет, где нужно было сообщить не только все о себе, но и всех родственников. А после того, как по моей вине к японцам сбежал «враг народа» Люшков, меня ведь расстрелять хотели сначала.

- Могли и расстрелять, - меланхолично произнес собеседник. - Ежову выгодно было тебя объявить главным виновником в побеге Люшкова. На твоём ведь участке он ушел.

- Так я ведь рапорт написал на имя начальника заставы! - еще не понимая, куда клонит Блохин, заявил я.

- Ну, и кому какое дело до твоей бумажки? Думаешь, Люшков своих людей на Дальнем Востоке не имел? Может, они и его побег подготовили. Это куда сложнее, чем документ из следственного дела изъять. В этом Ежов и его слуги очень преуспели. Знаешь, сколько они липовых следственных дел сделали? Много. И все потому, что врагами были.

Я удивленно смотрел на Блохина. Смысл произнесенных им слов не укладывался в моей голове. Не могло ведь такого быть, чтобы чекисты занимались такой гнусной и грязной деятельностью. Может быть, комендант сильно опьянел? И поэтому начал говорить такие вещи. Или он начал сходить с ума. Ведь несколько сотрудников 5-го отделения, которые непосредственно приводили приговоры в исполнение, были комиссованы по причине расстройств психики.

– Для них это было вредительством советской власти и уничтожением тех, кто их мог разоблачить. Да и места для своих соратников они расчищали, – продолжил собеседник. – Что может совершить «троцкист» на заводе – устроить аварию или пожар. Тем самым нанеся колоссальный ущерб стране. Если он занимается наукой, то будет делать такие открытия, которые бесполезны или вредны. В сельском хозяйстве «троцкисты» постараются организовать падеж скота и неурожай. Ты в газетах читал, на что эти люди способны. Так в них не все сообщают. Все гораздо страшнее. Правда, нельзя об этом народу сообщать – паника начнется. Все будут друг в друге врагов видеть. Собственно, с Ежовым и его бандой так и произошло. Они внушили своим подчиненным, что кругом одни враги, и выдвигали наверх только тех, кто поверил в это. При этом они всеми силами настоящих врагов старались уберечь от заслуженной кары, а расстреливать невиновных людей. В этом и было их вредительство. Уничтожить лучшие кадры в стране и вызвать недовольство народа. Дальше самим захватить власть или при помощи иностранных держав. Ведь все они сотрудничали с зарубежными разведками!

– Как же такое могло произойти? – еще не до конца осознав смысл сказанного собеседником, произнес я растерянно. С предыдущим наркомом Ягодой все вроде

бы было ясно. «Троцкист» и погрязший в различных финансовых махинациях «враг народа».

– Психовал он из-за своего маленького роста. Ты думаешь, почему он педерастом стал? На него бабы внимания не обращали. Маленький, плюгавенький, с писклявым голоском – соплей такого перешибешь и не заметишь. Знаешь, чем он до революции занимался – сначала работал портным, а потом, когда Мировая война началась, в запасном полку отсиживался. На фронт его из-за маленького роста не взяли. Да и происхождение его сомнительное. Знаешь, кем его отец до революции был. Подпольный притон содержал. Родился он не в Ленинграде, а где-то в буржуазной Литве. Мать у него была непонятного происхождения, может, даже из дворян. В 1918 году в Гомельской области бандитизмом занимался, пока там советской власти не было. И все это Ежов скрывал. Его еще в двадцатом году хотели по приговору Ревтрибунала расстрелять за то, что он дезертирам помогал – оформлял на учебу в школу телеграфистов Красной Армии. Благодаря ему «контра» не только наказания избегала за дезертирство, но и могла узнавать все военные тайны.

– А почему его тогда не расстреляли? – все еще находясь в шоковом состоянии, машинально спросил я.

– Хороший исполнитель и ж...у привык начальству лизать. Понимал сволочь, что только так он может власть получить над другими людьми. А еще одевался скромно и на работе сутками пропадал. Слова всегда говорил правильные, что накануне в газете «Правда» прочел. Нравился он начальству своей преданностью. Вот он их и предал, – хмыкнул Блохин, довольный своим каламбуром. – Когда стали не нужны Ежову бывшие покровители, то он их приказал расстрелять. Вот только одного не учел, что если товарища Сталина ему удалось обмануть и втереться в доверие, то товарища Берию –

нет. Мудрый чекист сразу распознал в Ежове двурушника и врага народа. И то, какими методами он следствие ведет. И о готовящемся покушении на товарища Сталина и других руководителей государства.

Команда Ежова

Когда Ежов был назначен наркомом внутренних дел, то в НКВД у него не было своих людей – тех, кому он мог доверять. Руководство центрального аппарата, которое досталось ему в наследство от Ягоды, скомпрометировало себя соучастием в преступных деяниях предыдущего наркома или отказывалось выполнять преступные приказы.

В результате Ежов затеял грандиозную «чистку». Он решил сначала ликвидировать большинство начальников из центрального аппарата, а затем «почистить» регионы. И все это он решил проделать под лозунгом борьбы с «врагами партии и народа». В одиночку справиться с такой задачей он не смог бы. Ему требовались помощники, которые занимались бы решением всех технических вопросов. И такие люди нашлись. По разным причинам они соглашались выполнять преступные приказы Ежова. Кто-то из них искренне верил, что таким образом действительно очищает страну от врагов. Кто-то старался выслужиться перед начальством и подняться вверх по карьерной лестнице. Кто-то еще со времен Гражданской войны не мог действовать по-другому и продолжал видеть везде «врагов трудового народа и мировой революции». Кто-то в силу отсутствия опыта чекистско-оперативной работы, а также нежелания учиться оказывался легкой добычей настоящих «врагов народа» и быстро попадал в расставленные ими ловушки.

В последние годы появилось множество публикаций, где рассказано о людях из ближайшего окружения наркома внутренних дел Ежова. Для одних авторов – они палачи и виновники тысяч невинно загубленных жизней, для других – жертвы «сталинского

режима». Кто дал право современным авторам, которые родились значительно позже и не знали всех деталей происходящего тогда, судить этих людей? Даже мы, жившие в то время и служившие вместе с этими людьми в одном ведомстве, регулярно встречавшие их в коридорах Лубянки, обедавшие в одной столовой, сидевшие рядом с ними на различных торжественных собраниях, не можем объективно судить этих людей.

Многие авторы записывают в «команду» Ежова всех руководящих сотрудников центрального аппарата НКВД. Это неправильно, так как многие служили еще при предыдущем наркOME Ягоде или были назначены летом 1937 года по инициативе Берии. Поэтому я кратко расскажу только о тех, кого принял на службу в НКВД или перевел из территориальных подразделений в центральный аппарат Ежов в первые месяцы своего руководства наркоматом.

Вейншток Яков Маркович – начальник 10-го (тюремного) отдела Главного управления госбезопасности НКВД.

Родился в семье торговца. До революции – конторщик в частной торговой фирме. В партии с февраля 1919 года. В годы Гражданской войны – в органах военной контрразведки. В первой половине двадцатых годов – в пограничных войсках. Затем в течение десяти лет он занимал различные посты в административно-организационных подразделениях ОГПУ. С октября 1934 года по октябрь 1936 года был начальником отдела кадров НКВД СССР, одновременно начальник Центральной школы ОГПУ-НКВД (март 1933 года – октябрь 1936 года).

Странно, но после того, как наркомат возглавил Ежов, этот человек не лишился своего поста как ставленник Ягоды (занимал один из ключевых постов в наркомате – начальник отдела кадров), а был

переведен на должность начальника тюремного отдела. Вейншток возглавлял его до своего увольнения из НКВД в марте 1938 года.

В середине апреля 1938 года он был назначен заместителем наркома водного транспорта Ежова. Вейншток был арестован 21 сентября 1938 года, расстрелян 22 февраля 1939 года, реабилитирован в январе 1957 года.

Жуковский Семен Борисович — начальник АХУ (административно-хозяйственного управления. – *Прим. ред.*) и ключевых оперативных подразделений Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

В годы Гражданской войны – начальник политотдела. С мая 1922 по 1923 год – помощник заведующего учетно-распределительным отделом ЦК РКП(б). Затем на хозяйственной работе – руководитель различных внешнеторговых организаций. С декабря 1931 года по апрель 1934 года – член коллегии Наркомата внешней торговли СССР. С марта 1934 года по октябрь 1936 года – член КПК при ЦК ВКП(б), руководитель группы Внeshторга.

Начальником АХУ НКВД СССР был назначен 15 октября 1936 года. По непонятной причине (опытный хозяйственник) в июле 1937 года был назначен заместителем начальника 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ, правда, занимал этот пост недолго – меньше месяца. С июля 1937 года по январь 1938 года – начальник 12-го (оперативной техники) отдела ГУГБ НКВД СССР. С января по октябрь 1938 года – заместитель Ежова. В октябре 1938 года Жуковский арестован, в январе 1940 года – расстрелян, в июле 1955 года – реабилитирован.

В отличие от большинства других ставленников Ежова, не попал под «наградопад». В мае 1938 года был

лишь награжден знаком «Почетный работник ВЧК – ГПУ (XV)».

Курский Владимир Михайлович – кадровый чекист, начальник секретно-политического и контрразведывательного отделов.

В органах госбезопасности с июня 1921 года. Свою карьеру начал с низшей должности – помощник уполномоченного Особого отдела – контрразведки Всеукраинской ЧК. С июля по ноябрь 1936 года – начальник УНКВД Западно-Сибирского края. По инициативе Ежова был переведен на повышение в Москву и назначен начальником Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР. Этим подразделением он руководил до апреля 1937 года. Затем Курский в течение двух месяцев возглавлял 1-й (охрана руководителей партии и правительства) отдел. С июня по июль 1937 года – начальник 3-го (контрразведывательного) отдела.

При Ежове был награжден лишь однажды – 2 июля 1937 года – орденом Ленина «за образцовое и самоотверженное выполнение важнейших заданий Правительства».

Застрелился 8 июля 1937 года. По странному стечению обстоятельств именно в этот день он был награжден орденом Ленина.

Леплевский Израиль Моисеевич – кадровый чекист, руководитель подразделений НКВД, отвечавших за оперативное обеспечение транспортной системы СССР.

В органах госбезопасности с февраля 1918 года – регистратор оружия Саратовской ЧК. С декабря 1934 года по ноябрь 1936 года – нарком внутренних дел БССР. С ноября 1936 года по июнь 1937 года – начальник отдела военной контрразведки НКВД СССР. С

июня 1937 года по январь 1938 года – нарком внутренних дел НКВД УССР. С января по март 1938 года начальник 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР. С марта по апрель 1938 года – начальник 1-го (железнодорожный транспорт) Управления транспорта и связи НКВД СССР. Затем в течение двух недель – в апреле 1938 года – начальник Управления транспорта и связи НКВД СССР.

При Ежове был награжден орденом Ленина – 22 июля 1937 года.

Арестован 26 апреля 1938 года, расстрелян 28 июля 1938 года, не реабилитирован.

Николаев-Журид Николай Галактионович — кадровый чекист, отвечал за организацию работы подразделений контрразведки.

Родился в семье владельца усадьбы. До революции – конторщик на железной дороге. В партии с февраля 1920 года.

В годы Гражданской войны сотрудник органов военной контрразведки. После окончания войны продолжил службу в органах госбезопасности. В ноябре 1936 года был переведен с должности заместителя начальника УНКВД по Ленинградской области на должность начальника оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР. С июня 1937 года по март 1938 года возглавлял 5-й (военная контрразведка) отдел 1-го Управления госбезопасности НКВД СССР. С марта по сентябрь 1938 года – начальник 3-го (контрразведывательного) отдела НКВД СССР. Затем меньше месяца (с 29 сентября по 25 октября 1938 года) возглавлял 3-й (контрразведывательный) отдел НКВД СССР.

Николаев-Журид был арестован 25 октября 1938 года, расстрелян 6 февраля 1940 года, не реабилитирован.

Фриновский Михаил Петрович – ближайший помощник Ежова, 1-й зам. наркома внутренних дел.

Родился в семье учителя в 1898 году. В 1914 году окончил церковное училище. С января по август 1916 года служил в кавалерии вольноопределяющимся. Затем дезертировал из армии и был связан с анархистами. С марта по сентябрь 1917 года работал бухгалтером. В сентябре 1917 года вступил в Красную гвардию в Хамовниках (Москва). В партию вступил только в 1918 году. Осенью того же года начал службу в Красной Армии. С 1919 года в органах ВЧК – ГПУ. Во время Гражданской войны участвовал в важнейших операциях ЧК – разгроме анархистов, ликвидации анархистских и повстанческих отрядов на Украине и т. д., руководил подразделениями военной контрразведки. После окончания войны занимал руководящие посты в региональных подразделениях госбезопасности. По странному стечению обстоятельств Фриновского назначали исключительно в «горячие точки» – места, где происходило вооруженное сопротивление советской власти. Например, в приграничных с Польшей районах Украины действовали проникшие из-за рубежа банды белогвардейцев. В Средней Азии дестабилизировали обстановку басмачи. На Северном Кавказе кулаки, пользуясь неграмотностью местного населения, спровоцировали несколько восстаний.

В сентябре 1930 года Фриновский был назначен председателем ГПУ Азербайджана. С этого момента его карьера стала развиваться с невероятной быстротой. В апреле 1933 года он занял пост начальника Главного управления пограничной охраны ОГПУ СССР. С июля 1934 года – начальник Главного управления пограничной и внутренней охраны НКВД СССР. Ситуация на границе в то время была тревожной. Ежедневно пограничники пресекали попытки

проникновения на советскую территорию групп вооруженных нарушителей. В многосерийном советском фильме «Государственная граница» реалистично отражена обстановка в предвоенные годы.

После того как Николай Ежов был назначен наркомом внутренних дел, в октябре 1936 года Михаил Фриновский стал его заместителем и главным советником. Одновременно Фриновский возглавил Главное управление государственной безопасности НКВД СССР.

Блохин и другие руководящие работники наркомата утверждали, что Ежов был слабовольным человеком и не мог принимать самостоятельных решений. Зато он был великолепным исполнителем. Возможно, что нарком слепо выполнял указания своего заместителя, считая Фриновского опытным сотрудником органов госбезопасности. К тому же Фриновский – здоровый мужик, который привык отдавать приказы, а не просить выполнить поручение, – психологически подавлял низкорослого интеллигента Ежова.

Фриновский с 1918 года постоянно находился в зоне боевых действий. Везде, где он служил, обязательно были коварные враги, с которыми нужно было бороться. Вот и заняв пост зам. наркома внутренних дел, он продолжил привычное дело – выявление и уничтожение «врагов народа». Продолжалось это относительно недолго. В сентябре 1938 года его назначили наркомом Военно-морского флота СССР. В апреле 1939 года он был арестован. В феврале 1940 года Военной коллегией Верховного Суда приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

Цесарский Владимир Ефимович – руководитель Учетно-регистрационного отдела в центральном аппарате ГУГБ и начальник УНКВД по Московской области.

Родился в семье приказчика. В партию вступил в 1919 году. В годы Гражданской войны находился на подпольной работе в Одессе. С февраля 1922 года по март 1932 года на партийной и хозяйственной работе в Киеве, Благовещенске, в Терской области. В марте 1932 года был назначен помощником заведующего учетно-распределительным отделом ЦК ВКП(б) и занимал этот пост до августа 1932 года. Затем, до марта 1934 года, – врид (временно исполняющий дела. – *Прим. ред.*) заведующего сектором госторговли и кооперации распределительного отдела ЦК ВКП(б). В течение года, до апреля 1935 года, помощник заведующего промышленным отделом ЦК ВКП(б). С апреля 1935 года по апрель 1937 года – референт-докладчик Секретаря ЦК ВКП(б) Ежова.

С 8 октября по 28 ноября 1936 года – особоуполномоченный при наркоме Ежове. Напомню, что последний занял пост наркома 1 октября 1936 года. С конца октября 1936 года до марта 1938 года Цесарский был начальником 8-го (Учетно-регистрационного) отдела ГУГБ. Затем, в течение четырех с половиной месяцев (28 мая – 15 сентября) 1938 года, он занимал пост начальника УНКВД Московской области. Дальше началось его стремительное падение – был переведен с понижением на должность начальника Управления Ухто-Ижемского ИТЛ НКВД, которую занимал до декабря 1938 года. В декабре 1938 года Цесарский был арестован, приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в январе 1940 года. Не реабилитирован.

За время службы в органах НКВД Цесарский был награжден орденом Красной Звезды (декабрь 1936 года), орденом Ленина (июль 1937 года) и знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (май 1938 года).

Шапиро Исаак Ильич – начальник секретариата Ежова. Одного из важнейших подразделений наркомата. Через секретариат происходило общение с «внешним миром» и различными подразделениями НКВД в регионах. Именно секретариат фильтровал все поступавшие наркому сообщения. И пост руководителя секретариата Ежов доверил человеку сомнительного происхождения, к тому же незнакомого с особенностями чекистско-оперативной работы!

До революции Шапиро служил конторщиком и агентом по продаже нефтепродуктов. В партию вступил в 1919 году. Во время Гражданской войны служил помощником военного комиссара. С 1922 года по 1929 год возглавлял различные подразделения в наркомате финансов РСФСР. Затем перешел в Наркомат Рабоче-крестьянской инспекции. Оттуда ушел на повышение – в аппарат ЦК ВКП(б). Там он заведовал сектором топливной промышленности промышленного отдела. На него обратил внимание член ЦК ВКП(б) Ежов и назначил своим секретарем-референтом. Когда Ежова назначили зам. наркома внутренних дел, то он взял с собой своего секретаря.

С января по июль 1937 года Шапиро занимал пост заместителя начальника секретариата НКВД СССР. С июля 1937 года по март 1938 года – начальник 9-го (секретно-шифровального) отдела ГУГБ НКВД СССР. С августа 1937 года по октябрь 1938 года – начальник секретариата НКВД СССР. С марта по ноябрь 1938 года – начальник 1-го (секретно-шифровального) спецотдела НКВД СССР.

Ежов не забывал награждать своего помощника. В декабре 1937 года Шапиро прикрепил к своему кителю орден Красной Звезды, а в мае 1938 года – знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)». Быстро рос Шапиро и в званиях. Если в марте 1937 года он был майором госбезопасности, то в ноябре того же года – уже

старшим майором госбезопасности. Правда, через восемь дней после присвоения этого звания Шапиро арестовали. Расстреляли в феврале 1940 года. Реабилитировали в ноябре 1956 года.

Глава 4

Смерть коррупционеров- оппозиционеров

В последние годы все активно ищут «золото партии». Якобы высокопоставленные функционеры из КПСС конвертировали народное богатство в золотые слитки и тайно вывезли его за рубеж. На самом деле этот миф сочинили «демократы», чтобы отвлечь внимание простого народа от процесса самообогащения.

В Советском Союзе воровать отучил товарищ Сталин. Его урок запомнили надолго. До прихода к власти Горбачева не было фактов коррупции, за исключением Средней Азии. Там своя специфика. Там и советская власть была установлена только перед войной. До этого многочисленные банды басмачей препятствовали переходу от отсталого феодального к прогрессивному социалистическому обществу.

Троцкий: бизнесмен или политик

Однажды Блохин застал меня читающим роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Настроение в тот вечер у коменданта было хорошим. Он уже успел принять «на грудь» и хотел с кем-нибудь поговорить «за жизнь». К тому же комендант знал, что я никому не расскажу подробности нашей беседы, даже если он что-то лишнее сболтнет.

– У нас тоже было свое кресло с сокровищами, – похвастался комендант, устраиваясь удобно на стуле. – Вернее, сейф, которым Яков Свердлов пользовался. Знаешь, кто это такой?

– Он вместе с Лениным и товарищем Сталиным руководил свержением царского режима, – предположил я, вспоминая изученный в училище «Краткий курс истории ВКП(б)», и пожалел, что часто дремал на занятиях.

– Эх ты, истории родной страны не знаешь! Свердлов после революции был третьим человеком в партии, после товарищей Ленина и Сталина. Это потом Троцкий приказал вычеркнуть имя Свердлова из истории и заменить его своим. А знаешь, почему он это сделал? Не любил он Якова Свердлова за его принципиальность и честность. Не знаю как, но в руки Свердлова попали драгоценности и золото. Наверно, у кого-то из буржуев отобрали. Так вот, Свердлов в свой сейф положил и собирался сдать куда следует, но не успел – умер от испанки или тифа, да это неважно. Главное, что сгорел за несколько дней и не успел помощникам необходимых указаний дать. Из-за этого никто не знал, что в одном из служебных сейфов хранилось. Драгоценности много лет там пролежали,

пока их случайно не обнаружили во время инвентаризации.

- И построили на них дом культуры, - предположил я разочарованно. И что в этом интересного. Не успел сдать драгоценности, а через много лет их нашли. Подлость и коварство Троцкого тогда были всем известны и не требовали подтверждения.

- Не ехидничай, - сделал мне замечание комендант. - Вот Троцкий, например, нашел бы этим ценностям свое антисоветское применение. Например, чтобы финансировать свою вредительскую деятельность.

- На оплату услуг своих сподвижников? На что еще он может тратить деньги, проживая за границей? - предположил я.

- Да! Или ты веришь, что «троцкисты» такие идейные, что готовы пакостить советской власти бесплатно? Нет, им Троцкий деньги платит. Очень большие деньги. Значительно больше тех сумм, что иностранные разведки дают ему на организацию подрывной деятельности в СССР. Думаешь, буржуи щедры. Нет, они очень скупые. И если бы Троцкий только на них рассчитывал, то сейчас бы милостыню просил в Париже, а не жил бы в особняке в Америке...

- Как Киса Воробьянинов в Пятигорске? - пошутил я.

- Эх, тебе бы только позубоскалить, а дело ведь серьезное. Троцкий ведь начал советской власти еще весной 1917 года вредить, когда из США вернулся. При этом он еще о личной выгоде не забывал. Любит он роскошь, буржуй недобитый. Правильно, что его товарищ Сталин из страны выслал, хотя лучше бы, если бы расстрелял этого гаденыша. Был бы пример для всех обуржуазившихся членов партии...

- А как Троцкий за полгода до Октябрьской революции советской власти начал вредить? -

удивленно спросил я, когда понял, что сейчас Блохин переключится на другую тему.

- А он заранее начал готовиться. Все рассчитал, хапуга. Есть у него дядя, который сейчас в Париже уважаемый буржуями банкир. До революции он в России жил и был мелким дельцом, гешефтом занимался, как и все евреи. Когда большевики победили, сбежал он за границу, а племянник здесь остался. Кому Троцкий там нужен? Ведь кроме политики он ни на что не способен. Да и то больше языком чесать. Знаешь, как его во время Гражданской войны красноармейцы называли? - «балалайкой». Бывало, приедет он на фронт на персональном бронепоезде. Состав три или четыре паровоза тащили, такой он был тяжелый. Поездная бригада, охрана и прислуга - все в фирменные кожаные штаны и тужурки были одеты. Их специально на заказ шили. А на рукаве у каждого - специальная бляха блестящая с надписью «Троцкий» нашита. Соберет он всех на митинг, часа два поговорит, потом награды раздаст - часы и портсигары. Он их мешками возил. А тем, кому наград не хватило, газету давал. Ее в поезде печатали. В одном из вагонов типография была оборудована. Статьи в нее сам Троцкий сочинял. Очень он писучий был. - Комендант засмеялся, довольный своим каламбуром. - Из газеты отличные «козьи ножки» (самокрутки. - *Прим. авт.*) получались. Выступил, раздал подарки и дальше поехал. Так всю войну и прокатался по тылам. Жил он шикарно. Мужики рассказывали, что один целый вагон занимал. Была там золотая ванна и огромная кровать. В соседнем вагоне везли запас спиртного и еды всякой. Повар у него был, что до революции в шикарном ресторане в Ленинграде буржуев кормил. А теперь ему различные кушанья готовил... - Блохин внезапно замолчал, погрузившись в воспоминания о своей юности.

- А при чем тут дядя Троцкого? - нетерпеливо спросил я. - Родственник ведь за границу сбежал, а племянник здесь остался. Да и во время Гражданской войны особо и нечем было торговать. В стране голод и разруха царила. Есть было нечего. Что-то из вещей в деревне удавалось на продукты обменять.

- Слушай и не перебивай, - приказал собеседник. - Пока мы тут голодали, дядя Троцкого сумел закупить у буржуев военное снаряжение и продовольствие, что во время Империалистической войны (Первая мировая война. - *Прим. ред.*) страны Антанты нам должны были прислать, но так и осталось на складах Франции и США. Царский режим его оплатил, но товара не получил. Когда царя скинули с трона, то буржуи заявили, что договор был заключен с Николашкой (Николай II. - *Прим. ред.*), поэтому большевики его не получают. Пока мы на фронтах Гражданской войны воевали, дядя Троцкого почти задаром скупил все эти товары, а потом задорого начал их нам продавать.

- При чем тут Троцкий? - не понял я. - Его дядя ведь в Париже сидел и еще до революции различные «гешефты» проделывал. Странно, если бы он не воспользовался такой возможностью.

- Эх, молодежь, всему вас учить надо. Знаешь, кто настоял на закупке именно этих товаров для нашей страны? Троцкий. Он даже вместе с дядей банк организовал, через который все расчеты велись. Банк советский государственный, но им руководили пособники Троцкого. У этого банка контора была в Париже. Знаешь, кто ее возглавлял? Дядя Троцкого. До середины тридцатых годов через этот банк Троцкий свою деятельность финансировал.

- Это как? - в очередной раз удивился я. - Если банк советский и государственный, то как живущий за границей Троцкий мог управлять его деятельностью? И

разве никто не замечал, что деньги из него неизвестно куда исчезали?

– Махровые троцкисты там на руководящих постах сидели. Они деньги и воровали. А так как они одновременно и роль ревизоров выполняли, то очень легко скрывали факт недостачи. Это один из «гешефтов» Троцкого. Думаешь, он этим ограничивался? Нет, он еще в конце Гражданской войны отобранное у царской власти и буржуев золото вместо того, чтобы сдать советской власти, контрабандно вывозил за границу и там продавал по дешевке. Знал, что ворованное дорого не купят, да и стремился сбыть все быстрее, пока чекисты про его темные делишки не прознали...

Комментарий Александра Севера:

«Дядю (брата матери) Льва Троцкого звали Абрам Львович Животовский, и был он не мелким торговцем-посредником, а уважаемым и известным в Санкт-Петербурге бизнесменом – компаньоном Путилова и акционером «Русско-Азиатского банка». После революции он перебрался не в Париж, а в Стокгольм, где он стал бизнес-партнером шведского банкира Олофа Ашберга.

Как показали дальнейшие события, возвращение весной 1917 года Льва Троцкого в Российскую империю сначала создало его дяде проблему (пришлось эмигрировать на Запад), а потом позволило не только компенсировать потери, но и войти в элиту парижского «бизнес-сообщества».

Понятно, что и сам Лев Троцкий не упустил свой шанс заработать с помощью предприимчивых родственников. И вся его политическая карьера тесно переплелась с различными «бизнес-проектами». Блохин слышал о них, но не знал всех подробностей. Мы исправим этот недостаток. Начнем с эпизода, связанного с распродажей запасов военного снаряжения.

В 1919 году американское правительство оптом продало оставшиеся от Первой мировой войны гигантские военные склады во Франции и Бельгии Нью-Йоркскому банковскому консорциуму, который с огромной выгодой стал их распродавать. Эту финансовую структуру создал шведский банкир Олоф Ашберг. В молодости он увлекался социализмом, но дальше дискуссий с другими шведскими социал-демократами дело не пошло.

Ашберг наладил тесное сотрудничество с Троцким, его старшим братом Александром Бронштейном (по утверждению писателя Анатолия Рыбакова, расстрелянным в 1937 году в Курской тюрьме) и их парижским родственником. Один из совместных проектов – создание в августе 1922 года первого советского коммерческого банка, вошедшего в историю под названием «Российский коммерческий банк». Олоф Ашберг стал его первым директором. Позже контроль над банком перешел к Госбанку РСФСР. 7 апреля 1924 года банк был переименован в «Банк внешней торговли СССР» (Внешторгбанк СССР). В 1988 году банк был еще раз переименован и стал называться «Внешэкономбанк СССР»^[30]. Другой, более ранний совместный проект – продажа золота Российской империи (не только принадлежащего государству, но и изъятого у частных лиц и организаций, а также церкви) на 20–30 % ниже его реальной рыночной стоимости. Какие комиссионные на этом заработали братья Бронштейны и их дядя – тема для отдельного разговора. А мы пока поговорим о другом коммерческом проекте – закупке американского военного снаряжения, обмундирования и подвижного состава.

Для прикрытия этой деятельности Максимом Литвиновым в Христиании (Осло) была создана подставная «Норвежско-русская торговая компания», а оплачивалось все золотом через банки Ревеля. В конце 1920-го – начале 1921 года в оплату обуви, одежды, консервов, а также 100 локомотивов и 1600 железнодорожных вагонов к ним было переведено через Ревель в кладовые нью-йоркских банков более 50 тонн золота на сумму 65 млн золотых рублей. Сколько заработали братья на этих поставках – опять-таки сказать сложно.

Лев Троцкий и его земляк Лев Каменев оказались замешанными в еще одной финансовой афере. До Октябрьской революции «Русский торгово-промышленный банк» входил в десятку крупнейших кредитно-финансовых учреждений Российской империи. После революции в Париже и Лондоне продолжали действовать два его филиала. Однажды руководство этих структур объявило себя владельцами бизнеса и отказалось подчиняться правлению банка. Разразился громкий скандал. Владелец банка удалось через суд вернуть свой лондонский банк, а вот парижский они потеряли. Его директор, некто Кон, продал французскому банку особняк, а вырученную от сделки сумму, ну и еще активы «Русского торгово-промышленного банка» (свыше пяти миллионов франков) он передал в доверительное управление парижскому банкиру Животовскому, дяде по материнской линии Льва Троцкого и родственнику Льва Каменева. Предполагалось, что банкир, используя родственные связи, получит концессию на горно-промышленные предприятия Криворожского общества. Банкир два раза ездил в Москву, но сделка так и не была совершена.

Вот как об этом деле сообщила 18 декабря 1923 года эмигрантская газета «Накануне» в статье под громким заголовком «Первая французская концессия в России». Следует заметить, что она симпатизировала Советской России, поэтому пафосный стиль вас не должен удивлять.

«Общество криворожских рудников», основанное в 1881 году, с капиталом 5 млн франков (на самом деле оно называлось «Французское общество криворожских руд» и имело уставной капитал 6 млн франков. – *Прим. авт.*), который впоследствии доведен до 30 млн., в настоящее время получает концессию на эксплуатацию рудных и угольных богатств Криворожского завода и

нескольких металлургических заводов. Срок концессии – 50 лет. Значение концессии не только в возобновлении с весны будущего года богатых Криворожских рудников, угольных шахт и заводов, но и в том, что эта концессия, не уступающая по своим размерам Урквартовской, которая, как известно, не ратифицирована Советским правительством, является первой производственной концессией французских капиталов».

А далее в статье сообщалось, что одним из посредников при проведении переговоров был Абрам Львович Животовский – дядя Льва Троцкого.

Возможно, одна из причин неудачи предпринимателя – незнание им реальной обстановки в регионе. Еще в марте 1920 года было создано районное управление рудников Криворожского и Никопольского бассейнов («Райруда»), а в ноябре 1921 года заработали первые три восстановленных рудника. А в 1922 году начал функционировать техникум, где готовили специалистов. Так что иностранцы опоздали.

Была и другая причина провала миссии Абрама Животовского: в то время Лев Троцкий увлекся политической борьбой и осенью 1923 года возглавил левую оппозицию.

Возможно, этим объясняется и неудача другого проекта, где фигурирует «демон революции». В июне 1922 года на страницах издаваемой в Берлине (газета с точно таким же названием выходила и в Париже) русской эмигрантской газеты «Двуглавый орел» была опубликована серия заметок под общим названием «Письма экономиста». В одной из них говорилось, что в 1921 году в Париже планировалось создать «замаскированный советский банк, для каковой цели большевики согласились ассигновать 25 млн франков. Инициаторами этого дела в Париже были евреи: Высоцкий, Златопольский, Добрый, Цейтлин, братья

Животовские, Лесин и другие...» Автор статьи ссылается на опубликованный в 1921 году газетой «Новое время» текст «копии письма Гуковского к Животовскому, найденный при обыске ЧеКа квартиры его сожительницы г-жи Арнольд в Москве». Согласно автору статьи из этого документа видно, что «организация такого банка была одобрена самим Бронштейном (Троцким. – *Прим. ред.*), который вместе с Гуковским и некоторыми другими большевиками должен был быть пайщиком, а в качестве директоров оказались приемлемы Лесин, Добрый, Шкаф и некоторые другие»^[31].

Лев Троцкий пытался проводить и самостоятельные бизнес-операции. После подписания Брестского мира Балтфлот, основные силы которого тогда находились в Гельсингфорсе и Ревеле, ожидал либо передачи в руки Германии, либо уничтожения: Берлин настаивал на срочной передаче ей «Брестского трофея», а Лондон, опасавшийся усиления немцев, предлагал открыть крупные банковские счета для тех, кто взорвал бы русские корабли.

Нарком по военным и морским делам Лев Троцкий задумал, не обидев немцев, перехитрить и англичан – т. е. имитировать взрыв кораблей и получить с британцев деньги, между тем как немцы смогут вновь поставить корабли в строй. Однако Алексей Щастный, для которого интересы Родины были превыше личных выгод, открыто доложил о хитростях наркома Совету комиссаров и флагманов флота. Моряки возмутились: «Нам – осьмушку хлеба, а губителям флота – вклады в банках?!» Совет комиссаров вынес постановление: «Не бывать продажности в нашем флоте!» – и репутация Льва Троцкого на Балтике была сильно подорвана.

Алексей Щастный – выпускник Морского корпуса, участник войны с Японией – лучше других понимал, что

флот надо немедленно спасать, и принял решение увести корабли в Кронштадт. Согласовав его с Центробалтом (но не со Львом Троцким), командующий 12 марта организовал выход из Гельсингфорса первого отряда кораблей – четырех линкоров и трех крейсеров в сопровождении двух ледоколов. Переход происходил в чрезвычайно тяжелых условиях: толщина льда достигала 75 сантиметров, высота торосов – от трех до пяти метров. Корабли, имевшие неуккомплектованные экипажи, обстреливались с Лавенсари и других финских островов...

В начале апреля 1918 года Алексей Щастный отправляет в Кронштадт второй отряд кораблей, а затем из Гельсингфорса в Кронштадт ушел третий отряд, вместе с которым ушел и контр-адмирал.

Легендарный Ледовый переход вошел в историю Балтийского флота, а вот имя его организатора и руководителя этого мероприятия до девяностых годов прошлого века оставалось в забвении. Хотя благодаря этому человеку было сохранено 236 кораблей, которые вскоре сыграли важную роль в разгроме интервентов.

Лицемерный и коварный нарком Лев Троцкий назвал проведенную Алексеем Щастным операцию «искусной и энергичной», но в душе он никак не мог забыть и простить того, кто столь чувствительно его «наказал». Выждав, когда волна восхищения Ледовым походом несколько улеглась, он приступил к действию. Придравшись к тому, что контр-адмиралом не были немедленно уволены с флота двое моряков, заподозренных в контрреволюционной деятельности, – мелкий проступок по тем временам, Лев Троцкий 27 мая 1918 года вызвал его в наркомат – на заседание коллегии. Заранее заручившись поддержкой ВЦИК, Лев Троцкий прямо в своем кабинете арестовал контр-адмирала и передал его в руки немедленно созданного Революционного трибунала. На заседании трибунала

нарком одновременно выступал и свидетелем, и обвинителем. А в результате русский офицер был обвинен не только в подготовке контрреволюционного переворота, государственной измене, но и в связях с германским генеральным штабом. Спустя пару десятилетий находящийся в изгнании Лев Троцкий начнет обвинять Иосифа Сталина в том, что тот заставлял подследственных сознаваться в сотрудничестве с иностранными спецслужбами. Смертная казнь в Советской России в 1918 году была отменена, однако контр-адмиралу Алексею Щастному был вынесен смертный приговор... Его расстреляли на рассвете 22 июня 1918 года во дворе бывшего Александровского юнкерского училища, а имя его предано забвению до 1995 года, когда бывший контр-адмирал Балтийского моря был полностью реабилитирован^[32].

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

Троцкисты: казнокрады и вредители

Мы продолжали беседовать. Вернее, я слушал монолог Блохина. Оратор с каждой минутой все больше и больше «разогревался», его голос звучал все громче и увереннее, словно он выступал с трибуны. Несколько раз я просил говорить тише. Ведь в любом учреждении у стен есть уши, и кто знает, что по пьяни брякнет комендант. И что мне тогда делать в такой ситуации? Бежать и писать донос или сделать вид, что ничего крамольного не услышал? А если его кто-то еще за меня напишет? Тогда проблемы будут у обоих.

– Ты думаешь, все разоблаченные троцкисты только политикой занимались? Троцкому хором подпевали? Раскол в партию пытались внести? Нет, они еще советской власти гадить пытались. И это им удавалось. И все из-за того, что слишком поздно врага народа Ягоду разоблачили. Он якобы, – Блохин злобно усмехнулся, – «опоздал на пять лет с их разоблачением». Опоздал, потому что сам одним из них был и своих подельников всячески покрывал. Почему, ты думаешь, у нас так много пожаров и аварий в промышленности происходит? Кто-то говорит, что виноваты в этом необученные сотрудники. Дескать, при царской власти инженеров пять лет учили, а у нас за два года готовят. Поэтому и не умеют они сложными машинами управлять. Вранье все это. Просто троцкисты и враги советской власти специально портят машины, чтобы они быстро ломались. Иногда и так бывает. Закупают оборудование за границей. Платят за него золотом. Надеются, что с его помощью рабочим легче будет трудиться. А что на практике происходит? Рабочие жалуются, что стало еще хуже или машины

вообще не работают. Забыли важную деталь купить, без которой эта машина – лишь груда железа. А все из-за чего? Один троцкист поехал за границу и выбрал плохое оборудование. Другой троцкист, в Москве, подписал все необходимые бумаги на покупку этого дерьма. Третий троцкист или «бывший» (так в двадцатые – тридцатые годы прошлого века называли тех, кто до октября 1917 года был представителем среднего класса – дворяне, инженеры, купцы и т. п. – *Прим. ред.*) одобрил их выбор. «Бывшим» ведь главное – советской власти максимально навредить. Закупили машины за рубежом. Привезли их в Советский Союз. Доставили на место установки. А там уже местные троцкисты ждут, и свои корявые нежные ручонки потирают в предвкушении того, как они советской власти нагадят. А потом об этом радостно Троцкому доложат. Если вредительство будет удачным, то их премией наградят. Ты что думаешь, они просто так стараются? У них тоже между собой соревнование проходит, кто больше советской власти нагадит...

Я испугался, что сейчас Блохин начнет сравнивать вредительство «врагов народа» со стахановским движением. Это уже антисоветской пропагандой пахнет! Как бы его внимание на другую тему переключить? Блохин, похоже, и сам почувствовал, что зашел в своих рассуждениях слишком далеко, и внезапно замолчал...

В 1937 году издательством «Юридическая литература» Наркомата юстиции был издан «Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра». Сейчас эта книга доступна в Российской государственной библиотеке. Процитирую фрагменты «Обвинительного заключения по делу: Пятакова Ю. Л., Радека К. Б., Сокольников Г. Я., Серебрякова Л. П., Муралова Н. И., Лившица Я. Д., Дробниса Я. Н., Богуславского М. С., Князева И. А., Ратайчака С. Д.,

Норкина Б. О., Шестова А. А., Строилова М. С., Турок И. Д., Граше И. И., Пушина Г. Е. и Арнольда В. В., обвиняемых в измене родине, шпионаже, диверсиях, вредительстве и подготовке террористических актов, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58.1, 58.8, 58.9 и 58.11 УК РСФСР», где сказано о шпионско-вредительской деятельности этих высокопоставленных троцкистов в советском народном хозяйстве:

«...обвиняемый *Пятаков*, излагая содержание своей беседы с *Л. Троцким*, имевшей место близ г. Осло в декабре месяце 1935 года, показал, что *Л. Троцкий*, требуя активизации диверсионной, вредительской и террористической деятельности троцкистской организации в СССР, подчеркнул, что в результате договоренности с капиталистическими государствами необходимо, как он выразился, отступить к капитализму. По показаниям обвиняемого *Пятакова*, *Л. Троцкий* говорил:

«Это значит, надо будет отступать. Это надо твердо понять. Отступать к капитализму. Насколько далеко, в каком размере, сейчас трудно сказать, – конкретизировать это можно только после прихода к власти» (Т. 1, л. д. 269).

Главные свои надежды на приход к власти *Л. Д. Троцкий* и его сообщники в СССР возлагали на поражение Советского Союза в предстоящей войне с империалистическими государствами. В соответствии с этим в своих переговорах с агентами иностранных государств лично *Л. Д. Троцкий* и параллельный центр, через обвиняемых *Радека* и *Сокольников*, всячески стремились ускорить военное нападение этих государств на СССР.

Это подтверждается показаниями всех обвиняемых по настоящему делу.

Так, обвиняемый *Радек* на допросе от 22 декабря 1936 года приводит следующее место из письма к нему

Л. Д. Троцкого:

«Надо признать, что вопрос о власти реальнее всего станет перед блоком только в результате поражения СССР в войне. К этому блок должен энергично готовиться... Так как главным условием прихода к власти троцкистов, если им не удастся этого добиться путем террора, было бы поражение СССР, надо, поскольку это возможно, ускорять столкновение между СССР и Германией» (Т. 5, л. д. 143, 117).

Л. Д. Троцкий и его сообщники в СССР считали необходимым во время предстоящей войны занять активную пораженческую позицию, всячески помогая иностранным интервентам в их борьбе против СССР.

Так, например, обвиняемый *Пятаков*, передавая содержание своего разговора с *Л. Троцким* в декабре 1935 года близ г. Осло, показал:

«Что касается войны, то об этом *Л. Д. Троцкий* сказал весьма отчетливо. Война, с его точки зрения, неизбежна в ближайшее время.

Он, *Троцкий*, считает совершенно необходимым занять в этой войне отчетливо пораженческую позицию. Он считает, что приход к власти блока, безусловно, может быть ускорен военным поражением СССР» (Т. 1, л. д. 268).

В соответствии с этим планом подготовки поражения СССР с целью захвата власти *Л. Д. Троцкий*, *Ю. Пятаков*, *К. Радек*, *Г. Сокольников*, *Серебряков Л. П.*, *Я. Лившиц* и другие обвиняемые по настоящему делу развернули вредительскую, диверсионную, шпионскую и террористическую деятельность, направленную к подрыву экономической и военной мощи нашей родины, совершив, таким образом, ряд тягчайших государственных преступлений.

Следствием установлено, что по прямым указаниям *Л. Троцкого* и под непосредственным руководством параллельного троцкистского центра ряд обвиняемых

по настоящему делу: *Турок, Князев, Ратайчак, Шестов, Строилов, Граше и Пушкин* – были непосредственно связаны с агентами-диверсантами германских и японских разведывательных органов, систематически занимались шпионажем в пользу Германии и Японии и совершили ряд вредительских и диверсионных актов на предприятиях социалистической промышленности и железнодорожного транспорта, особенно на предприятиях, имеющих оборонное значение.

Эту шпионскую и диверсионно-вредительскую деятельность указанные выше обвиняемые осуществляли в соответствии с имевшимися у троцкистов по этому поводу соглашениями с иностранными разведчиками.

Так, например, обвиняемый *Радек*, подтверждая показания *Пятакова*, на допросе от 22 декабря 1936 года показал, что одним из пунктов соглашения, достигнутого *Троцким* с представителем германской национал-социалистской партии, было обязательство:

«...во время войны Германии против СССР... занять пораженческую позицию, усилить диверсионную деятельность, особенно на предприятиях военного значения... действовать по указаниям *Троцкого*, согласованным с германским генеральным штабом» (Т. 5, л. д. 152).

Осуществляя взятые на себя обязательства перед представителями Германии и Японии, параллельный троцкистский центр организовал на ряде промышленных предприятий Советского Союза и железнодорожном транспорте диверсионно-вредительские группы, задачей которых было поставлено осуществление диверсионных и вредительских актов.

Обвиняемый *Пятаков* на допросе от 4 января 1937 года показал:

«Я рекомендовал своим людям (и сам это делал) не распыляться в своей вредительской работе, концентрировать свое внимание на основных крупных объектах промышленности, имеющих оборонное и общесоюзное значение.

В этом пункте я действовал по директиве *Троцкого*: «Наносить чувствительные удары в наиболее чувствительных местах» (Т. 1, л. д. 287).

Следуя этой установке обвиняемого *Пятакова Ю.*, организованные параллельным центром группы совершили ряд диверсионно-вредительских актов на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте.

Так, например, как это было установлено на судебном процессе 19-22 ноября 1936 года по делу троцкистско-диверсионной группы на Кемеровском руднике, по указанию обвиняемого *Дробниса* был организован взрыв на шахте «Центральная», повлекший за собой гибель 10 и тяжелые ранения 14 рабочих. (См. приобщенные к настоящему делу материалы и документы судебного следствия по Кемеровскому процессу от 19-22 ноября 1936 года.)

На Горловском азотно-туковом комбинате под руководством обвиняемого *Ратайчака* было организовано три диверсионных акта, в том числе два взрыва, повлекших за собой человеческие жертвы и причинивших огромный материальный ущерб государству.

Аналогичные диверсионные акты, по поручению *Ратайчака*, были совершены участниками троцкистской организации и на других химических предприятиях Союза (Воскресенский химический комбинат и Невский завод).

Диверсионный характер этих взрывов установлен актами специальной технической экспертизы и собственными признаниями обвиняемых *Ратайчака*,

Пушина и Граше (т. 40, л. д. 30, 39, 50). (См. акты технической экспертизы [\[33\]](#).)

Наиболее активную диверсионно-вредительскую деятельность на железнодорожном транспорте проводили обвиняемые по настоящему делу: *Лившиц Я. А., Турок И. Д., Князев И. А. и Богуславский М. С.*

Так, обвиняемый *Князев*, по прямому заданию параллельного троцкистского центра, организовал и осуществил ряд крушений поездов, по преимуществу воинских, сопровождавшихся большими человеческими жертвами. Из этих крушений наиболее серьезными являются:

а) крушение воинского эшелона на ст. Шумиха 27 октября 1935 года, во время которого погибло 29 красноармейцев и 29 красноармейцев ранено;

б) крушение на перегоне Яхино – Усть-Катав в декабре 1935 года;

в) крушение на перегоне Единовер – Бердяуш в феврале 1936 года.

Крушение воинских поездов обвиняемый *Князев* организовал не только по указаниям параллельного центра и, в частности, руководителя диверсионно-вредительской работы на железнодорожном транспорте обвиняемого *Лившица*, но и по прямым заданиям агента японской разведки г. Х.

По этому поводу на допросе 14 декабря 1936 года обвиняемый *Князев* показал:

«Что же касается шпионской работы и нанесения удара Красной армии путем устройства крушений воинских поездов с человеческими жертвами, то я к этой работе приступил, лишь выяснив отношение троцкистской организации к шпионажу и диверсионной работе против Красной армии в пользу японской разведки.

Задание в части развертывания диверсионно-вредительской работы на транспорте и организации крушений поездов мною было выполнено полностью, т. к. в этом вопросе задание японской разведки целиком совпадало с заданием, полученным мною несколько раньше от троцкистской организации» (Т. 32, л. д. 61, 67).

О сотрудничестве с агентами японской разведки показал также и обвиняемый *Турок И. Д.* (т. 23, л. д. 106).

Совершая диверсионные акты в сотрудничестве с агентами иностранных разведок, организуя крушения поездов, взрывы и поджоги шахт и промышленных предприятий, обвиняемые по настоящему делу не брезговали самыми гнусными средствами борьбы, идя сознательно и обдуманно на такие чудовищные преступления, как отравление и гибель рабочих, стремясь спровоцировать недовольство рабочих советской властью.

Так, обвиняемый *Пятаков* на допросе 4 декабря 1936 года по этому поводу показал:

«Мы учитывали, что, в случае необходимости прибегнуть, в целях осуществления вредительских планов, к диверсионным актам, – неизбежно будут человеческие жертвы. Мы это учитывали и принимали как неизбежность». (Т. 1, л. д. 196, 197).

Еще более цинично об этом показал обвиняемый *Дробнис*:

«Даже лучше, если будут жертвы на шахте, так как они несомненно вызовут озлобление у рабочих, а это нам и нужно». (Т. 13, л. д. 66.)

О том, что эти враги народа, организуя диверсионные акты, сознательно шли на многочисленные человеческие жертвы, свидетельствует и следующее показание обвиняемого *Князева* от 26 декабря 1936 года:

«*Лившиц* дал особое поручение подготовить и осуществить ряд диверсионных актов (взрывов, крушений или отравлений), которые сопровождались бы большим количеством человеческих жертв». (Т. 32, л. д. 92.)

Аналогичные показания дал и обвиняемый *Турок И. Д.* (т. 23, л. д. 73).

Особо активную разрушительную работу на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте, путем взрывов, поджогов, крушений поездов и т. п., троцкистский центр и руководимые им диверсионные группы на предприятиях и транспорте должны были развернуть во время войны, когда эти чудовищные акты предательства нанесли бы особо чувствительный удар обороноспособности Советского Союза.

Так, обвиняемый *Пятаков* дал указание обвиняемому *Норкину* подготовить поджог Кемеровского химического комбината к моменту начала войны.

Допрошенный об этом *Пятаков Ю. Л.* показал:

«Да, подтверждаю. Такое задание я *Норкину* действительно дал. Это было вскоре после моей встречи с *Троцким*, в которой он ставил передо мною вопросы о необходимости проведения в начале войны диверсионных актов на оборонных предприятиях. Именно в связи с этим я говорил с *Норкиным* о необходимости предусмотреть возможность совершения такого диверсионного акта в Кемерове». (Т. 1, л. д. 309.)

В свою очередь обвиняемый *Князев* на допросе от 14 декабря 1936 года показал, что по соглашению с параллельным центром он принял от агента японской разведки г. Х. задание на случай войны:

«...организовать поджог воинских складов, пунктов питания и пунктов санобработки войск». (Т. 32, л. д. 68.)

Еще более чудовищное задание, направленное против советского народа, обвиняемый *Князев* принял от того же агента японской разведки г. Х.:

«...особенно резко ставился японской разведкой вопрос о применении бактериологических средств в момент войны, с целью заражения острозаразными бактериями подаваемых под войска эшелонов, а также пунктов питания и санобработки войск...». (Т. 32, л. д. 68.)

Предательская связь обвиняемого *Князева* с японской разведкой установлена не только личными показаниями *Князева*, но и обнаруженными у него перепиской с г. Х. и фотоснимками (письма г. Х. с пометкой «15/XII» и от 23/VIII-36 года) (Т. 32, л. д. 121).

Материалами предварительного следствия и собственными признаниями обвиняемых – *Ратайчака С. А., Князева И. А., Турок И. Д., Пушина Г. Е., Граше И. И., Шестова А. А. и Строилова М. С.* – установлено, что наряду с диверсионно-вредительской деятельностью троцкистский параллельный центр не менее серьезное значение в борьбе с Советским Союзом придавал организации шпионажа в пользу иностранных разведок.

Все указанные обвиняемые, будучи связанными с представителями германской и японской разведок, систематически снабжали их секретными сведениями важнейшего государственного значения.

Так, например, обвиняемый *Князев И. А.* снабжал японскую разведку через упомянутого выше агента этой разведки г. Х. секретными сведениями о техническом состоянии, мобилизационной готовности железных дорог СССР и воинских перевозках (т. 32, л. д. 103).

Обвиняемые *Ратайчак С. А., Пушин Г. Е. и Граше И. И.* признали, что они были связаны с германской разведкой, которой передавали секретные

материалы о состоянии и работе наших химических заводов.

Допрошенный по этому поводу обвиняемый *Граше* показал:

«Организация, участником которой я был, вела по заданию германской разведки не только диверсионную, но и шпионскую работу на предприятиях химической промышленности». (Т. 21, л. д. 40.)

Обвиняемый *Пушин Г. Е.*, признав свое участие в шпионаже, показал, что он и обвиняемый *Ратайчак С. А.* осуществляли связь о германской разведкой через монтера фирмы «Линде» – *Ленца*.

Обвиняемый *Пушин Г. Е.* на допросе от 26 октября 1936 года показал:

«*Ленцу* были переданы следующие материалы:

1) данные о выработке продукции на всех химических предприятиях Союза за 1934 год;

2) программа работ всех химических предприятий Союза на 1935 год;

3) план строительства азотных комбинатов, в котором были предусмотрены строительные работы, кончая 1938 годом.

Все эти материалы передал *Ленцу* лично я в разные сроки в первой половине 1936 года.

Кроме того, мне известно от *Ленца*, что непосредственно от *Ратайчака* он получил данные о продукции за 1934 год и программу работ на 1935 год по военно-химическим заводам. Помимо всего этого, *Ленц* систематически снабжался мною сведениями о простоях, авариях, о состоянии оборудования по азотным заводам». (Т. 19, л. д. 31.)

Аналогичную шпионскую работу в пользу германской разведки вели также и обвиняемые *Шестов А. А.* и *Строилов М. С.*, изобличенные в преступной связи с рядом разведчиков, прибывших в СССР под видом иностранных специалистов, каким был,

например, осужденный за шпионско-диверсионную работу по «Кемеровскому делу» инженер *Штиклинг*.

Шпионская деятельность троцкистов в пользу германской разведки в ряде случаев прикрывалась их связью с некоторыми немецкими фирмами.

Следствием по настоящему делу установлено, что между *Л. Троцким* и некоторыми германскими фирмами было заключено соглашение, в силу которого эти фирмы содержали троцкистов за счет фонда, созданного путем накидок на цены товаров, ввозимых в СССР из Германии.

По этому поводу обвиняемый *Пятаков* в связи со своей беседой с находящимся в эмиграции сыном *Троцкого* – *Л. Л. Седовым* показал:

«...*Седов* передал мысль указания *Троцкого*, чтобы я старался разместить побольше заказов в фирмах «Демаг» и «Борзиг», с представителями которых *Троцкий* имеет связь.

Вам, добавил *Седов*, придется переплатить в ценах, но деньги эти пойдут на нашу работу». (Т. 1, л. д. 227.)

В своих планах свержения советского правительства и захвата власти *Л. Троцкий* и параллельный центр первостепенное значение придавали террористическим актам против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Предварительным следствием по настоящему делу установлено, что параллельный троцкистский центр по прямым указаниям *Л. Д. Троцкого*, полученным *Пятаковым Ю. Л.* и *Радеком К. Б.*, организовал ряд террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве, Ростове, Сочи, Новосибирске и других городах. По показаниям обвиняемого *К. Радека*, *Л. Д. Троцкий* требовал:

«...организовать узкий коллектив надежных людей для выполнения террористических покушений против

руководителей ВКП(б), в первую очередь против *Сталина*». (Т. 5, л. д. 102.)

Такие же указания *Л. Д. Троцкий* дал обвиняемому *Пятакову* в беседе с ним в 1935 году. Обвиняемый *Пятаков* показал, что:

«...в этой беседе *Троцкий* говорил: «Поймите, что без целой серии террористических актов, которую надо провести как можно скорее, нельзя свалить сталинское правительство.

Надо борьбу еще более обострить, еще более расширить. Надо, буквально, не останавливаться ни перед чем, чтобы свалить *Сталина*». (Т, 1, л. д. 263, 264.)

Так агент фашизма *Л. Д. Троцкий* инструктировал троцкистскую организацию, подготавливавшую ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Организуя указанные выше террористические акты, троцкистский центр старался использовать для этого выезды руководителей ВКП(б) и советского правительства на места.

Например, во время пребывания в Сибири в 1934 году председателя СНК СССР тов. *Молотова В. М.* троцкистские террористы под руководством обвиняемого *Шестова* покушались на убийство тов. *В. М. Молотова*, устроив автомобильную катастрофу.

Непосредственный исполнитель этого злодейского преступления – член троцкистской террористической группы обвиняемый *Арнольд* показал по этому поводу на допросе 21 сентября 1936 года следующее:

«В сентябре 1934 года, точно дня не помню, *Черепухин* вызвал меня к себе в кабинет и предупредил, что в Прокопьевск приезжает *Молотов*... Он тут же мне заявил, что я должен пожертвовать собой и во что бы то ни стало устроить катастрофу с моей машиной, которая будет подана *Молотову*. Я

согласился и ответил, что все будет сделано». (Т. 36, л. д. 32, 33.)

Обвиняемый *Шестов* подтвердил это, показав:

«По указанию *Муралова*, я в 1934 году проводил активную подготовку к террористическому акту против председателя СНК СССР *Молотова* и секретаря западно-сибирского крайкома *Эйхе*». (Т. 15, л. д. 157.)

Покушение на жизнь председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. *Молотова В. М.* путем аварии с автомашиной, в которой он следовал от экспедиции шахты № 3 (Прокопьевское рудоуправление), по направлению к рабочему городку, было действительно совершено, но безрезультатно (т. 36, л. д. 48).

Такова подлая, предательская, антисоветская деятельность презренных фашистских наймитов, изменников родины и врагов народа – троцкистов.

Потерпев окончательно поражение в своей длительной борьбе против партии и советской власти, лишенные, вследствие полной победы социализма в СССР, всякой поддержки народных масс, представляя собой изолированную и политически обреченную группу бандитов и шпионов, заклеянных общим презрением советского народа, *Л. Д. Троцкий* и его сподвижники – *Пятаков, Радек, Сокольников, Серебряков, Лившиц* и остальные обвиняемые по настоящему делу – совершили неслыханное предательство интересов рабочего класса и крестьянства, изменили родине и превратились в шпионскую и диверсионно-вредительскую агентуру германских и японских фашистских сил.

ФОРМУЛА ОБВИНЕНИЯ

Следствие считает установленным:

(...)

4) что, в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности СССР, этим центром был

организован и совершен на некоторых предприятиях и железнодорожном транспорте ряд вредительских и диверсионных актов, повлекших за собой человеческие жертвы и гибель ценного государственного имущества;

5) что этот центр готовил ряд террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского правительства, причем были сделаны попытки эти акты осуществить;

6) что активное участие в указанной выше преступной деятельности этого центра, кроме его руководителей – обвиняемых *Пятакова Ю. Л., Сокольникова Г. Я., Радека К. Б. и Серебрякова Л. П.*, принимали обвиняемые: *Лившиц Я. А., Муралов Н. И., Дробнис Я. Н., Богуславский М. С., Князев И. А., Турок И. Д., Ратайчак С. А., Норкин Б. О., Шестов А. А., Строилов М. С., Граше И. И., Пушкин Г. Е. и Арнольд В. В.*

Все обвиняемые полностью признали себя виновными в предъявленном им обвинении и уличаются имеющимися в деле документами, вещественными доказательствами и показаниями свидетелей [\[34\]](#).

В указанной выше книге опубликовано заключение экспертов о причинах пожаров и аварий в народном хозяйстве СССР. Прочитую его:

«1. По взрыву, происшедшему 11 ноября 1935 года на Горловском туковом заводе в водородно-синтетическом цехе.

а) Какие непосредственные причины вызвали взрыв азотного аппарата в отделении воздушных кабин водородно-синтетического цеха Горловского азотно-тукового комбината 11 ноября 1935 года?

Ответ: Непосредственной причиной взрыва азотного аппарата в отделении воздушных кабин явилось накопление ацетилена в конденсаторах и в изоляционной массе аппарата.

Накопление ацетилена было вызвано следующими обстоятельствами:

1) Вентилятор для засоса воздуха из верхних слоев воздуха не работал, а следовательно, воздух засосался из помещения вентиляторной, т. е. с большим содержанием ацетилена.

2) На всасывающей линии воздушных компрессоров, при бездействующем вентиляторе, образовался вакуум, что вызвало засасывание воздуха, загрязненного ацетиленом, из окружающей атмосферы по всей линии воздуховода. Этот воздух был особенно загрязнен ацетиленом ввиду того, что возле самого цеха производились сварочные работы при помощи ацетиленовых генераторов.

3) Как следует из технического акта и из объяснений инж. Тамма, азотный аппарат работал до момента взрыва в течение 15 дней с выключенным добавочным конденсатором, причем анализ на содержание ацетилена в жидком кислороде не производился (в течение ряда дней отсутствовали даже реактивы), а слив жидкого кислорода из основного конденсатора либо производился недостаточно часто, либо вовсе не производился.

б) Имелась ли возможность предотвратить этот взрыв?

Ответ: Бесспорно. Для этого нужно было только придерживаться инструкций, обязательных при ведении работы и обеспечивающих нормальную и безопасную работу на этих агрегатах, а именно: всос воздуха из верхних слоев атмосферы, систематический анализ жидкого кислорода и систематический спуск жидкого кислорода из конденсатора.

в) Может ли этот взрыв быть признан случайным или результатом злого умысла?

Ответ: Если бы обязательные для эксплуатации инструкции были соблюдены и взрыв имел бы место, то

можно было бы говорить о случайности. В данном случае, когда инструкции полностью были нарушены и этим созданы все условия для взрыва, о случайности говорить нельзя. Факт злого умысла неоспорим.

г) Соответствуют ли объяснения на предварительном следствии свидетеля Тамма об обстоятельствах и причинах взрыва объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы?

Ответ: Да, в основном соответствуют.

2. По взрыву, происшедшему 7 апреля 1934 года на Горловском азотно-туковом заводе.

а) Какие непосредственные причины вызвали взрыв аммиакопровода цеха аммиачной селитры?

Ответ: Взрыв явился следствием автогенной резки трубок для измерительных приборов. Так как смесь взрывоопасна, то варка или резка на трубах, наполненных газом, без предварительной продувки категорически запрещается. В данном случае резка произведена была без предварительной продувки, что и привело к взрыву.

б) Соответствуют ли показания на предварительном следствии свидетеля Тамма и обвиняемого Пушина об обстановке и причинах данного взрыва объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы?

Ответ: Соответствуют.

в) Может ли этот взрыв быть признан случайным или результатом злого умысла?

Ответ: При наличии строгой запретительной инструкции и без специального разрешения на такую работу со стороны технического директора или начальника цеха – факт нарушения этих инструкций не может быть признан случайным, а должен быть признан как результат злого умысла.

3. По обвалу газопровода на Горловском азотно-туковом заводе, имевшему место 14 ноября 1934 года.

а) Какие причины вызвали 14 ноября 1934 года обвал газопровода на Горловском азотно-туковом заводе?

Ответ: Обвал газопровода произошел в результате накопления в нем чрезмерно большого количества воды (около 13 тонн). Накопление было вызвано тем, что конденсат из газопровода не спускался. Два спускных крана были закрыты. Вода сосредоточивалась в наиболее низком участке газопровода, причем накопившееся количество воды заняло до $\frac{2}{3}$ живого сечения газопровода и вызвало увеличение скорости движения газа до 16–30 метров в секунду.

Возникшая вследствие этого вибрация конструкции газопровода и гидравлические удары превысили напряжения металла дальше предела текучести, из-за чего газопровод был разрушен.

б) Соответствуют ли показания на предварительном следствии свидетеля Тамма и обвиняемого Пушина об обстоятельствах и причинах обвала газопровода объективным техническим данным, имеющимся в распоряжении экспертизы?

Ответ: Соответствуют.

в) Может ли этот обвал быть признан случайным или результатом злого умысла?

Ответ: Обвал газопровода не может быть признан случайным. Гул в газопроводе от чрезмерного накопления воды был слышен на заводе за $3\frac{1}{2}$ часа до момента обвала газопровода. Необходимость немедленного спуска воды, остановка компрессоров до окончания спуска конденсата являлись обязательными техническими мероприятиями. Отсутствие этих мероприятий со стороны квалифицированных инженеров Тамма и Халезова указывает на

злоумышленность их действий, которые привели к обвалу газопровода».

Председательствующий: Тов. Лекус имеет слово для заключения.

Лекус (эксперт): По предложению следственных органов в Кузнецком бассейне в течение октября, ноября и декабря месяцев 1936 года работал целый ряд экспертных комиссий по вопросам в связи с преступной деятельностью обвиняемых Шестова и Строилова в Кузбассе, как было нам сформулировано. Эти экспертные комиссии изучили довольно большое количество фактического материала, собранного в рудоуправлении. Кроме того, они посетили все те шахты, которые считали необходимым посетить по ходу дела, и сами осматривали те горные выработки, к которым относились те или другие материалы. И, наконец, – комиссия, которая уже изучала все материалы, собранные на рудниках в Кузбассе, в которую входили горный инженер Горбачев, горный техник Дмитриев и я.

В связи с поставленными вчера государственным обвинителем Прокурором Союза тов. Вышинским и утвержденными судом вопросами для того, чтобы дать ответ на эти вопросы, я пользовался всеми материалами, которые я здесь и представляю суду.

...Теперь я перехожу конкретно к ответу (читает): «Заключение по вопросам, поставленным государственным обвинителем Прокурором Союза ССР тов. Вышинским и утвержденным судом эксперту Лекус, в связи с преступной деятельностью обвиняемых Шестова и Строилова в Кузбассе.

А. Горные пожары на Прокопьевском руднике.

1. Причины возникновения пожаров.

Ответ. Горные подземные пожары возникли вследствие:

а) Применения камерно-столбовой системы горных работ с естественным обрушением потолочной толщи и системы зон, с межзонными целиками, также с естественным обрушением потолочной толщи при разработке мощных пластов.

Оставшийся в недрах уголь оказывался в условиях, благоприятных для самонагревания, и в дальнейшем самовозгорался.

б) Технически неправильного применения вышеуказанных систем горных работ с обрушением, при котором резко возрастало число аварийных очистных горных выработок (том 44, стр. 68, 73-74)».

Дальше у меня идет абзац, который я прошу огласить на закрытом заседании.

Председательствующий: Пожалуйста.

Лекус: У меня есть объяснение к пункту «б» моего заключения.

Суть дела здесь заключалась в том, что сама система была неправильна и нецелесообразна, но ее можно было применять, стремясь к тому, чтобы работа была поставлена как можно лучше, а тут при плохой системе еще плохо ее применяли (читает): «в) Неприменения методов закладки выработанного пространства».

Председательствующий: Вы прочтите вашу табличку.

Лекус (читает):

Разрабатывалось:	С закладкой:	С обрушением:
В процентах		
В 1934 году	5,12	94,88
В 1935 году	3,12	96,88
В 1936 году	4,17	95,83

(том 46, стр. 20).

2. Последствия этих пожаров.

Ответ:

а) На закрытое заседание.

б) На закрытое заседание.

в) Наличие такого количества подземных пожаров в верхних горизонтах на круто падающих мощных пластах Прокопьевского рудника делает весьма затруднительным ведение горных работ на нижележащих горизонтах. Причем впредь до того, пока подземные пожары не будут ликвидированы, работы на нижних горизонтах под очагами пожаров представляют большую опасность для людей, работающих в горных выработках.

г) Как возникновение, так и наличие старых пожарных очагов усложняет и дезорганизует ведение горных работ, срывает выполнение планов угледобычи и повышает себестоимость угля.

3. Была ли возможность предотвратить эти пожары?

Ответ: Как правило, применение рациональных систем горных работ, в первую очередь с закладкой выработанного пространства, практически упраздняет возможность возникновения подземных пожаров.

На Прокопьевском руднике была возможность вести закладочные работы простейшими способами, впредь

до постройки сооружений для механизированной закладки выработанного пространства (том 44, стр. 56).

Была возможность форсировать строительство временной механизированной закладки, между тем деньги на это строительство не использовались (том 44, стр. 43).

Таким образом, возможность предотвратить пожары была; эта возможность не была использована сознательно.

Б. Состояние вентиляции на Прокопьевском руднике.

Вентиляция шахт на руднике находится в чрезвычайно тяжелом, дезорганизованном состоянии и не обеспечивает нормального ведения горных работ.

1. Причины плохого состояния вентиляции.

Ответ: а) Нарезка вентиляционных выработок далеко отставала от проходки основных выработок, в результате чего создавались глухие, не обслуживаемые искусственной вентиляцией забои.

б) Воздух, подаваемый главными вентиляторами, резко неравномерно распределялся по отдельным участкам и забоям.

в) Переносные вентиляторы устанавливались так, что образовывали круговорот испорченной струи воздуха.

г) Вентиляционные перемычки и двери своевременно не строились и не ремонтировались, вследствие чего происходила утечка воздуха и нарушалась схема вентиляции.

д) Задерживался переход на искусственную вентиляцию.

2. Последствия плохого состояния вентиляции.

Ответ: а) На закрытое заседание.

Отравлений со смертельным исходом за 1935 г. – два случая и за 9 мес. 1936 года – два случая (том 46, стр. 26).

б) С 1933 года по октябрь 1936 года произошло 10 взрывов газа и угольной пыли. При этом 21 человек пострадали, получив ожоги лица и рук, и один случай смертельный (том 46, стр. 139, 140, 141).

в) Наличие загазованных горных выработок приводило к дезорганизации работ и уменьшению выполнения плана угледобычи.

3. Была ли возможность улучшить вентиляцию?

Ответ: Возможность улучшить вентиляцию была. Как видно из § 1 раздела «Б» настоящего заключения, такие элементарные мероприятия, как своевременная нарезка вентиляционных выработок, равномерное распределение воздуха, подаваемого главными вентиляторами, рациональная установка переносных вентиляторов и нормальный уход за подземными вентиляционными сооружениями, могли резко улучшить дело проветривания горных выработок на Прокопьевском руднике.

Неприменение указанных мероприятий могло быть следствием лишь преднамеренной злой воли.

В. Капитальное и реконструктивное строительство по тресту Кузбассуголь за 1932–1936 гг.

1. Соответствие планов проводимого строительства интересам развития бассейна.

Ответ: а) Основной задачей Кузбасса является снабжение коксовой и химической промышленности Востока углями специальных марок. С точки зрения интересов развития бассейна необходимо было построить ряд шахт на углях потребных марок, с тем чтобы эти шахты могли обеспечить перспективу ближайшего развития бассейна.

Шахта Капитальная 1 Киселевского района, на которую затрачено больше 7 млн. рублей, которая обладает большими запасами углей марки «К», в конце 1935 года консервируется. Горизонт 100 метров шахты им. Сталина Прокопьевского рудника, обладающей

большими запасами углей марки «К», законсервирован с 1934 года. Консервация мотивируется недостатком средств (том 48, стр. 326 и 331).

Одновременно происходит строительство 4 наклонных шахт в Киселевке общей стоимостью в 6315 тысяч рублей, дающих менее 30 % углей марки «К» (Том 65, стр. 132).

Переброска средств со строительства второстепенных объектов на строительство основных, в пределах отпущенных Кузбассуглю кредитов, дала бы возможность своевременно ввести в эксплуатацию шахтный фонд с запасами углей марки «К».

2. Последствия неправильного планирования строительства.

Ответ: а) Законсервировано 6 шахт суммарной проектной мощностью 12,5 млн. тонн в год. Затрачено на эти шахты 15 657 тысяч рублей (том 44, стр. 134).

б) Ряд рудников Кузбасса, как Киселевский, Осиновский, Куйбышевский, Ленинский, отчасти Прокопьевский, превращены в рудники мелких шахт, не обеспечивающих даже ближайшей перспективы этих рудников, а тем самым Кузбасс в целом (том 44, стр. 132).

в) Основной поставщик углей марки «К» – Прокопьевский рудник поставлен в чрезвычайно тяжелое положение, так как временное закладочное хозяйство недостроено, недопроектировано и рудник не вооружен, не подготовлен к ведению горных работ на вторых (нижних) горизонтах с закладкой выработанного пространства.

г) Шахтный фонд по углям марки «К» не обеспечивает возможность добычи этих углей в потребном количестве в ближайшие годы».

Председательствующий: Переходим к третьему заключению экспертизы. Слово имеет тов. Покровский.

Покровский (эксперт) (читает): «Заключение председателя экспертной комиссии Покровского по вопросам, поставленным государственным обвинителем прокурором тов. Вышинским, утвержденное Верховным судом, в связи с преступной деятельностью подсудимых Норкина и Дробниса на Кемеровском комбинатстрое.

Настоящее заключение составлено на основании материала экспертных комиссий, работавших по отдельным многочисленным стройкам Кемеровского комбинатстроя с 29 октября по 14 ноября 1936 года в следующем составе:

- 1) Белгородский – инженер-технолог;
- 2) Пакуро – инженер-строитель;
- 3) Иванов – техник-строитель;
- 4) Котляр – инженер-технолог;
- 5) Шутиков – инженер-технолог;
- 6) Герасимов – финансист;
- 7) Везеницын – инженер-технолог;
- 8) Бондарь – инженер-технолог;
- 9) Уварова – инженер-технолог;
- 10) Смирнов – инженер-строитель;
- 11) Трофименко – инженер-технолог;
- 12) Оржеровский – инженер-электрик;
- 13) Войцеховский – инженер-технолог;
- 14) Покровский – инженер-технолог, председатель экспертной комиссии».

Комиссия была разбита по многочисленным заводам Кемеровского комбинатстроя и его подсобным предприятиям, был произведен осмотр на месте, были произведены фотоснимки отдельных объектов. Кроме того, была проведена документация целого ряда материалов, которые я представляю суду и на основе которых было сделано заключение на поставленные передо мной вопросы. Но, прежде чем перейти к ответу на вопросы, я просил бы товарища председателя целый

ряд вопросов отнести на закрытое заседание ввиду их секретности.

Председательствующий: Давайте ответы на те вопросы, которые не являются секретными.

Покровский: Первая группа важных вопросов (читает):

«А. Взрывы на Кемеровской ГРЭС 3 и 9 февраля 1936 года.

1. Причины взрывов на Кемеровской районной электростанции.

Ответ: Топки котлов Кемеровской ГРЭС сконструированы для сжигания топлива в пылевидном состоянии. Система пылеприготовления ГРЭС рассчитана на размалывание углей с содержанием летучих веществ не свыше 25 %.

Ленинские газовые угли, содержащие до 42 % летучих веществ, при размалывании и подсушке до 140°—120°C интенсивно выделяют летучие вещества с низкой температурой воспламенения.

Вся система пылеприготовления заполняется в большом количестве горючими летучими веществами в смеси с воздухом. Достаточно незначительной искры, чтобы произошел взрыв, могущий привести к разрушению котлов, гибели обслуживающего персонала и длительному перерыву в электроснабжении.

Образование искр вполне вероятно при работе паровой мельницы. Кроме того, пыль таких углей, как ленинские газовые, способна самовозгораться при сравнительно низких температурах – 140°C.

Таким образом, причиной взрывов на Кемеровской ГРЭС 3 и 9 февраля 1936 года является сжигание углей с содержанием летучих веществ 30,1 % (том 55, стр. 377-388).

2. Имелась ли возможность предотвратить этот взрыв?

Ответ: Да, имелась. Для этого необходимо было не сжигать на Кемеровской ГРЭС углей, содержащих летучих веществ больше той нормы (25 %), на которую рассчитана система пылеприготовления ГРЭС.

3. Может ли этот взрыв быть признан случайным или он явился результатом злого умысла?

Ответ: Взрыв не может быть признан случайным. Экспертиза располагает документами, указывающими на то, что об угрозе взрыва руководство Кемеровкомбинатстроя неоднократно предупреждалось. В частности, – директором Кемгрэса Скрипкиным, зав. котельной Пономаревым и государственным техническим надзором (см. документы, том 55, стр. 369, 370, 371, 372, 374, 375 и 378). На эти предупреждения технических работников последовало письменное распоряжение начальника ККС Норкина, приказавшего продолжать сжигание углей с большим содержанием летучих.

Исходя из этого, экспертиза пришла к заключению, что взрывы на ГРЭС есть результат злого умысла. Все документы, на которые имеются ссылки, находятся в следственном деле (см. том 55, стр. 369, 370, 371, 373, 374, 375 и 378).

В. Аварии на Азотстрое, имевшие место 22 марта и 5 апреля 1936 года.

1. Причины аварий.

Ответ: 22 марта 1936 года в цехе амселитры Азотстроя в момент окончания бетонировки перекрытия произошло обрушение всего перекрытия. Обвал явился следствием установки поддерживающих опалубку перекрытия лесов без расчетов; материал, из которого были построены леса, был непригоден (том 55, стр. 354).

5 апреля 1936 г. произошло обрушение лесов на воздуходувке по причине установки лесов из

непригодного старого материала без расчета и технических указаний (том 55, стр. 357).

2. Имелась ли возможность предотвратить эти аварии?

Ответ: Путем производства предварительного расчета лесов, употребления в дело нового материала и технического надзора за сооружением лесов имелась полная возможность предотвратить эти аварии.

3. Последствия этих аварий.

Ответ: Последствием этих аварий явились материальные убытки, задержки строительства и ранение шести рабочих (при аварии на воздуходувке).

4. Могут ли эти аварии быть признаны случайными или они явились результатом злого умысла?

Ответ: Рассматривая характер обеих аварий и исходя из фактов:

1) что употребление непригодного сгнившего материала для строительных лесов при условии, что этими лесами должны пользоваться рабочие, ни технически, ни административно не является допустимым;

2) что из первой аварии не был извлечен соответствующий урок и через 14 дней по той же причине произошла вторая авария, – экспертиза считает, что эти аварии не могут быть признаны случайными, а являются результатами злого умысла...»[\[35\]](#)

Комментарий Александра Севера:

«Сложно сказать, знал или нет Блохин о реальных фактах вредительства тех, кого он называл «троцкистами». Зато можно утверждать, что он слышал о признаниях подследственных в таких деяниях. В противном случае Блохин бы ограничился пересказом публикаций в газете «Правда», где «троцкистам» предписывалась связь с иностранными спецслужбами.

Могли это придумать сам автор мемуаров и приписать это коменданту? Маловероятно. В середине девяностых годов, когда в текст были внесены последние правки, в российских СМИ еще не было публикаций, где бы доказывался этот факт. В то время Лев Троцкий и его сторонники «были» жертвами Иосифа Сталина. Вина первых перед советской властью сводилась исключительно к разногласиям в политической сфере, попыткам организовать раскол в партии накануне Второй мировой войны и т. п.

Даже сейчас, спустя пятнадцать лет после того, как Петр Фролов написал свою книгу, в отечественных СМИ и литературе очень мало фактов реального вредительства сторонников Троцкого. Это не значит, что эти люди не вредили советской власти. Просто доказательств, которые крайне сложно объявить сфальсифицированными, очень мало. Ведь основной массив доказательств содержится в показаниях самих репрессированных по политическим статьям. И сейчас сложно сказать, были получены эти признания следователями добровольно или с применением мер морального и физического воздействия (пытки).

В качестве примера реального вредительства сторонниками Льва Троцкого советской власти укажем на такой эпизод.

В 1939 году британский инженер Джон Литтпейдж, который по контракту с 1927 по 1937 год проработал в советской горной промышленности, издал в Лондоне книгу «В поисках советского золота». В ней он рассказал о своих приключениях в большевистской стране. Мемуары на производственную тему? Да, если бы не один фрагмент:

«У меня никогда не было интереса к тонкостям политических решений в России, пока я не сталкивался с ними, но, чтобы работать, я должен был разобраться, что случилось в советской промышленности.

Я твердо убежден, что Сталин и его сторонники потратили много времени, чтобы выяснить, что недовольные революционные коммунисты («троцкисты». – *Прим. авт.*) были его заклятыми врагами».

В своей книге автор рассказывает о факте саботажа в промышленности, с которым он столкнулся в 1931 году на рудниках Урала и Казахстана. Рудники были частью огромного производственного объединения по добыче меди и бронзы. Подчинялись они непосредственно стороннику Льва Троцкого – заместителю наркома тяжелой промышленности СССР Георгию Леонидовичу Пятакову.

Снова обратимся к книге британского подданного.

«Рудники были в катастрофическом состоянии. Это можно сказать и о производственно-технологических условиях. Ужасающие условия жизни рабочих».

Сама по себе ситуация в одной из стратегических отраслей пока не говорит о попытках саботажа со стороны руководства. В стране полными темпами шла индустриализация, и, может быть, ее не успели восстановить после окончания Гражданской войны.

Весной 1931 года британец вместе с Георгием Пятаковым участвовал в закупке подъемников для шахт в Берлине. Инженер отвечал за проверку качества

оборудования. В ходе проверки он обнаружил массу технических дефектов и явную негодность их для эксплуатации в суровых климатических российских условиях. Об этом он сообщил руководству делегации, но в ответ получил холодный отклик и намек не влезать в чужие дела. Оборудование было все же закуплено, при этом члены делегации (позднее все они были осуждены как «троцкисты») получили комиссионные от немецких бизнесменов^[36]. А вот куда пошли эти деньги – непонятно. По мнению отдельных современных историков – на финансирование деятельности «троцкистов» в СССР. По мнению сторонников политической невинности Льва Троцкого и его людей – на счета в зарубежных банках и бумажники Георгия Пятакова и коллег. Вторая версия звучит не очень убедительно. Потратить в Советском Союзе крупному партийному функционеру «заработанные» деньги было крайне сложно. Времена нэпа прошли, да и жить с буржуазной роскошью им бы никто не позволил. Это сейчас чиновники и политики могут позволить себе все, а при Иосифе Сталине... А вот заплатить «партийные» взносы они могли. В деньгах нуждался и сам Лев Троцкий – привык он к роскошной жизни. Да и надо было как-то финансировать деятельность своих сторонников в Советском Союзе^[37].

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

О чем не любят вспоминать правозащитники

Недавно я прочел мемуары Георгия Соломона «Среди красных вождей». Признаюсь, что с большинством высказываний автора я не согласен. Книга написана сбежавшим в 1923 году на Запад заместителем директора советской внешнеторговой организации «Аркос». Правда, старым революционером, который начал бороться с царским режимом еще в 1891 году. Осенью 1917 года Ленин предложил ему войти в состав правительства, но он предпочел дипломатическую службу. В 1920 году Соломон занимал пост советского посла в Эстонии. Именно тогда он узнал о коммерческой деятельности будущего председателя Исполкома Коминтерна Зиновьева. Вот что написал дипломат в своих воспоминаниях:

«Я к Коминтерну не имел никакого отношения и являлся лишь его «банкиром», причем в моих книгах велся точный учет всем переведенным на его счет суммам. Могу сказать только одно, что денег на счет Коминтерна переводилось много... Будущий историк сможет, если книги эти не будут уничтожены, точно установить суммы выброшенных на дело «мировой революции» народных сбережений, которые я с таким трудом превращал в актуальную валюту. Я сказал: «на дело мировой революции». Приведу из этой сферы один эпизод, из которого читатель увидит, как расширительно толковался этот термин и его потребности. Я опишу этот эпизод подробно, чтобы читателю были ясны все его детали.

Мне подают полученную по прямому проводу шифрованную телеграмму. Она подписана «самим» Зиновьевым. Вот примерный ее текст:

«Прошу выдать для надобностей Коминтерна имеющему прибыть в Ревель курьеру Коминтерна товарищу Сливкину двести тысяч германских золотых марок и оказать ему всяческое содействие в осуществлении им возложенного на него поручения по покупкам в Берлине для надобностей Коминтерна товаров. Зиновьев».

И вслед за тем ко мне является без доклада и даже не постучав и сам «курьер» Коминтерна. Это развязный молодой человек типа гостиннодворского молодца, всем видом и манерами как бы говорящий: «А мне наплевать!» Он спокойно, не здороваясь и не представляясь, усаживается в кресло и, имитируя своей позой «самого» Зиновьева, говорит:

– Вы и есть товарищ Соломон?.. Очень приятно... Я Сливкин... слышали?.. да, это я товарищ Сливкин... Курьер Коминтерна, или, правильнее, доверенный курьер самого товарища Зиновьева... Еду по личным поручениям товарища Зиновьева, – подчеркнул он.

Я по своей натуре вообще не люблю амикошонства (чванства. – *Прим. авт.*), и, конечно, появление «товарища» Сливкина при описанных обстоятельствах вызвало у меня обычное в таких случаях впечатление. Я стал упорно молчать и не менее упорно глядеть не столько на него, сколько в него. Люди, знающие меня, говорили мне не раз, что и мое молчание, и глядение «в человека» бывают очень тяжелыми. И, по-видимому, и на Сливкина это произвело удручающее впечатление: он постепенно, по мере того как говорил и как я молчал, в упор глядя на него, стал как-то увядать, в голосе его слышались нотки какой-то неуверенности в самом себе и даже легкая дрожь, точно его горло сжимала спазма. И манеры, и поза его стали менее бойкими... Я все молчал и глядел...

– Да, по личным поручениям товарища Зиновьева... по самым ответственным поручениям, – как бы

взвинчивая себя самого, старался он продолжать, постепенно начиная заикаться: – Мы с товарищем Зиновьевым большие приятели... э-э-э, мы... то есть он и я... Вот и сейчас я командирован по личному распоряжению товарища Зиновьева... э-э-э... никого другого не захотел послать... э-э-э... пошлем, говорит, товарища Сливкина... он, говорит, как раз для таких деликатных поручений... э-э-э... Меня все знают... вот и в канцелярии у вас... все... э-э-э... спросите кого хотите про Сливкина, все скажут... э-э-э... душа... э-э-э... человек...

Он окончательно стал увядать. Я был жесток – продолжал молчать и глядеть на него моим тяжелым взглядом...

– А что, собственно, вам угодно? – спросил я его наконец.

– Извините, товарищ Соломон... э-э-э... верно, я так без доклада позволил себе войти... извините... может быть, вы заняты?..

– Конечно, занят, – ответил я. – Что же вам все-таки угодно?

И он объяснил, что явился получить ассигнованные ему двести тысяч германских марок золотом и что так как он едет с «ответственным» поручением самого товарища Зиновьева, то и позволил себе войти ко мне без доклада и даже не постучать. Он предъявил мне соответствующее удостоверение, из которого я узнал, что «он командировается в Берлин для разного рода закупок по спискам Коминтерна, находящимся лично у него, закупки он будет производить лично и совершенно самостоятельно, лично будет сопровождать закупленные товары», что я «должен ему оказывать полное и всемерное содействие, по его требованию предоставлять в его распоряжение необходимых сотрудников...» и что «отчет в израсходовании двухсот тысяч марок Сливкин представит лично Коминтерну».

– Хорошо, – сказал я, прочтя его удостоверение, – идите к главному бухгалтеру, у него имеются все распоряжения...

Он ушел. Была какая-то неувязка в документах. Он кричал, бегал жаловаться, всем и каждому, тыча в глаза «товарища Зиновьева», свое «ответственное поручение».

– Кто такой этот Сливкин? – спросил я Маковецкого, который в качестве управделами должен был все знать.

– Просто прохвост, курьер Коминтерна, – ответил Маковецкий. – Но все дамы Чуковского от него просто без ума. Он всем всегда угождает. Одна говорит: «Товарищ Сливкин, привезите мне мыла Коти»... «Духов Аткинсона», – просит другая. Он всем все обещает и непременно привезет... Вот увидите, и вам привезет какой-нибудь презент, от него не отвяжешься... Но он действительно очень близок Зиновьеву... должно быть, по исполнению всяких поручений...

И он замолк, так как был человеком скромным и целомудренно не любил касаться житейской грязи...

Перед отъездом Сливкин зашел и ко мне проститься, доложив о себе через курьера.

– Я зашел проститься, – сказал он, – и спросить, нет ли у вас каких-либо поручений?.. что-нибудь привезти из Берлина?.. Пожалуйста, не стесняйтесь, все что угодно... денег у меня достаточно... хватит...

– Нет, благодарю вас, – ответил я, – мне ничего не нужно... Желаю вам счастливого пути...

Он ушел, видимо разочарованный...

Недели через три я получаю от него телеграмму из Берлина, в которой он сообщает, что прибудет с «ответственным грузом» такого-то числа с таким-то пароходом, и требовал, чтобы к пароходной пристани по пристанской ветке были поданы два вагона для перегрузки товара и для немедленной отправки его в Петербург. Между тем у нас в это время шла спешная

отправка, чуть не по два маршрутных поезда в день, разных очень срочных товаров. И поэтому мой заведующий транспортным отделом, инженер Фенькеви, никак не мог устроить так, чтобы к прибытию парохода затребованные Сливкиным вагоны ждали его. Линия была занята составом, продвинутым к другому пароходу, с которого перегружался спешный груз... Словом, коротко говоря, по техническим условиям было совершенно невозможно немедленно удовлетворить требование Сливкина. И поэтому у Сливкина тотчас же по прибытии начались всевозможные недоразумения с Фенькеви. А. Фенькеви был мужчина серьезный и никому не позволял наступать себе на ногу. Сливкин скандалил, кричал, что его «груз специального назначения», по «требованию Коминтерна» и что «это саботаж». Фенькеви возражал ему серьезными и убедительными доводами... Наконец Сливкин пришел ко мне с жалобой на Фенькеви. Я вызвал его к себе: в чем дело?..

– Прежде всего, – ответил Фенькеви, – линия занята маршрутным составом (40 вагонов), линия одна, спятить маршрутный поезд мы не можем, не задержав на два дня срочных грузов – земледельческие орудия, а затем...

– А, понимаю, – сказал я. – Когда же вы можете подать два вагона?..

– Завтра в шесть утра. Сегодня к вечеру мы закончим нагрузку, спятим груженный состав ночью, и он тотчас же пойдет по расписанию в Москву. И тотчас же будет подан на пристань новый состав в 40 вагонов же, и из них два вагона в хвосте поезда остановятся у парохода для тов. Сливкина...

– Нет, я должен спешить! К черту орудия, пусть подождут, ведь мои грузы по личному распоряжению товарища Зиновьева... я буду жаловаться, pošлю телеграмму, – кричал Сливкин.

– Ладно, – ответил я, – делайте, что хотите, я не могу отменить срочных грузов...

Сливкин, разумеется, посылал телеграммы... В ответ получались резкие ответы, запросы. Я не отвечал. Но тут вышло еще недоразумение. Сливкин настаивал на том, чтобы оба его товарных вагона были завтра прицеплены к пассажирскому поезду. Железнодорожная администрация, конечно, наотрез отказала в этом. Хлопотал Маковецкий, Фенькеви – администрация стояла на своем: только министр может разрешить это. И я должен был обратиться лично к министру, который в конце концов и разрешил это, лишь для меня...

Все мы были измучены этим грузом «для надобности Коминтерна». Все сбились с ног, бегали, писались бумаги, посылались телеграммы... И дорогое время нескольких человек тратилось в угоду Зиновьева... его брюха... Фенькеви лично руководил перегрузкой. Когда все было наконец окончено, он явился дать мне отчет. Он был мрачен и раздражен.

– А что это за груз? – спросил я вскользь.

– Извините, Георгий Александрович, я не могу спокойно об этом говорить... Столько всяких передряг, столько гадостей, жалоб, кляуз... и из-за чего?.. Противно, тьфу, этакая гадость!.. Все это предметы для стола и тела «товарища» Зиновьева, – с озлоблением произнес он это имя. – «Ответственный груз», ха-ха-ха!.. Всех подняли на ноги, вас, всю администрацию железной дороги, министра, мы все скакали, все дела забросили... Как же, помилуйте! У Зиновьева, у этого паршивого Гришки, царскому повару (Зиновьев, по слухам, принял к себе на службу бывшего царского повара) не хватает разных деликатесов, трюфелей и черт знает чего еще, для стола его барина... Ананасы, мандарины, бананы, разные фрукты в сахаре, сардинки... А там народ голодает, обовшивел... армия в

рогожевых шинелях... А мы должны ублажать толстое брюхо ожиревшего на советских хлебах Зиновьева... Гадость!.. Извините, не могу сдержаться... А потом еще драгоценное белье для Лилиной и всяких других «содкомов», духи, мыла, всякие инструменты для маникюра, кружева и черт его знает что... Ха, «ответственный груз», – передразнил он Сливкина и отплюнулся. – Народные деньги, куда они идут! Поверите, мне было стыдно, когда грузили эти товары, сгореть хотелось! Не знаю, откуда, но все знали, какие это грузы... Обыватели, простые обыватели смеялись. И зло смеялись, – люди говорили не стесняясь: «Смотрите, куда советские тратят деньги голодных крестьян и рабочих... ха-ха-ха, небось Гришка Зиновьев их лопают да на своих девок тратит...»

Все было улажено, Сливкин уехал со своим «специальным грузом для надобностей Коминтерна». Перед отъездом он зашел ко мне проститься. Он был доволен: так хорошо услужил начальству... А я был зол... Прощаясь, он протянул мне какую-то коробку и сказал:

– А вот это вам, товарищ Соломон, маленький презент для вашей супруги, флакон духов, настоящие «Коти»...

– Благодарю вас, – резко ответил я, – ни я, ни моя жена не употребляем духов «Коти»...

– Помилуйте, товарищ, это от чистого сердца...

– Я уже сказал вам, – почти закричал я, – не нужно... Прощайте...

А Сливкин был действительно рубаха-парень. Всем служащим Гуковского и самому Гуковскому он привез разные презенты. Мои же сотрудники и сотрудницы, как и я, отклонили эти презенты.

Сливкин приезжал еще раз или два и все с «ответственными» поручениями для Коминтерна, правда, не столь обильными. А вскоре прибыл и сам

Зиновьев. Я просто не узнал его. Я помнил его, встречаясь с ним несколько раз в редакции «Правды» еще до большевистского переворота: это был худощавый юркий парень... По подлой обязанности службы (вспоминаю об этом с отвращением) я должен был выехать на вокзал навстречу ему. Он ехал в Берлин. Ехал с целой свитой... Теперь это был растолстевший малый с жирным, противным лицом, обрамленным густыми, курчавыми волосами, и с громадным брюхом...

Гуковский устроил ему в своем кабинете роскошный прием, в котором и мне пришлось участвовать. Он сидел в кресле с надменным видом, выставив вперед свое толстое брюхо, и напоминал всей своей фигурой какого-то уродливого китайского божка. Держал он себя важно... нет, не важно, а нагло. Этот ожиревший на выжатых из голодного населения деньгах каналья едва говорил, впрочем, он не говорил, а вещал... Он ясно дал мне понять, что очень был «удивлен» тем, что я, бывая в Петербурге, не счел нужным ни разу зайти к нему (на поклон?)... Я недолго участвовал в этом приеме и скоро ушел. Зиновьев уехал без меня. И Гуковский потом мне «дружески» пенял:

– Товарищ Зиновьев был очень удивлен, неприятно удивлен, что вас не было на пароходе, когда он уезжал... Он спрашивал о вас... хотел еще поговорить с вами...

Потом в свое время, на обратном пути в Петербург, Зиновьев снова остановился в Ревеле. Он вез с собою какое-то колоссальное количество «ответственного» груза «для надобностей Коминтерна». Я не помню точно, но у меня осталось в памяти, что груз состоял из 75 громадных ящиков, в которых находились апельсины, мандарины, бананы, консервы, мыла, духи... но я не бакалейный и не галантерейный торговец, чтобы помнить всю спецификацию этого награбленного у русского мужика товара... Мои сотрудники снова

должны были хлопотать, чтобы нагрузить и отправить весь этот груз... для брюха Зиновьева и его «содкомов»...

Но эти деньги тратились, так сказать, у меня на виду. А как тратились те колоссальные средства, которые я должен был постоянно проводить по разным адресам, мне неизвестно... Может быть, когда-нибудь и это откроется... Может быть, откроется также и то, что Зиновьев не только «пожирал» народные средства, но еще и обогрел свои руки народной кровью... Так, один из моих сотрудников, Бреслав, рассказывал мне, как на его глазах произошла сцена, которую даже он не мог забыть... Он находился в Смольном, когда туда к Зиновьеву пришла какая-то депутация матросов из трех человек. Зиновьев принял их и, почти тотчас же выскочив из своего кабинета, позвал стражу и приказал:

– Уведите этих мерзавцев на двор, приставьте к стенке и расстреляйте! Это контрреволюционеры...

Приказ был тотчас же исполнен без суда и следствия... Я был бы рад, за человека рад, если бы Бреслав подтвердил это...»^[38]

Григорий Зиновьев в 1936 году по делу «Анτισоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» был приговорен к расстрелу...

Комментарий Александра Севера:

«Григорий Зиновьев был не единственным из большевиков с дореволюционным стажем, кто при советской власти оказался замешан в коррупционных скандалах и был репрессирован по политическим мотивам. В качестве примера назовем Якова Ганецкого (он же Фюрстенберг, Келер, Борель, Гендричек, Николай). Он оставил яркий след в истории нашей страны в качестве одного из финансовых менеджеров, обеспечивших Владимира Ленина и его команду достаточным объемом денег для организации Октябрьской революции. Об этом написано достаточно много, поэтому мы не будем останавливаться на этом вопросе.

Расскажем о том, чем занимался Яков Ганецкий в Советской России. В декабре 1917 года он был назначен помощником Главного комиссара Государственного банка. В октябре 1918 года утвержден товарищем (заместителем) Главного комиссара Народного банка РСФСР, а в ноябре приказом по Народному банку Главный комиссар Банка Г. Л. Пятаков возложил на Я. С. Ганецкого «временное исполнение обязанностей Главного комиссара». Временно исполняющим обязанности Главного комиссара Народного банка РСФСР Яков Ганецкий оставался вплоть до упразднения Банка в январе 1920 года.

С августа 1920 года по декабрь 1921 года – полномочный и торговый представитель РСФСР в Латвии. С декабря 1921 года по 1923 год – член коллегии Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР. С июля 1923 года по ноябрь 1925 года – член коллегии Народного комиссариата внешней торговли СССР. С ноября 1925 года по 1930 год – член

коллегии Народного комиссариата внешней и внутренней торговли СССР. С 1930 по 1932 год – член Президиума ВСНХ СССР и член коллегии Главного концессионного комитета СССР. С 1932 по 1935 год – начальник Государственного объединения музыки, эстрады и цирка. С 1935 года по июль 1937 года – директор Музея Революции. Арестован 18 июля 1937 года и расстрелян 26 ноября 1937 года.

Вот что любопытно: во время его руководства Внешторгом ведомство сотрясали коррупционные скандалы. Любопытное совпадение, не правда ли? Можно было считать это лишь стечением обстоятельств, если бы не знать о деяниях Якова Ганецкого в Латвии.

С середины 1918 года большевики активно искали рынки сбыта для отобранного у прежних владельцев (государства – Российской империи, частных лиц и банков) золота и драгоценностей. В первую очередь речь шла об аккумуляции денег на личных счетах в зарубежных банках руководителей Советской России, а также о комиссионных, полученных за размещение за границей госконтрактов на экспорт природных ресурсов (в первую очередь леса) и импорта оборудования и продовольствия. Разумеется, этим дело не ограничилось. Началось финансирование Мировой революции по линии Коминтерна, и множество лиц решило нажиться и на этом. Большинство из них, те, кто не умер раньше или предусмотрительно не сбежал за границу, были репрессированы в 1937 году. Официально – по политическим мотивам.

В конце 1919 года представители Советской России начали переговоры с представителями непризнанных балтийских государств, а также с Финляндией и Польшей и с февраля 1920 по март 1921 года подписали с ними серию мирных договоров. Почему именно с ними? Так, западноевропейские государства и США

отказывались вести переговоры с «антинародным режимом» и надеялись на его скорое падение. Были у них еще претензии и экономического характера. Большевики отказались от всех финансовых обязательств царского правительства.

Особое значение Москва придавала подписанному 2 февраля 1920 года в городе Юрьеве (Тарту) мирному договору с Эстонией, так как Ревель был намечен Москвой в качестве основного пункта по вывозу золота и ввозу товаров. По его поводу Владимир Ленин сказал: «В международном положении самым ярким фактом является мир с Эстонией. Этот мир – окно в Европу. Им открывается для нас возможность начать товарообмен со странами Запада». Автор не считает подписание мирных договоров победой юной советской дипломатии. Скорее речь идет о выгодном, в первую очередь для группы кремлевских руководителей, контракте, условия которого открыли для большевиков «банковское окошко в зарубежные банки». Так, Эстонии были переданы населенные русскими территории вокруг Нарвы и более 10 тонн золота на сумму в 14 млн рублей. Латвия получила золота на 4 млн рублей, Литва – на три. Латвии отошли населенные русскими территории возле Двинска (ныне Даугавпилс), а также часть Псковской губернии, позднее возвращенная Иосифом Сталиным России.

Любопытно, что полномочными представителями РСФСР в Эстонии и Латвии были назначены соответственно Исидор Гуковский (до перехода на дипломатическую службу он занимал пост наркома финансов и был членом коллегии наркомата государственного контроля РСФСР) и Яков Ганецкий.

Первый порой совершал странные для непосвященных во все тайны коррумпированного Кремля поступки. Например, в марте 1918 года

назначили Исидора Гуковского руководить Нефтяным наркоматом.

А вот что происходит в мае того же года. Бакинский СНК принял решение о национализации нефтяных промыслов. Вроде бы правильное по тем временам (вспомним, что происходило с другими отраслями промышленности) решение, да и сейчас его сложно назвать ошибочным. Просто владельцы нефтепромыслов активно саботировали работу. Их тоже можно понять. Власть большевиков неустойчива, со дня на день рухнет, зачем зря работать и продавать нефть врагам. А Москва грозно скомандовала: «Нельзя национализировать». Тогда Бакинский СНК принимает решение послать в Москву одного из своих руководителей – Тер-Габриэляна. Представитель Баку, прибыв в столицу, долго и тщетно пытался убедить Владимира Ленина в ее необходимости:

«Я ему все рассказал, часа три я рассказывал о том, что у нас вообще происходит. Он мне задает вопрос: а что вы думаете делать? Я говорю, что нужно объявить национализацию нефтяной промышленности. «Спасибо, – говорит, – мы уже национализировались. А кто у нас будет работать?»... Бакинские рабочие. «А кто руководить-то будет?» ...Союз Бакинских инженеров. «А кто именно?» Да разве вы знаете, – говорю – их фамилии. «Нет, – говорит, – этого нельзя». Зовут И. Э. Гуковского... «Но что – как вы думаете, Исидор Эммануилович, насчет национализации...?» Боже упаси... «А что?..» Невозможно... Без разрешения вопроса о национализации вернуться не могу... В. И. Ленин дал записку А. И. Рыкову, председателю ВСНХ: «Посмотрите, какое настроение». Поехал я к Алексею Ивановичу. «Нет, – говорит, – не можем, это значит погубить нефтяную промышленность...»^[39]

А знаете, какую фамилию носил один из бакинских нефтепромышленников? Правильно, Гукасов. Были ли они родственниками или просто однофамильцами, об этом история умалчивает. Но лоббирование интересов бизнеса – это факт. И только вмешательство Иосифа Сталина в конце мая того же года все же позволило начать процесс национализации^[40].

Яков Ганецкий был одним из самых доверенных лиц Владимира Ленина в финансовой сфере. В 1915–1917 годах он вместе с Израилем Гельфандом (А. Парвусом) возглавлял созданную в Копенгагене подставную фирму, через которую американские и немецкие банкиры-евреи финансировали партию большевиков, а летом – осенью 1917 года вместе с Владимиром Лениным проходил по делу о «большевиках – агентах германского Генерального штаба», которое вел следователь Павел Александров. Автор неслучайно написал вместо привычного словосочетания «финансирование большевиков Генштабом Германии» непривычное для многих «финансирование банковскими структурами». Оговорюсь сразу: речь не идет о пресловутом мифическом «всемирном жидомасонском заговоре». Просто группа американских и немецких банкиров, что поделаешь, если все они евреи по происхождению, решила начать активно осваивать рынки сбыта Российской империи. А для этого им нужно было поставить у власти лояльных себе чиновников. Да и им-то было без разницы, будет ли в стране демократия или социализм. Важнее для них, современным языком, было гарантировать безопасность инвестиций и обеспечить монополизм. В начале прошлого века речь шла о строительстве сети железных дорог. Ведь учитывая выгодное географическое положение Российской империи, новая транспортная сеть позволила бы активно осваивать

труднодоступные территории. Возвращаясь к основной теме нашего рассказа. Яков Ганецкий знал многие сокровенные тайны вождя, хранил его архивы и зарубежные банковские счета.

Нет ничего удивительного в том, что, назначив Исидора Гуковского и Якова Ганецкого на ключевые посты, большевики столкнулись с проблемой контрабанды и хищения переправляемых через границу драгоценностей.

Знаменитый американский «друг советских вождей» Арманд Хаммер, тоже замешанный в коррупционных скандалах, позднее вспоминал:

«В то время Ревель был одним из перевалочных пунктов в торговле с Россией, но большая часть поступавших в него из России товаров... представляла собой контрабанду: произведения искусства, бриллианты, платина и бог знает что еще. Все это нелегально отправлялось через границу...»

То же было в Вильно, Хельсинки и Риге.

Чтобы читатель имел представление о происходящих в Ревеле безобразиях, автор процитирует несколько страниц из воспоминаний Георгия Соломона. Вот что он пишет в своих мемуарах:

«...Сотрудники Гуковского жили и работали в этой же гостинице (речь идет о «Петербургской гостинице». – *Прим. авт.*). Жили грязно, ибо все это были люди самой примитивной культуры. Тут же, в жилых комнатах, помещались и их рабочие бюро, где они и принимали посетителей среди неубранных постелей и сваленных в кучу по стульям и столам грязного белья и одежды, среди которых валялись деловые бумаги, фактуры. Большинство поставщиков были «свои» люди, дававшие взятки, приносявшие подарки и вообще оказывавшие сотрудникам всякого рода услуги.

С самого раннего утра по коридорам гостиницы начиналось движение этих темных гешефтмахеров. Они толпились, говорили о своих делах, о новых заказах. Без стеснения влезали в комнаты сотрудников, рассаживались, курили, вели оживленные деловые и частные беседы, хохотали, рассказывали анекдоты, рылись без стеснения в деловых бумагах, которые, как я сказал, валялись повсюду, тут же выпивали с похмелья и просто так. Тут же валялись опорожненные бутылки, стояли остатки недоеденных закусок... Тут же сотрудники показывали заинтересованным поставщикам новые заказы, спецификации, сообщали разные коммерческие новости... тайны...

У Гуковского в кабинете тоже шла деловая жизнь. Вертелись те же поставщики, шли те же разговоры... Кроме того, Гуковский тут же лично производил размен валюты. Делалось это очень просто. Ящики его письменного стола были наполнены сваленными в беспорядочные кучи денежными знаками всевозможных валют: кроны, фунты, доллары, марки, царские рубли, советские деньги... Он обменивал одну валюту на другую по какому-то произвольному курсу. Никаких записей он не вел, и сам не имел ни малейшего представления о величине своего разменного фонда.

И эта «деловая» жизнь вертелась колесом до самого вечера, когда все – и сотрудники, и поставщики, и сам Гуковский – начинали развлекаться. Вся эта компания кочевала по ресторанам, кафе-шантанам, сбиваясь в тесные, интимные группы... Начинался кутеж, шло пьянство, появлялись женщины... Кутеж переходил в оргию... Конечно, особенное веселье шло в тех заведениях, где выступала возлюбленная Гуковского... Ей подносились и Гуковским, и поставщиками, и сотрудниками цветы, подарки... Шло угощение, шампанское лилось рекой... Таяли народные деньги...

Так тянулось до трех-четырех часов утра... С гиком и шумом вся эта публика возвращалась по своим домам... Дежурные курьеры нашего представительства ждали возвращения Гуковского. Он возвращался вдребезги пьяный. Его высаживали из экипажа, и дежурный курьер, охватив его со спины под мышки, втаскивал смеющегося блаженным смешком «хе-хе-хе» наверх, укладывал в постель... На первых же днях моего пребывания в Ревеле мне пришлось засидеться однажды в своем кабинете за работой до утра, и я видел эту картину втаскивания Гуковского к нему в его комнату.

Услыхав возню и топот нескольких пар ног, я вышел из кабинета в коридор и наткнулся на эту картину. Хотя и пьяный, Гуковский узнал меня. Он сделал движение, чтобы подойти ко мне, и безобразно затрепыхался в руках сильного и крупного Спиридонова, державшего его, как ребенка.

– А-а! – заплетающимся, пьяным языком сказал он. – Соломон?.. по ночам работает... хи-хи-хи... спасает народное достояние... А мы его пррапиваем... день, да наш!.. – И вдруг совершенно бешеным голосом он продолжал: – Ссиди!.. хи-хи-хи!.. сстарайся (непечатная ругань)! уж я не я, а будешь ты в Чеке... фьюить!.. в Чеку!.. в Чеку!.. к стенке!..

– Ну, ну, иди знай, коли надрызгался, – совсем поднимая его своими сильными руками и говоря с ним на «ты», сказал Спиридонов. – Нечего, не замай других... ведь не тебе чета...

И он внес его, скверно ругающегося и со злобой угрожающего мне, в его комнату...»^[41]

Вот такие вот нравы царили в совзагранучреждении. Хотя пьянки только вершина айсберга. Георгий Соломон случайно выяснил, что при заключении сделок сотрудники Гуковского, да и он сам,

требовали от потенциальных поставщиков до 40 % вознаграждения от суммы контракта. Так, фирма «Эрикссон» попыталась продать Советской России 800 аппаратов Морзе. Первоначальная цена (включая все накладные расходы – транспортировка, упаковка и т. п.) прозвучала как 960 шведских крон за аппарат. А когда коммерсант узнал, что ему не надо платить «откат», то цена сразу же снизилась до 600 шведских крон^[42]. И таких примеров можно привести множество.

Другой способ бизнеса Гуковского. Заключение контрактов, внесение предоплаты в размере 50 % – и все... Дальнейшие обязательства не выполнялись. Когда заключенные Гуковским договора изучили профессиональные юристы, то они признали их, мягко говоря, мошенническими^[43]. Просто по-другому не могли назвать их юристы-евреи, воспитанные еще при царской власти, но при этом душой болевшие за интересы России. Вот такой вот странный парадокс. Один еврей, из большевиков, активно разворачивает страну, а другие, лишившиеся всего, продолжают защищать родину. Автор в начале книги упоминал, что она посвящена отдельным личностям, а не всем представителям одной национальности.

А вот еще иллюстрация на тему того, как «советские сановники обращались с переданными им для продажи драгоценностями». Снова цитата из мемуаров Георгия Соломона:

«Приведу со слов самого Гуковского, как он получил пакет с разными драгоценностями. Они были кое-как завернуты в бумажки, никакой описи к пакету не было приложено.

– Вот видите, как мне верят, – хвастался Гуковский. – От меня не потребовали даже расписку в получении, просто взяли и послали весь пакет на мое имя за одной только печатью. Я стал выбирать из

пакета камни и изделия, а бумаги выбрасывал в сорную корзину... Ну, вот, через несколько дней мне потребовалось взять из корзины клочок бумаги. Запустил я в нее руку, и вдруг мне попался какой-то твердый предмет, обернутый в бумагу. Я его вытащил. Что такое?.. Хе-хе-хе!.. Это оказалась диадема императрицы Александры Федоровны, хе-хе-хе! Оказалось, что я ее по нечаянности выбросил в корзину, хе-хе-хе!...»[\[44\]](#)

Комментарии излишни.

В мае 1921 года Исидора Гуковского вызвали в Москву. Феликсу Дзержинскому и Иосифу Сталину (последний сильно надавил на Владимира Ленина, требуя отзыва Гуковского) все же удалось хоть что-то сделать в сфере борьбы с «кремлевской мафией», несмотря на активное противодействие Владимира Ленина. Хотя до Москвы «дипломат» не доехал – умер в Ревеле.

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

Уже после смерти товарища Сталина Блохин признался мне, что на допросах высокопоставленных «троцкистов» у них, среди прочего, пытались выяснить местонахождение добытых незаконным путем ценностей. Комендант утверждал, что в заграничных банках у Зиновьева, Каменева и других двурушников якобы были припрятаны несметные сокровища...

Глава 5

Враги Сталина или народа

Многие современные «историки», правозащитники и журналисты в своих публикациях пишут, что почти все попавшие в ГУЛАГ или расстрелянные при Сталине были репрессированы незаконно и подлежат реабилитации как «жертвы тоталитарного режима». На самом деле большинство осужденных пострадало за преступления уголовного (кражи, грабежи, убийства и т. п.) и экономического (взятки, хищения государственной собственности, злоупотребление служебным положением и т. п.), а не политического характера...

Блохин утверждал, что многие из высокопоставленных «троцкистов» должны были быть осуждены по экономическим статьям, и расследовавшие их деятельность чекисты настаивали на этом, но в Политбюро считали иначе. Признаться в том, что многие ближайшие соратники Ленина не выдержали испытание властью и за несколько лет деградировали из революционеров-аскетов в обуржуазившихся политиков-казнокрадов, которые ничем не отличались от царских сановников-кровопийц, руководители СССР не могли. Переломить ситуацию не смог даже товарищ Сталин, который всю жизнь вел скромный образ жизни. Поэтому «троцкисты» были репрессированы по политическим мотивам. Об их преступной деятельности в экономической сфере – не важно, шла речь о вредительстве или казнокрадстве – на суде обвинители старались говорить как можно меньше.

В прошлой главе я рассказал о том, что хищение государственной собственности началось еще при Ленине, а когда страну возглавил товарищ Сталин, то процесс разворовывания стремительно пошел на убыль. Реальные прототипы подпольного миллионера Корейко из романа Ильфа и Петрова «Золотой теленок» в конце 20-х – начале 30-х годов были выявлены чекистами и приговорены судом к различным срокам заключения, вплоть до смертной казни. Процесс поиска коррупционеров продолжался до конца 30-х годов.

Когда вредители начали гадить советской власти

Первые случаи вредительства в советской промышленности были зафиксированы в конце Гражданской войны – в 1919-1920 годах. Тогда они выражались в саботаже административно-технического персонала, оставшегося на месте после бегства владельцев промышленных предприятий. Согласно установкам своих хозяев саботажники любыми способами препятствовали налаживанию работы фабрик, заводов, шахт, рудников и т. д. Пассивный характер вредительства того времени объяснялся надеждой бывших владельцев на свое скорое возвращение.

По мере того как Советское государство росло и крепло, исчезли и эти надежды, изменился характер вредительства. Переход от контрреволюционного саботажа к активному вредительству наблюдался в период 1921-1924 годов, когда стало понятно, что советская власть установилась надолго. И тогда административно-технический персонал занялся активным вредительством. Заключалось оно главным образом в разрушении заводского оборудования, порче машин и других подобных вредительских актах, дезорганизующих, а в отдельных случаях и останавливающих производство. В большинстве случаев вредители действовали самостоятельно.

После введения нэпа – новой экономической политики, с появлением концессий у вредителей появилась возможность установить связь с находящимися за рубежом хозяевами национализированных заводов и фабрик. С другой стороны, иностранные разведки решили использовать

вредителей для подрыва изнутри советской власти, путем проникновения в глубокий тыл нашей страны.

В качестве подрывной агентуры, могущей нанести этот предательский удар, иностранные разведки пытались использовать дореволюционные инженерно-технические кадры, которые продолжали работать по профессии. Согласились заниматься вредительством не все, а лишь отдельные представители. Последние в большинстве своем выполняли указания зарубежного антисоветского центра – «Российского торгово-промышленного и финансового союза» – «Торгпрома».

Основан «Торгпром» был в 1920 году, как сказано в его уставе, «для представительства интересов российской промышленности, торговли и финансов за границей, а равно для разработки и осуществления мер по восстановлению хозяйственной жизни в России». В союзе объединилось свыше 600 наиболее крупных капиталистов царской России, злейших врагов советской власти, всех этих Нобелей, Лианозовых, Манташевых, Рябушинских, Денисовых, Гучковых и др.

Нити от всех разоблаченных и разгромленных в период 1928–1932 годов контрреволюционных организаций неизменно приводили к «Торгпрому», который направлял и финансировал их подрывную работу. В своей антисоветской деятельности «Торгпром» был тесно связан с иностранными разведками, главным образом с французской.

Вредительство, в его новой форме, прежде всего было направлено в область планирования. Враги учитывали всю важность для советской власти правильного планирования как основы развития социалистического хозяйства.

Первым крупным вредительским актом в области планирования был составленный в 1924 году инженером Гартвангом перспективный план развития нашей черной металлургии. План был составлен с

расчетом задержать развитие черной металлургии и вызвать разрыв между этой отраслью промышленности и машиностроением, что повлекло бы за собой кризис во всем народном хозяйстве и заставило бы пригласить на помощь иностранный капитал.

В дальнейшем вредители стремились планировать отдельные отрасли промышленности с таким расчетом, чтобы добиться между ними наибольшей диспропорции: уменьшали плановые предположения и преувеличивали трудности, вкладывали чрезмерно большие средства в одни предприятия и задерживали рост других. Производя малоэффективные затраты и омертвляя капиталы, вредители надеялись привести Советское государство к финансовому кризису и срыву социалистического строительства.

Из области планирования вредительство перешло в различные отрасли промышленности, вернее, оно приняло в них более определенные формы. От случайных актов вредители перешли к своеобразной системе «работы» в рамках строго централизованной контрреволюционной организации, финансируемой и получающей директивы от белоэмигрантских центров и иностранного капитала. По мере того как налаживалась связь отдельных вредителей с их бывшими хозяевами, бежавшими за границу, от последних начинают регулярно поступать денежные средства; в отдельных отраслях промышленности создаются вредительские центры. Вредительство становится более обширным и более разнообразным. Возникают связи между вредителями разных отраслей промышленности: черной металлургии, цветной, машиностроения, золото-платиновой промышленности, угольной, нефтяной и т. д. Создается общесоюзный подрывной центр.

Цель вредительства – вызвать всеобщий хозяйственный кризис в стране, приурочив его к моменту нападения на советскую землю

империалистических армий, и способствовать успеху новой интервенции.

Ярким примером подрывной деятельности вредительской организации в отдельных отраслях промышленности служит шахтинское дело, дело электровредителей, дело вредителей в области рабочего снабжения.

Шахтинское дело

Впервые об этом деле сообщила газета «Правда». На страницах этого издания 10 марта 1928 года была опубликована статья:

«На Северном Кавказе, в Шахтинском районе Донбасса, органами ОГПУ при полном содействии рабочих раскрыта контрреволюционная организация, поставившая себе целью дезорганизацию и разрушение каменноугольной промышленности этого района. Руководящий центр этой организации, как подтверждается несомненными данными следствия, находится за границей и состоит из бывших капиталистических собственников и акционеров каменноугольных предприятий Донецкого бассейна, имеющих тесные связи с отдельными агентами некоторых германских промышленных фирм и польской контрразведкой.

Тщательный анализ многочисленных дезорганизующих промышленность явлений (пожары, взрывы, порча машин, завалы шахт) привел к обнаружению контрреволюционных преступников. Последующий арест преступников, показания обвиняемых и свидетелей, данные экспертизы дали обильный материал, с точностью устанавливающий состав, цели, средства и способы деятельности разветвленной заговорщической организации.

Эта организация вовлекла в свой состав, помимо бывших капиталистических собственников и акционеров предприятий, группу инженеров-специалистов, техников, штейгеров, ряд служащих, причем оказалось, что они систематически получали жалованье от своих бывших хозяев и специальные

суммы от агентов заграничного шпионажа, а многие из них были раньше агентами белой контрразведки.

Следствием установлено, что работа этой контрреволюционной организации, действовавшей в течение ряда лет, выразилась в злостном саботаже и скрытой дезорганизаторской деятельности, в подрыве каменноугольного хозяйства методами нерационального строительства, ненужных затрат капитала, понижения качества продукции, повышения себестоимости, а также в прямом разрушении шахт, рудников, заводов и т. д. При этом задача злоумышленников в случае интервенции, на которую они неизменно рассчитывали, состояла в том, чтобы организовать катастрофический срыв всей промышленности, резко понизить обороноспособность страны и тем помочь интервентам одолеть сопротивление Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Совершенно объективными данными следствия установлено, что всюду, где членам организации удалось в качестве инженеров и служащих подчинить своему влиянию хозяйственный аппарат предприятия, неизменно повторялись нижеследующие явления: мощные пласты и доходные шахты, которые могли давать десятки миллионов пудов хорошего угля, выводились из строя, затоплялись, умышленно взрывались и заваливались. Наоборот, разрабатывались убыточные шахты, с плохим углем, который был явно негоден и при употреблении портил паровозы.

В целях срыва промышленности и дискредитирования социалистической рационализации производства была в высшей степени тонко разработана и проводилась в жизнь система вредительства именно под видом рационализации производства.

Закупалось за границей ненужное оборудование, иногда устарелые машины, иногда, наоборот, самые

новейшие, применение которых заводами было невозможно по техническим условиям южноугольного района. Так, например, в Америке были закуплены врубовые машины, пригодные лишь для твердых пластов, и пущены в работу на мягких пластах. Заказы производились со специальной целью их несвоевременного выполнения. Часто выписывались совершенно ненужные механизмы, отдельные части механизмов выписывались разновременно. Переоборудование шахт всюду, где контрреволюционерам удавалось поставить во главе дела своих людей, производилось злостно-халатно, что приводило к многочисленным несчастиям, авариям и разрушениям. Установлено, что всюду, где организация саботажников сумела поставить своих людей, состояние продукции и финансовая мощь предприятия катастрофически падали. Заговорщики стремились всеми мерами к ухудшению положения рабочего на шахтах. Жилища не ремонтировались, опасные работы производились с преступной небрежностью и с прямым нарушением элементарных правил безопасности. При расчетах рабочие нередко обсчитывались, оскорблялись, сознательно провоцировались на стачки. «Неудобных» рабочих увольняли. Заговорщики проникли и в инженерно-техническую секцию профсоюза, что давало им возможность устранять от руководства и работы рабочих-выдвиженцев, коммунистов и честных специалистов, преданных делу социалистического строительства.

Следствием установлено, что участники организации финансировались заграничным белогвардейским центром.

Преступники арестованы и содержатся под стражей. Обвинение предъявляется им по ст. 58.11 и 58.7. По окончании следствия дело будет передано в Верховный суд СССР».

Сейчас в газетах опубликовано много статей, где сообщаются другие подробности так называемого «Шахтинского дела». Авторы этих публикаций освещают события шестидесятилетней давности очень тенденциозно и субъективно. Что на самом деле произошло весной 1928 года и кем на самом деле были все осужденные по «Шахтинскому делу» – жертвами произвола ОГПУ или подлинными вредителями и врагами советской власти?

В начале 1928 года органами ОГПУ была раскрыта вредительская организация среди инженерно-технических работников каменноугольной промышленности в Шахтинском районе на Северном Кавказе. В ходе следствия было установлено, что сфера действий вредительской организации выходила далеко за пределы Шахтинского района и что центр ее также находился вне территории этого района.

Конечные результаты следствия выявили, что организация вредителей:

«1. Охватывала собой не только наиболее крупные рудоуправления Донбасса и руководящий центр Донугля, но имела своих сторонников и активных членов среди высшего руководящего технического персонала каменноугольной промышленности в Москве.

2. Была связана с такими же организациями в других отраслях промышленности.

3. Одновременно была связана... с органами и деятелями иностранных держав, не имеющими никакого отношения к каменноугольной промышленности как таковой.

4. Ставила своей задачей не только экономическое вредительство, но и прямое оказание помощи неприятелю в момент грядущей подготовляемой капиталистическим миром интервенции».

Вредительская организация целиком состояла из инженеров и техников, работавших до революции в

угольной промышленности (Матов, Калганов, Березовский и др.), и бывших шахтовладельцев и акционеров (Самойлов, Колодуб и др.). В среде вредителей нашли свое место и меньшевики: инженер Калнин, техник Васильев.

Возникновению и развитию вредительства в угольной промышленности способствовало то обстоятельство, что большинство инженерно-технического персонала после Гражданской войны возобновило свою работу на тех же шахтах и рудниках, где они работали до революции. Здесь сгруппировались старые служащие и бывшие собственники, объединенные общим мировоззрением, общими политическими взглядами, связанные между собой близким знакомством, давней дружбой, а иногда и родством.

Указания о начале вредительства были получены служащими от своих бывших хозяев на совместном совещании владельцев и инженеров в Ростове-на-Дону в 1920 году, во время последнего съезда совета горнопромышленников, который происходил вскоре после освобождения Донбасса от белых частями Красной Армии.

До 1924 года вредители действовали самостоятельно, не проводя совместных акций и не придерживаясь определенного плана. Они лишь старались исполнить полученные в 1920 году директивы. С 1922 года служащие, потерявшие связь со своими хозяевами, пытались восстановить ее путем переписки и получить указания, но попытки эти носили случайный и личный характер.

В конце 1922 года на отдельных рудниках оформляются местные вредительские организации. Первая такая организация возникла во второй половине 1922 года в донецко-грушевском рудоуправлении, затем – во власовском, несветаевском и других. К этому

времени от бывших хозяев начинают поступать не только инструкции, но и деньги. Деньги распределялись среди членов организации, в зависимости от значимости того или иного участника, под видом вознаграждения... «со стороны хозяев за сохранение в порядке отобранных у них шахт, за переоборудование и улучшение их и, наконец, за сокрытие от соввласти наиболее ценных месторождений с тем, чтобы наиболее важные подземные богатства к моменту падения советской власти могли быть возвращены хозяевам нетронутыми и неистощенными» (из показаний Березовского). Как видно из этих данных, в тот момент вредительство еще носило пассивный характер.

По мере укрепления советской власти вредительские организации начинают переходить от саботажа к активному вредительству. Как выявило следствие, системы организованного вредительства, установившиеся затем на отдельных рудниках, мало чем отличались друг от друга.

Расстановка вредительских кадров производилась по следующему принципу: 1) шахта, 2) механизмы, дающие энергию, и 3) контроль. Вредители считали, что «только при сочетании этих трех элементов вредительскую работу можно построить планомерно, не боясь провалов». (Из показаний Березовского.) Свои вредительские действия технический персонал, как правило, объяснял «неполадками» производства, якобы вызванными «советской системой управления промышленностью».

Вредительство шло в направлении дезорганизации производства и создания условий, вызывавших искусственное недовольство рабочих советской властью. Выражалось вредительство в сокрытии ценных участков и пластов с одновременным пуском нерентабельных шахт; систематическом срыве добычи

угля; неправильном использовании и несвоевременном ремонте механизмов; систематических авариях; срыве проводимой механизации добычи угля; неправильном ведении и задержке горных работ; неправильной проходке и в ряде других, более мелких вредительских действий. В области капитального строительства производились ненужные и дорогостоящие работы, а работы, носившие срочный характер, или не производились или выполнялись с большим опозданием, без смет и проектов. Умышленно нарушались самые элементарные правила техники безопасности, что влекло за собой несчастные и даже смертельные случаи. Заработок рабочих искусственно снижался. Задерживалась реализация заключенных коллективных договоров. Умышленно создавались тяжелые материально-бытовые условия.

Чтобы гарантировать себя от провала, вредители старались не допускать на шахты и в аппарат рудоуправления специалистов-коммунистов.

Более опытные и осторожные вредители (подобно инженеру Кузьме) проводили вредительство так тонко и осмотрительно, что не только не было заметно его следов, но, наоборот, внешне рудник (Власовский) производил весьма хорошее впечатление.

В течение 1924-1925 годов вредительские организации были созданы почти во всех рудоуправлениях Донбасса. Возник и оформился контрреволюционный центр в самом «Донугле». Он развивался аналогично организациям на рудниках, начиная от индивидуальных связей отдельных инженеров с их бывшими хозяевами и кончая созданием единой вредительской организации. Контрреволюционный центр был тесно связан со своей периферией и заграничными организациями бывших углепромышленников.

Финансирование вредительских организаций производилось бывшими углепромышленниками и иностранными капиталистическими кругами. Передаточными инстанциями служили официальные дипломатические представительства ряда иностранных держав в СССР. Деньги поступали от объединения бывших углепромышленников Юга России, французского объединения бывших владельцев предприятий в России, аналогичного польского объединения и ряда германских фирм (АЕГ, Эйкгофа, Костера, Сименс и Шуккерта и т. д.) и, наконец, от иностранных разведывательных органов. Передавались деньги через французские и польские официальные представительства в СССР или при поездке членов организации за границу. Деньги от немецких фирм получались в виде процентов за заказы и пересылались в СССР через представителей фирм, инженеров и монтажников, причем оборудование для нашей промышленности поставлялось заведомо негодное.

По далеко не полным подсчетам, общая сумма денежных средств, поступивших из-за границы только за три последних года (1925, 1926, 1927) существования вредительской организации, выразилась в 600–700 тыс. рублей.

Особенно активную связь с вредительской организацией поддерживали француз Ремо (в прошлом – директор Берестово-Богодуховского рудника) и поляк Дворжанчик (бывший директор ряда рудников и копей, эмигрировавший в 1919 году в Польшу).

С созданием «Харьковского вредительского центра» вполне организованный характер приняла и пересылка «информационных» сведений за границу через ездивших туда по делам службы членов организации. В состав руководящей группы «Харьковского центра» вошли инженеры Матов, Бахтиаров, Братановский, Казаринов и др.

«Харьковский центр» не ограничивался только захватом руководящих постов в Донугле и в рудоуправлениях; он стремился проникнуть в инженерно-техническую секцию и в смежные с угольной отрасли промышленности. Следуя полученной из-за границы инструкции, «Харьковский центр» организовал антисоветскую пропаганду. Рекомендовалось два метода проведения ее в жизнь: пропаганда «сверху вниз», от высшего служащего до среднего и низшего, уже соприкасающегося с рабочей массой, и непосредственная контрреволюционная пропаганда среди рабочих путем широкой «общественной работы».

На случай войны намечались мероприятия, способствующие интервенции, в частности нарушение работы транспорта, организация забастовок рабочих и т. д.

Одним из характерных методов вредительства в Донбассе являлось частое изменение организационной структуры как центрального аппарата Донугля, так и его периферии. Этому сопутствовала весьма сложная система бухгалтерского учета с обилием различных форм и частыми их изменениями.

Контрреволюционная организация в угольной промышленности в своей деятельности была тесно связана с иностранными капиталистическими кругами и разведками ряда стран. В 1925 году была установлена постоянная связь с польской разведкой, которая за получаемую шпионскую информацию выплачивала ежегодно 40–50 тыс. рублей. Передача сведений полякам производилась через специальных курьеров, приезжавших в Донбасс. Один раз сведения были переданы непосредственно самому польскому посланнику Патеку во время его посещения Донбасса. По заданиям польской разведки организация, кроме шпионажа, проводила и вредительские акты.

В конце 1925 года был налажен постоянный контакт с французской разведкой в отношении экономического шпионажа. Представители «Харьковского центра» (Юсевич и др.) во время их пребывания в Париже по делам службы не раз посещали французское военное министерство для получения инструкций и передачи шпионской информации.

Кроме того, было установлено, что ряд крупных объединений германской промышленности под видом «русских отделов» имел самостоятельные разведывательные резидентуры. Шпионы и диверсанты направлялись в СССР под личиной инженеров, техников, монтажников. В частности, такой шпионской резидентурой являлся русский отдел фирмы АЕГ (Всеобщая компания электричества), руководимый в то время одним из белогвардейских эмигрантов. В марте 1926 года в этом отделе с участием представителей от вредительской организации было проведено совещание, на котором обсуждался план подрывной работы в СССР.

Представители разных немецких фирм, приезжавшие в Советский Союз, выполняли роль связистов между иностранными разведками и контрреволюционной организацией в угольной промышленности (инженер Гесслер от фирмы Зейферта и др.). Ряд служащих фирмы АЕГ, посланных в СССР для производства монтажных работ (инженер Отто, монтер Майер, инженер Вегнер, Бадштибер – монтер фирмы Кнапп и др.), получил одновременно задание по вредительской работе. Им были даны явки к членам местных вредительских организаций. Упомянутый Отто, как было установлено во время судебного следствия, являлся старым шпионом, работавшим в России еще до революции.

«Шахтинское дело» помогло выявить общий фронт вредительских и шпионских действий в СССР ряда

иностранных разведок. Проникая в угольную промышленность и организуя в ней вредительство, иностранные разведки надеялись подорвать одну из основных отраслей социалистической индустрии, имеющую важнейшее стратегическое значение.

Комментарий Александра Севера:

«Добавим к сказанному автором неизвестные ему подробности, связанные с «Шахтинским делом», которое часто называют «Делом Донугля».

В марте 1928 года руководство ОГПУ доложило И. В. Сталину о раскрытии чекистами вредительской организации в системе «Донугля». Вот текст этого сообщения:

«Полномочным Представительством ОГПУ СКК открыта мощная организация, многие годы оперирующая в Донугле. Ввиду того, что означенное дело вышло из рамок данного района и дальнейшее развитие упирается в необходимость производства следствия в Харькове (Пр[авле]ние Донугля), в Москве (ВСНХ СССР) – нами дано распоряжение следствие по означенному делу сосредоточить в Москве, т. к. совершенно ясно из дела вытекает, что эта организация, имеющая Центр в Москве, руководит вредительством не только в угольной нашей пром[ышленное]ти, но и в др. отраслях н[ародного] хозяйства.

Суть дела сводится к следующему: в Донецко-Грушевском, Власовском, Несветаевском, Щербиновском, Горловском и, вероятно, др. Рудоуправлениях, а также в Пр[авле]нии Донугля и ВСНХ СССР эта организация в течение ряда лет занималась и занимается систематическим] разрушением Донугольского хозяйства.

Деятельность этой организации направляется из Польши (ДВОРЖАНЧИК, бывш. а[кцио]нер ДГРУ) и Германии (ШКАФ – бывш. пр[е]дседа]тель Акционерного О[бщест]ва ДГРУ). АУЭРБАХ и ИГНАТЬЕВ бывш. а[кционе]ры ДГРУ, некоторыми членами Акционерного]

Общества «РПИТ» и ПАРАМОНОВЫМ через Московский (ВСНХ СССР) и Харьковский Пр[авле]ния Донугля в Центре. Задание из Германии получается как инженерами] Донугля, командиремыми за границу, так равно передаются и специалистами [германских] фирм, приезжающими в СССР (МАЙЕР, ОТТО, ВЕГНЕР от «А.Е.Г», ВЕСЛЕР от «Ф. ЗЕЙФЕРТ», КОСТЕР и БАДШТИБЕР от «КНАППА»). Работа ведется на средства, получаемые из-за границы, по показаниям инж[енера] БЕРЕЗОВСКОГО и штейгера ГАВРИЩЕНКО, присылаемые из Польши и Германии. Организация ставит перед собой широкие задачи, различные на раз[ных] этапах развития самой организации. В 1919-1920 гг. задачи сводились к тому, чтобы при отступлении красных «сохранить в переходный момент имущество и оборудование рудников в полной ценности», но впоследствии программа ор[ганиза]ции стала значительно шире.

«...Уже в 1925-1926 гг. вопрос стал иначе, в плоскости нанесения прямого вреда сов. власти посредством приобретения ненужного имущества за границей, вкладывания капитала нерационально и заторможения его, его обращения, понижения качества продукции, повышения себестоимости продукции, увеличения зольности в угле, посредством этого нанесения в первую очередь вреда транспорту, уменьшения возможности конкуренции с заграницей и т. д. Все это было направлено к подрыву хозяйства не только ДОНУГЛЯ, но и остальной индустрии СССР. Разговор в организации идет уже не о сбережении ценностей для старых хозяев, а прямом вредительстве Советскому хозяйству» (показания инж[енера] БЕРЕЗОВСКОГО Н.Н.).

С более полной увязкой специалистов ДОНУГЛЯ с заграницей с изменившейся обстановкой, осознанием своей силы и почти полной безнаказанности, по указке из-за границы организация в конце 1926 г. производит

переоценку ценностей, – программа организации пересматривается, дополняется и увязывается с возможностью интервенции в СССР. План, охватывающий деятельность организации в новом объеме, должен поступить из-за границы в 1928 г. Организации на места даны уже конкретные задания по проведению крупных аварий, выведению из строя крупных установок (котлов, электростанций, турбин и т. п.), но пока не указаны сроки выполнения. Инж[енер] БЕРЕЗОВСКИЙ так характеризует третий этап работы организации:

«...С 1927 г., я считаю, начался третий этап нашей работы, в смысле увязки всей нашей деятельности с интервенцией СССР. Третий этап – это вопрос о возможности интервенции. В связи с этим этапом должны были получиться более точные указания. Нами уже была проделана большая подготовительная работа на случай интервенции, нужно было обдумать каждому на месте, каким образом можно было нарушить деятельность предприятия, т. е. остановить его самодеятельность.

Так как уголь является основой всего хозяйства, и в первую очередь транспорта, тяжелой индустрии и химической промышленности, то нами ставился вопрос, по сути дела, о срыве всей промышленности СССР во время интервенции. Было дано задание на местах изыскать возможность крупного вредительства, в смысле выведения из действия основных установок, котельных, турбин так, чтобы немедленно понизить темп добычи и тем самым вызвать кризис во всем хозяйстве. Поражения, наносимые рудникам, должны быть такими, чтобы после, в конце концов, их можно было бы восстановить – рудники не должны быть разрушены окончательно. Задачи третьего этапа сводились к тому, чтобы быстро и сильно понизить обороноспособность страны. Кроме этого, тут встала

очень серьезная задача, чтобы при переходе рудника обратно к белым сохранить их ценность от возможного разрушения таким способом, чтобы рудники совершенно не исчезли, дабы при приходе белых старые хозяева не очутились у разбитого корыта».

В осуществление поставленных задач организация произвела ряд действий, нанесших колоссальный ущерб нашему хозяйству. На Донецко-Грушевском, Власовском, Несветаевском рудоуправлениях посредством целого ряда мероприятий организация действовала на рабочих и толкала их на выступления против советской власти, партийных и профессиональных организаций, вызывала волнения и забастовки. Для этого при работах нарушались все правила по горной безопасности. Вентиляция в шахтах, вообще недостаточная, умышленно разрушалась. Широко, как система, проводились неправильные расценки, неправильные замеры сделанных работ, обсчеты рабочих. Рабочие жилища умышленно не ремонтировались и постепенно разрушались. Ремонт и новые постройки производились умышленно плохо. Обращение с рабочими было недопустимо грубое, вплоть до избиения. По показаниям ряда обвиняемых, такая деятельность специалистов вызвала не только недовольство рабочих, но и приводила во многих случаях к забастовкам. Ряд забастовок в 22-26-м и 27-м гг. вызваны умышленно.

На крупные суммы денег производятся за границей закупки совершенно ненужного оборудования. Заказы проводятся так, что сроки заказов назначаются для выполнения или раньше, или позже необходимого времени, и поэтому крупные машины приходят из-за границы раньше, чем устроены даже для них временные помещения. Рудникам обещают новое оборудование, те не особенно поддерживают старое, оно разрушается, новое оборудование запаздывает, и

очень сильно, и Рудоуправление оказывается в безвыходном положении. Практикуется также присылка ненужных механизмов и задержка необходимых, разновременная присылка частей машин. Все это приводит к крупным затратам, и в конечном счете происходит в крупных размерах иммобилизация капитала ДОНУГЛЯ.

Организация умышленно неправильно использовала оборудование. Работа врубовых машин организовывалась так, что они не давали полного экономического эффекта. Врубовые машины, приспособленные для работы на твердых пластах, направлялись на мягкие угли, и наоборот. В одних и тех же условиях работы сосредоточивались машины самых разнообразных систем и марок, что требовало громадного количества запасных частей и большего количества лишней квалифицированной рабочей силы, вело к уменьшению добычи, большим затратам на ремонты и т. п. Вредительство в котельном и электрическом хозяйстве заключалось главным образом в том, чтобы при максимальных затратах топлива, рабочей силы и денежных средств дать наименьший эффект, т. е. дать как можно меньше энергии.

Инженеры, входящие в организацию, занимались также и непосредственной порчей машин. По показаниям инженеров ЧЕРНОКНИЖНИКОВА, БЕРЕЗОВСКОГО, БАШКИНА, БАБЕНКО, САМОЙЛОВА, штейгера ГАВРИЩЕНКО и др., все они занимались непосредственной порчей машин, ими было произведено большое количество крупных и мелких аварий. Так, например, ГАВРИЩЕНКО умышленно разрушал лебедки, делал попытку сжечь трансформатор и аппаратуру Власовской подстанции и т. д. Инженером ЧЕРНОКНИЖНИКОВЫМ путем перекачки воды из кочегарки выведена из строя турбина. По заданию ВЕРНЕРА, представителя фирмы

АЕГ, инж[енером] БАШКИНЫМ испорчена подъемная машина. В общем, организацией произведены сотни аварий.

Под видом рационализации организация умышленно проводила работы, приносящие крупный вред хозяйству. По показаниям БАШКИНА от 26/1-28 г., на шахте «АРТЕМ» электровозная откатка была устроена так, что чрезвычайно легко могло быть крушение. Там же транспортировка угля была рационализирована таким образом, что, кроме боя подвижного состава, ничего не давала. На шахте № 2 САМОЙЛОВЫМ В. Н. был произведен ряд ненужных работ или работ, носивших разрушительный характер, и принесены крупные убытки хозяйству. Умышленно производились завалы посредством чрезмерного разгона уступа и плохого крепления. Умышленно вместо выдачи угля на-гора ежедневно оставляли большое количество под землей. Была произведена большая вредительская работа посредством применения американского метода «система вилок» при добыче угля. Данная система может быть применена только при устойчивой кровле и хорошем креплении. На литере «А» этих условий не было. Такая деятельность организации дала крупные убытки.

Организация умышленно пустила в эксплуатацию ряд нерентабельных шахт («КРАСНЕНЬКАЯ», «ФРУНЗЕ», «ТАГРО» и «ЗЕМЛИЧКА») с затратой на их восстановление свыше 600 000 р., дающих очень незначительное количество угля (5 000 000), по качеству никуда не годного и не имеющего сбыта, и приносящих ежегодно убыток свыше 150 000 р., не считая работу механизмов и рабочую силу, могущих быть использованными на основных шахтах.

Произвела умышленно завалы шахт: проходки им. КРАСИНА на ДГРУ (б. шахта «ПОПОВКА»), шахты № 5 на Власовке. Затопила шахту «НОВО-АЗОВСКУЮ» и

пыталась взорвать шахту им. ВОРОВСКОГО. Организацией затоплено большое количество наиболее мощных пластов. Так, например, на шахте «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» 2-й пласт, на шахте № 2 – Восточное крыло шахты, на шахте им. ВОРОВСКОГО – часть 2-го пласта, на шахте «МИРОВАЯ КОММУНА» – углубленческий пласт шахты и т. д. и производила откачку (вернее, задерживала ее) по 5–7 лет. Из них откачаны только пласты на шахтах им. ВОРОВСКОГО и «ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», но работы на них не производятся до сих пор, и громадное количество других аналогичных случаев.

По показаниям некоторых арестованных, но еще недостаточно проверенным, вместе с перевозкой из-за границы крупного оборудования будет перекидываться в СССР оружие. Точно так же, по непроверенным данным, имеются указания о переброске из-за границы денег для организации повстанческих отрядов в казачьих районах.

Стимулы, побуждавшие специалистов выполнять приказания и поручения своих быв. хозяев, были как идеологического, так равно и материального порядка. Инженеры и техники, состоявшие в организации, почти регулярно получали ежемесячное дополнительное вознаграждение, обычно равняющееся месячному окладу жалованья, и, кроме того, получали единовременно суммы денег от 100 до 500 р. за выполнение отдельных поручений. Так, инж[енер] БЕРЕЗОВСКИЙ, по его личным показаниям, передал КОЛГАНОВУ – главному] инж[енер]у ДГРУ, КУЗЬМЕ – глав[ному] инж[енер]у Власовки, НЕКРАСОВУ – глав[ному] инж[енер]у Несветая для работы около 200 000 р. Из этих денег БЕРЕЗОВСКИЙ оставил лично себе 20 000 р. Инж[енер] БАШКИН показывает, что он от ГОРЛЕЦКОГО, БЕРЕЗОВСКОГО, КОЛГАНОВА и КУЗЬМЫ получил в разное время за диверсионную деятельность 16–17 тыс.

р. По непроверенным данным, фамилии работающих в организации специалистов сообщались за границу, и там, по крайней мере на имя главных персонажей, вкладывались в банк значительные суммы как вознаграждение за контрреволюционную деятельность в СССР.

Для более полного ознакомления Вас с данным делом при сем препровождаем Вам обзор по делу «ВРЕДИТЕЛИ», составленный ПП ОГПУ на СКК»^[45].

Много интересных подробностей можно узнать из записки Балицкого «Об «экономической контрреволюции» в Донбассе». Процитируем фрагмент из этого документа:

«...На основании данных агентурной и следственной разработки ГПУ УССР установлено, что Донуглевская организация, широко разветвленная, имела свою программу, тактику и действенный центр. Вся организация в настоящее время арестована, и все члены украинского центра полностью сознались.

В процессе следствия нами выявлено, что аналогичные организации имелись в некоторых других трестах, а именно: ЮГОСТАЛИ, ХИМУГЛЕ и ЮРТЕ.

Существовало Бюро организаций Донугля и этих трестов. В него входила вся руководящая «семерка» Донугля: Заведующий Управлением нового строительства МАТОВ, Член правления и Технический директор БОЯРШИНОВ, Зав. Проектным Отделом БРАТАНОВСКИЙ, Помощник Зав. Производственным управлением ДЕТЕР, Ст[арший] Инженер УНСа, бывший Заведующий Иностранным отделом КАЗАРИНОВ, Зам. Зав. УНС СУЩЕВСКИЙ, Зам. Заведующего УНС – ныне Главный инженер ЮРТа БАХТИАРОВ.

От Югостали входили в Бюро член Правления ШИШКИН и Заведующий Горным отделом САХНОВСКИЙ; от Химугля – инженеры КРАМАРЕВ, КАЗАКЕВИЧ, от ЮРТа

- член Правления МУХИН, Заместитель Главного инженера ЖУКОВ и инженер ШУВАЕВ.

Работа по раскрытию организации в Югостали, ЮРТе и Химугле проводится нами в ударном порядке, причем основные фигуранты уже арестованы. Точно устанавливается, что Донуголевская контрреволюционная организация была связана с Польским и Французским Посольствами в Москве, Польским Генеральным Консульством в Харькове, Французским Военным Министерством, Бюро Политической Полиции в Берлине и некоторыми правительственными кругами Германии.

Поляки принимали ближайшее участие в самом создании организации, щедро субсидировали ее и широко использовали для шпионской и диверсионной работы.

Глава Украинской организации инженер МАТОВ говорит совершенно откровенно: «организация являлась диверсионной группой Польского Посольства».

За последним, естественно, скрывался 2-й Отдел Польгенштаба. Организация, являясь поистине агентом империалистов, заключает также соглашение с Французским Посольством в Москве о ведении и в пользу французов шпионской диверсионной работы.

По показаниям МАТОВА, БРАТАНОВСКОГО, ШАДЛУКА и др. было передано французам ряд материалов шпионского характера, над собиранием которых работали все члены организации. Всего получено было от Французского посольства организацией несколько сот тысяч рублей.

В сентябре 1926 года МАТОВ, будучи за границей, совместно с представителем Донугля по Франции ЮСЕВИЧЕМ, также членом организации, посещает Французское Военное Министерство.

Их принял ответственный представитель Министерства, которому МАТОВ сделал подробный

доклад о работе Донуглевской организации.

МАТОВ и ЮСЕВИЧ заполняют в Министерстве анкету от имени организации.

В начале 1927 года МАТОВА принимает в Москве заместитель ЭРБЕТА и выдает ему для нужд организации 60 000 рублей.

МАТОВ в посещении Военного Министерства и Французского Посольства полностью сознался. На очной ставке с ним это подтвердил другой главарь организации – БРАТАНОВСКИЙ. Признался также и ЮСЕВИЧ. Исключительно интересны данные по связи организации с немцами. В марте 1926 года в Берлине в помещении фирмы АЕГ состоялось совещание с участием члена руководящей группы Донуглевской организации инженера КАЗАРИНОВА, Директора Русского отдела АЕГ БЛАЙМАНА, бывшего горнопромышленника, одного из создателей организации ДВОРЖАНЧИКА и постоянного Берлинского агента организации, служащего АЕГ БАШКИНА.

Совещание разрешило ряд практических вопросов связи и деятельности Донуглевской организации за границей. ДВОРЖАНЧИК сделал доклад о создании международного объединения всех бывших промышленников и торговцев в России, причем Объединение это должно быть связано с Иностранным обществом кредиторов в России.

В том же 1926 году КАЗАРИНОВ посетил германское министерство торговли, в присутствии представителя министерства и БЛАЙМАНА представитель Союза Германской Промышленности доктор РОЙТЕР информировался у КАЗАРИНОВА о взглядах организации на предоставление Германией 300 000 000 кредита СССР.

КАЗАРИНОВ полностью признался, подтверждает указанное также МАТОВ.

Организация широко использовала свои связи с АЕГ и другими немецкими фирмами, получая от них процентное отчисление с общей суммы сдаваемых Донуглем заказов и наладив передачу сведений за границу через представителей этих фирм, приезжающих по делам в СССР, – немецких инженеров и т. п.

Ряд установленных следственных данных неопровержимо свидетельствуют о том, что на территории СССР развила свою деятельность мощная антисоветская организация всесоюзного масштаба. Организацию возглавляет Московский центр, состоящий из группы профессоров и крупнейших специалистов. Данные подтверждаются показаниями МАТОВА, БРАТАНОВСКОГО, КАЗАРИНОВА, КРЖИЖАНОВСКОГО, СОКОЛОВА и др. Московский центр возглавлял Председатель Научно-технического совета ВСНХ СССР РАБИНОВИЧ, сюда входили также Председатель Всесоюзной ассоциации инженеров ПАЛЬЧИНСКИЙ и ряд других лиц: ИМИНИТОВ, ФЕДОРОВИЧ, НАЗИМОВ, СКОРУТА, ШАЛЯКИН, СТРИЖОВ, МОРЕВ, ЖЕБРОВСКИЙ и КАСЬЯНОВ.

Мы имеем точные данные, говорящие о том, что Всесоюзный центр имеет свои ячейки и распространил свое влияние на Сибирь (Кузнецкий бассейн), Кавказ (Ткибульское угольное месторождение и нефтяные промыслы) и Московский Центральный район (машиностроительные заводы).

Ряд лиц, работающих там по директивам Всесоюзной организации, нами уже выявлены (по Сибири – ГОРЯЧЕВ, ПОТАЛЕЕВ и АГРОНОМОВ, по Кавказу – ПРИТУЛА и др.).

Непосредственно руководил Донуглевской организацией так называемый Парижский центр, состоящий из членов Совета съезда горнопромышленников Юга России. В него входит ряд

крупнейших французских и русских капиталистов, бывших предпринимателей Донбасса. Эта группа входит составной частью в широкое объединение русских промышленников. Последнее тесно связано с мощным Обществом бывших французских владельцев предприятий разного рода крупной промышленности царской России.

Донуглевская организация щедро субсидировалась поляками, французами, немецкими фирмами и своим Парижским центром. По подсчетам МАТОВА, только от Парижского центра за три года было получено до 700 000 рублей. От консульства и разведок организация получала приблизительно 200 000 руб. в год. Крупные суммы шли из французского Военного Министерства через Французское посольство в Москве.

Точно устанавливается, что украинская организация конкретно намечала и подготавливала вредительские действия на случай войны. По этому поводу руководящая группа, а также отдельные члены организации получали специальные, детально разработанные директивы от Парижского центра, Польского и Французского посольств. Данные подтверждаются показаниями инженера РЖЕНЕЦКОГО, КАЗАРИНОВА, БОЯРИНОВА, БРАТАНОВСКОГО, МАТОВА и др. Организация активно готовилась к интервенции и практически намечала совершенно реальные мероприятия по взрыву тыла изнутри»^[46].

Другие подробности дела «Донугля» можно узнать из письма председателя ОГПУ Украины Василия Балицкого зам. председателя ОГПУ СССР Генриху Ягоде. Вот что сообщил руководитель органов госбезопасности УССР 25 апреля 1928 года:

«Дорогой Генрих Георгиевич!

Ввиду того, что Комиссия Политбюро ЦК ВКП решила в основу процесса по экономической

контрреволюции в Донбассе положить разработанное ГРУ СССР дело «Донугля», нами в срочном порядке основная часть дела, необходимая для процесса, закончена и передана в ОГПУ.

На основании данных агентурной и следственной разработки ГПУ СССР установлено, что Донуглевская организация, широко разветвленная, имела свою программу, тактику и действенный центр. Вся организация в настоящее время арестована, и все члены украинского центра полностью сознались.

В процессе следствия нами выявлено, что аналогичные организации имелись в некоторых других трестах, а именно: Югостали, Химугле и ЮРТ'а.

Существовало Бюро организаций Донугля и этих трестов. В него входила вся руководящая «семерка» Донугля (заведующий управлением нового строительства Матов, член правления и технический директор Бояршинов, зав. проектным отделением Братановский, помощник зав. Производственным управлением Детев, ст. инженер УНС'а, бывший заведующий иностранным отделом Казаринов, зам. зав. УНС Суцевский, Зам. заведующего УНС – ныне главный инженер ЮРТ'а Бахтиаров).

От Югостали входили в Бюро – член Правления Шишкин и зав. горным отделом Сахновский; от Химугля – инженеры Крамарев, Казакевич, от ЮРТ'а – член Правления Мухин, зам. главного инженера – Жуков и инженер Шуваев.

Работа по раскрытию организации в Югостали, АРТ'е и Химугле проводится нами в ударном порядке, причем основные фигуранты уже арестованы.

Точно устанавливается, что Донуглевская контрреволюционная организация была связана с польским и французским посольствами в Москве, польским генеральным консулом в Харькове, французским военным министерством, Бюро

политической полиции в Берлине и некоторыми правительственными кругами Германии.

Поляки принимали ближайшее участие в самом создании организации, щедро субсидировали ее и широко использовали для шпионской и диверсионной работы.

Глава украинской организации инженер Матов говорит совершенно откровенно: «Организация являлась диверсионной группой польского посольства».

За последним, естественно, скрывался 2-й отдел Польгенштаба.

Организация, являясь поистине агентом империалистов, заключает также соглашение с французским посольством в Москве о ведении... французами шпионской диверсионной работы.

По показаниям Матова, Братановского, Шадлуна и др. было передано французам ряд материалов шпионского характера, над собиранием которых работали все члены организации. Всего получено было от французского посольства организацией несколько сот тысяч рублей.

В сентябре 1926 года Матов, будучи за границей, совместно с представителем Донугля по Франции Юсевичем, также членом организации, посещает французское Военное министерство.

Их принял ответственный представитель министерства, которому Матов сделал подробный доклад о работе Донуглевской организации.

Матов и Юсевич заполняют в министерстве анкету от имени организации.

В начале 1927 года Матова принимает в Москве заместитель Эрвета и выдает ему для нужд организации 60 000 рублей.

Матов в посещении Военного министерства и французского посольства полностью сознался. На очной ставке с ним это подтвердил другой главарь

организации – Братановский. Признался также и Юсевич.

Исключительно интересны данные по связи организации с немцами.

В марте 1926 года в Берлине, в помещении фирмы АЕГ, состоялось совещание с участием члена руководящей группы Донуглевской организации инженера Казаринова, директора Русского отдела АЕГ Блаймана, бывшего горнопромышленника, одного из создателей организации – Дворжанчика и постоянного берлинского агента организации служащего АЕГ Башкина.

Совещание разрешило ряд практических вопросов связи и деятельности Донуглевской организации за границей. Дворжанчик сделал доклад о создании международного объединения всех бывших промышленников и торговцев России, причем Объединение это должно быть связано с иностранным обществом кредиторов в России.

В том же 1926 году Казаринов посетил германское министерство торговли, в присутствии представителя министерства и Блаймана – представитель Союза германской промышленности д-р Ройтер информировался у Казаринова о взглядах организации на предоставление Германией 300 000 000 кредита СССР.

Казаринов полностью признался, подтверждает указанное также Матов.

Организация широко использовала свои связи с АЕГ и другими немецкими фирмами, получая от них процентное отчисление с общей суммы сдаваемых Донуглем заказов и наладив передачу сведений за границу через представителей этих фирм, приезжающих по делам в СССР, – немецких инженеров и т. п.

Ряд установленных следственных данных неопровержимо свидетельствуют о том, что на территории СССР развила свою деятельность мощная антисоветская организация всесоюзного масштаба. Организацию возглавляет Московский центр, состоящий из группы профессоров и крупнейших специалистов. Данные подтверждаются показаниями Матова, Братановского, Казаринова, Кржижановского, Соколова и др. Московский центр возглавлял Председатель Научно-технического совета ВСНХ СССР Рабинович, сюда входили также Председатель Всесоюзной ассоциации... и ряд других лиц: Иминитов, Федоров, Назимов, Скорута, Шалякин, Стрижов, Морев, Жебровский, Касьянов.

Мы имеем точные данные, говорящие о том, что Всесоюзный центр имеет свои ячейки и распространил свое влияние на Сибирь (Кузнецкий бассейн), Кавказ (Ткибульское угольное месторождение и нефтяные промыслы), и Московский Центральный район (машиностроительные заводы).

Ряд лиц, работающих там по директивам Всесоюзной организации, нами уже выявлены (по Сибири – Горячев, Поталеев и Агрономов, по Кавказу – Притула и др.).

Непосредственно руководил Донуглевской организацией так называемый Парижский центр, состоящий из членов Совета съезда горнопромышленников Юга России. В него входит ряд крупнейших французских и русских капиталистов, бывших предпринимателей Донбасса. Эта группа входит составной частью в широкое объединение русских промышленников. Последнее тесно связано с мощным Обществом бывш. французских владельцев предприятий разного рода крупной промышленности царской России.

Донуглевская организация щедро субсидировалась поляками, французами, немецкими фирмами и своим Парижским центром. По подсчетам Матова, только от Парижского центра за три года было получено до 700 000 рублей. От консульства и разведок организация получила приблизительно 200 000 р. в год. Крупные суммы шли от французского Военного министерства через французское посольство в Москве.

Точно устанавливается, что украинская организация конкретно намечала и подготавливала вредительские действия на случай войны. По этому поводу руководящая группа, а также отдельные члены организации получали специальные, детально разработанные директивы от Парижского центра, польского и французского посольств. Данные подтверждаются показаниями инженера Рженецкого, Казаринова, Бояринова, Братановского, Матова и др. Организация активно готовилась к интервенции и практически намечала совершенно реальные мероприятия по взрыву тыла изнутри.

Таким образом, выводы тов. Сталина в его докладе на Пленуме ЦК в отношении новых форм работы контрреволюции и подготовки интервенции получают фактическое подтверждение в материалах этого дела...».

Данные документы специально оставлены без комментариев. Каждый сам сделает соответствующие выводы после их прочтения.

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

«Московский центр»

По директиве из Парижа в 1926 году возник так называемый «Московский центр», в функции которого входит задача объединения вредительской деятельности контрреволюционных организаций, действовавших в отдельных отраслях промышленности. Кроме того, ему была поручена наиболее ответственная и наиболее опасная часть подрывной работы – связь с границей, передача шпионской информации, получение денежных средств, очередных установок и инструкций.

В состав «Московского центра» вошли Рабинович, Скорутта, Именитов и ряд других лиц. Этот «центр» ставил перед собой как основную задачу привести крупную промышленность в такое состояние, чтобы советское правительство было вынуждено сдать ее в концессию иностранцам, что рано или поздно привело бы к капитуляции перед иностранным капиталом.

Органам ОГПУ удалось ликвидировать «Московский центр» раньше, чем он сумел развить работу в широком масштабе.

Деятельность «Инженерного центра»

В 1929 году органами ОГПУ одна за другой были раскрыты вредительские организации в военной, текстильной, золотой, нефтяной, химической, судостроительной и других отраслях промышленности.

Уже данные следствия по шахтинскому процессу («Московский центр») указывали на наличие единого руководящего центра всей вредительской работы. Материалы следствия по делу других вредительских организаций окончательно убедили следственные органы в существовании подобного «центра». Летом 1930 года этот объединенный вредительский центр, так называемый «Инженерный центр», был разоблачен ОГПУ и ликвидирован.

Инициатором, вдохновителем и основным организатором «центра» являлся П. А. Пальчинский, бывший «диктатор» Петрограда накануне Октябрьской революции. Кроме общего руководства работой всей вредительской организации, он ведал вопросами военными, финансовыми и заграничной связью. Другими членами «центра» являлись инженер Хренников (металлургия), профессор Рамзин (энергетика и топливо), профессор Чарновский (металлургия и машиностроение), инженер Ларичев (нефть), инженер Федотов (текстильная промышленность) и др.

Вначале руководящая тройка состояла из Пальчинского, Рабиновича и Хренникова. После ареста первых двух был создан своего рода «центральный комитет» в составе Хренникова, Калининкова, Рамзина, Ларичева, Федотова и Чарновского. В связи с арестом Хренникова роль главы «центрального комитета»

перешла к Рамзину. Каждый из членов «центра» возглавлял вредительскую организацию в представляемой им отрасли промышленности.

В своей подрывной деятельности «Промпартия» была тесно связана через «Торгпром» с зарубежными организациями русской буржуазии, а также с кругами иностранного капитала – французского, английского, польского.

«Промпартия» и «Торгпром» ориентировались на Францию, поскольку в тот период французский империализм являлся главным организатором антисоветского блока и интервенции.

Основную ставку «Промпартия», как того требовал французский империализм, делала на интервенцию. Ее идейным вдохновителем в этом вопросе был «Торгпром», и по подготовке интервенции между ними существовало известное разделение труда.

«Торгпром вел всю внешнюю подготовку интервенции, а именно: все переговоры с иностранными правительствами... проводил за границей агитацию и пропаганду интервенции, должен был изыскать средства для ее финансирования, а также брал на себя и организацию военной ее части... Промпартия же проводила внутреннюю подготовку интервенции в СССР путем искусственного создания и углубления экономических кризисов и всевозможной помощи интервенции изнутри». (Из показаний Рамзина.)

Осуществление интервенции намечалось силами Польши, Румынии, лимитрофов и остатков белогвардейских армий. Франция брала на себя руководство антисоветским блоком, снабжение вооружением и снаряжением и в небольшой части вооруженными силами. Англия обещала послать в Балтийское и Черное моря свой флот. Средства на интервенцию предполагалось получить от французского и английского правительств, от нефтяных

концернов, в частности от Детердинга, и из других источников.

Срок интервенции намечался на лето 1930 года или, в крайнем случае, 1931 год. Об участии в интервенции велись переговоры также с германской буржуазией...

Комментарий Александра Севера:

«Многие уверены, что в Советском Союзе всерьез о войне заговорили лишь в конце тридцатых годов прошлого века, когда Адольф Гитлер, с молчаливого согласия Запада, начал стремительное расширение территории Третьего Рейха. На самом деле за несколько лет до аншлюса Австрии, Мюнхенского сговора и нападения Германии на Польшу Советский Союз находился на грани войны с группой европейских стран.

Великая Отечественная война могла начаться не 22 июня 1941 года, а, например, 1 июня 1932 года. В роли агрессора выступила бы не Германия, а союз западноевропейских стран во главе, например, с Великобританией. А союзником Москвы стали бы... Берлин, Рим и Токио.

Это один из вариантов альтернативной истории. На первый взгляд звучит абсурдно, но если проанализировать все нюансы внешней политики Европы по отношению к Советскому Союзу в двадцатые – тридцатые годы прошлого века, то такой сценарий развития событий реален. Другое дело, что европейские страны так и не смогли договориться между собой и создать единый фронт, сначала против Москвы, а потом и против Берлина. Результат всем известен. История не терпит сослагательного наклонения, поэтому вернемся к тому, что случилось.

Система международных отношений, сложившаяся в двадцатые годы прошлого века на основе Версальского мира и деятельности Лиги Наций, предохраняла СССР, хотя и не слишком надежно, от военного столкновения с Западом. Укреплению безопасности СССР способствовал и выход из внешнеполитической изоляции посредством

установления дипломатических и консульских отношений со всеми европейскими странами, в том числе с теми, где обосновалась русская белогвардейская эмиграция. Промышленно-финансовые круги Запада были заинтересованы в освоении необъятного российского рынка и потому сквозь пальцы смотрели на подрывную деятельность Коминтерна, морально и материально поощрявшего деятельность экстремистских политических группировок во всем мире, на несущиеся из Москвы призывы к мировой пролетарской революции, международной солидарности трудящихся и т. п.

По мере восстановления в СССР разрушенной Первой мировой и Гражданской войнами экономики и, следовательно, оборонно-промышленного потенциала Запад начал предпринимать усилия по укреплению обороноспособности граничащих с СССР государств. Фактически речь шла о создании «санитарного кордона». Правительства большинства восточноевропейских государств не только не возражали против такой перспективы, но и всячески поддерживали ее. Ведь они мечтали принять активное участие в разделе территории Советского Союза, когда начнется война. Сейчас мы наблюдаем аналогичную картину. Если в годы «холодной войны» Советский Союз от стран – членов НАТО отделяла территория Восточной Европы, то сейчас только государственная граница.

Уже в середине двадцатых годов прошлого века против СССР начал формироваться военно-политический блок, вошедший в историю под именем «Малая Антанта» (Польша, государства Прибалтики, Румыния и Финляндия). При условии поддержки этого блока в случае пограничного или иного конфликта «Большой Антантой» (Англией, Францией и США) СССР действительно попадал в чрезвычайную военно-политическую ситуацию, многократно осложненную

возрастающей вероятностью возобновления при затяжной или неблагоприятной внешней войне внутренней гражданской войны.

Другое дело, что в силу множества причин члены двух Антант не только не смогли согласовать свои военные и политические планы в отношении Советского Союза, но и даже договориться внутри каждого из «блоков». Так, ближайшие соседи СССР – члены «Малой Антанты» не имели общего стратегического и оперативного плана (на уровне генеральных штабов) внезапного нападения и разгрома «первого в мире социалистического государства». А у Великобритании не было общей с СССР сухопутной границы, и оно не договорилось ни с одной из соседок Советской России о пропуске своих войск. Это стало одной из причин того, что Великая Отечественная война не началась в 1930 году. Хотя для этого были все предпосылки. Ведь в Советском Союзе в конце двадцатых годов прошлого века имелось огромное количество народа, кто поддержал бы западных агрессоров. Вот только об этом большинство историков предпочитают не вспоминать.

Вернемся к рассказу Петра Фролова».

...Исходя из установленных сроков начала интервенции, «Промпартия» и строила всю свою вредительскую работу, подготавливая разгар внутреннего кризиса к 1930 году.

Для обеспечения скорейшей интервенции «Промпартия» дала согласие через своих руководящих «деятелей» на уступку ряда территорий СССР в пользу Англии, Польши и, в случае успеха интервенции, на удовлетворение финансовых и концессионных притязаний Франции.

«Интервенция должна была начаться выступлением Румынии под предлогом придирки, например, к пограничному инциденту с последующим формальным

объявлением войны Польшей и выступлением лимитрофов...

Общий план сводился к комбинированному двойному удару: главный – на Москву и вспомогательный – на Ленинград, с движением южной армии, опираясь на правый берег Днепра». (Из показаний Рамзина.)

Стремясь максимально помочь намечаемой на 1930 год интервенции, вредители из «Промпартии» разработали план подрывной работы во всех основных отраслях народного хозяйства СССР. Главный упор был на срыв топливоснабжения и дезорганизацию металлопромышленности. Всячески задерживалось развитие местного топлива, в особенности торфа и подмосковного угля.

В нефтяной промышленности вредители наметили также задержку добычи, нефтеразведок и строительства крекинг-установок в целях сокращения выхода экспортного бензина. Тормозилась выплавка чугуна и срывался выпуск проката. Вредители стремились создать диспропорцию между производством и потребностью в металлоизделиях. Задерживалась постройка новых металлзаводов, новых цехов и коксовых установок.

В области энергетики была взята линия на срыв электроснабжения наиболее важных пунктов – Москвы, Ленинграда, Донбасса, Кузбасса. Это достигалось путем нерационального проектирования новых электростанций, требования заграничного оборудования и растягивания сроков постройки электростанций.

На железнодорожном транспорте было намечено задержать развитие провозоспособности основных направлений, имеющих стратегическое значение, в особенности на Восток; максимально ухудшить использование подвижного состава и, в частности,

паровозов; замедлить развитие водного транспорта и нефтеналивного флота.

Враги проектировали также задержать развитие текстильной промышленности: срывать строительство новых фабрик, недостаточно использовать средства, отпускаемые на реконструкцию существующих предприятий, тормозить введение новых текстильных материалов и создавать диспропорции между полуфабрикатами.

Аналогичные вредительские планы были составлены и для остальных отраслей промышленности. Основная общая директива «Промпартии» для вредительства во всех отраслях народного хозяйства сводилась прежде всего к сокращению темпа их развития. Таким путем «Промпартия» надеялась к 1930 году вызвать в стране общий экономический кризис, который в сочетании с неизбежными трудностями при проведении коллективизации и значительными продовольственными затруднениями должен был, по их расчетам, вызвать недовольство широких народных масс и привести к краху советской власти.

Вредители и британская разведка

В конце 20-х годов британская разведка «Интеллидженс сервис» для проникновения на территорию СССР и организации здесь новых шпионско-вредительских центров использовала представительства английских концессионных и прочих фирм. «Служащие» этих фирм набирались из числа агентов «Интеллидженс сервис», проходивших «стаж» разведывательной работы в России еще в дореволюционные годы и в годы Гражданской войны.

В 1929 году был раскрыт шпионско-вредительский центр в английской концессионной фирме «Лена – Гольдфильдс». Ряд ответственных служащих концессий, английских и советских подданных занимались экономическим и политическим шпионажем. Шпионская деятельность этой контрреволюционной группы стала особенно интенсивной с момента разрыва английскими «твердолобыми» дипломатических отношений с СССР.

Наряду со шпионажем контрреволюционная группа, по заданию английских капиталистов (главным образом Уркварта), стремилась получить монополию на добычу и производство цветных металлов во всем Советском Союзе с целью разрушить, дезорганизовать советскую цветную металлургию. Этим путем английский империализм надеялся подорвать обороноспособность нашей страны и облегчить интервенцию.

Когда посягательства иностранного капитала на богатства Советского Союза были отвергнуты нашим правительством, контрреволюционная группа переходит к активному вредительству.

По заданию группы в 1929 году был совершен поджог новой обогатительной цинко-свинцовой

фабрики Риддеровского комбината. В целях вредительски-хищнического использования недр геологи концессии «Лена – Гольдфильдс» определяли запасы металла в отведенных им месторождениях в гораздо меньших размерах, чем они были в действительности. На сданных в концессию полиметаллических и золотых приисках были сильно развиты хищнические приемы добычи и вредительство.

Вся хозяйственная и техническая политика фирмы «Лена – Гольдфильдс» на переданных ей в эксплуатацию предприятиях была направлена к развалу и разрушению этих предприятий. В конце концов правительство СССР расторгло договор с фирмой «Лена – Гольдфильдс», а еще ранее разоблаченные вредители и шпионы этой шайки предстали перед пролетарским судом.

Подрывную работу английской разведки в годы первой пятилетки наиболее ярко характеризует дело о вредительстве на электрических станциях. На этот раз вредительством занималась группа английских разведчиков, проникших в СССР под видом инженеров, техников и монтажников английской фирмы «Метро – Виккерс».

Один из арестованных по этому делу, английский инженер Макдональд, на судебном следствии показал:

«Разведывательная деятельность, проводимая в СССР под прикрытием фирмы «Метро – Виккерс», руководилась Торнтоном, работавшим в Москве в представительстве фирмы в должности главного монтажного инженера. Возглавлял представительство Монкгауз, который также участвовал в этой нелегальной деятельности Торнтонна. Разъездным помощником Торнтонна и участником шпионской работы являлся инженер Кушни, офицер английской армии, ныне инженер фирмы «Метро – Виккерс». Это –

основная группа разведчиков, занимавшаяся шпионской деятельностью в СССР».

Руководил этой группой директор общества «Метро – Виккерс» Ричардс, участвовавший в 1918 году в английском десанте на севере. Тогда он был в чине капитана отряда секретной полиции. О своих взаимоотношениях с Ричардсом главный представитель «Метро – Виккерс» в СССР Монкгауз показал следующее:

«С Ричардсом я встречался в 1917 году в Москве и затем в 1918 году в Архангельске, где он, как я утверждаю, служил в качестве капитана «Интеллидженс сервис».

С 1923 года он (Ричардс) получил назначение директором экспортного общества «Метро – Виккерс», и после этого он в том же году выехал в Москву для переговоров о поставках для переоборудования».

Торнтон привлек к шпионско-вредительской деятельности ряд инженеров и низших технических служащих на государственных районных электрических станциях СССР (Златоустовской, Челябинской, Ивановской, Бакинской, Московской и др.). В большинстве своем это были антисоветски настроенные люди и в прошлом активные враги советской власти.

Вредительские и шпионские группы, созданные под руководством Торнтонна, готовили диверсионные акты и занимались вредительством, а также собирали секретные сведения экономического, военного и политического характера.

Английскую разведку особенно интересовала оборонная промышленность, в частности работа златоустовских заводов. Английский шпион Макдональд в связи с этим показал:

«Гусев имел от меня поручение собирать и собирал систематически секретные сведения по следующим вопросам:

1) о работе военных цехов механического и металлургического заводов; сюда входили: производственная мощность снарядных цехов, количество выпускаемых снарядов, их типы и прочие моменты;

2) о расширении военных цехов;

3) данные о выпуске специальных сталей, идущих на военные заводы для производства вооружений;

4) энергоснабжение заводов и вопросы, связанные с бесперебойной работой военных цехов».

Кроме того, давались задания устраивать аварии, могущие вызвать перебои в работе оборонных заводов. Об одной из этих аварий обвиняемый Гусев показал:

«Я получил задание от Макдональда произвести порчу мотора крупносортового стана прокатного цеха металлургического завода с целью приостановить выпуск снарядов и снарядные заготовки. Я это выполнил. Мотор был выведен из строя, и снарядные цехи не работали полтора месяца».

Однако главный удар английская разведка намечала в момент возникновения войны. Шпионам и вредителям предлагалось при объявлении войны совершать аварии в самых ответственных пунктах – в котельном хозяйстве и углеподаче. Это повлекло бы срыв работы военных производств.

Разгром шайки шпионов и вредителей из «Метро – Виккерс» нанес английской разведке большой урон. Из состава агентов «Интеллидженс сервис», орудовавших в СССР, было 27 человек. Немудрено, что вся английская буржуазная печать подняла в связи с этим неистовый вой. Английское правительство стало на путь угроз и нажима по отношению к СССР, стремясь заставить советское правительство отказаться от суда над уличенными и сознавшимися английскими шпионами. Но советское правительство не испугалось этих угроз. В апреле 1933 года английские шпионы

предстали перед Особым присутствием Верховного
Суда СССР и понесли заслуженное наказание.

Вредители в системе снабжения

ОГПУ раскрыло еще одну контрреволюционную вредительскую и шпионскую организацию, которая стремилась создать в стране голод, вызвать недовольство среди широких рабочих масс и этим содействовать свержению советской власти. Вредительская организация имела свои разветвления в «Союзмясе», «Союзрыбе», «Союзконсерве», «Союзплодоовощи» и в аппарате Наркомторга.

Вредительскую организацию возглавляли профессор Рязанцев, в прошлом помещик и царский генерал, и профессор Каратыгин ^{1}, до революции редактор «Торгово-Промышленной газеты». Участники контрреволюционной организации были в своем большинстве дворяне, бывшие фабриканты и промышленники, царские офицеры, кадеты и меньшевики.

Возникла она приблизительно в конце 1924 года по инициативе английской разведки.

Представитель английской мясной фирмы «Унион» Фотергил в 1924 году по приезде в Москву установил связь с Рязанцевым, которого знал давно. До революции фирма «Унион» имела в России свои холодильники, а при советской власти хотела получить в концессию бэконное производство. После нескольких встреч с Рязанцевым Фотергил предложил ему создать контрреволюционную вредительскую организацию, которая путем разрушения мясной и холодильной промышленности боролась бы с советской властью. Получив согласие Рязанцева, Фотергил передал ему 10 тыс. фунтов стерлингов на расходы.

В состав вредительской организации Рязанцев привлек ряд работников из заготовительно-

снабженческих организаций. Особенно активную работу вредители развернули с 1927 года. Наиболее интенсивно они действовали в мясной промышленности, рассматривая ее как самое уязвимое место в снабжении населения продовольствием. Вредительская организация в «Союзмясе» ставила перед собой следующие цели:

- 1) расстроить сырьевые базы в основных районах ското- и мясозаготовок;
- 2) создать периодические кризисы на мясном рынке;
- 3) дезорганизовать снабжение мясом пролетарских центров;
- 4) замедлить и сорвать техническую реконструкцию мясной промышленности;
- 5) расстроить все виды производства мясной промышленности.

В результате преступной деятельности Рязанцева и его сподручных на протяжении 1927-1930 годов был нанесен немалый ущерб Советскому государству и в значительной мере осложнено продовольственное положение страны.

Самым крупным вредительским актом являлся периодический перезавоз мяса и скота в Москву и Ленинград. Например, в октябре 1928 года на московских загонных дворах скопилось около 12 тысяч голов крупного рогатого скота, в то время как нормально эти дворы рассчитаны на 4-5 тысяч голов максимум. Скопившийся скот размещался на территории всей бойни, стоял на открытом воздухе (без навеса), под дождем и в совершенно неприемлемых условиях, так как бойни не справлялись даже с очисткой дворов и вывозом навоза. При таких условиях содержания скота среди него развивались болезни, особенно ящур, от которого скот быстро и сильно худел.

Перевозимое мясо портилось. Были случаи, когда мясо вагонами уничтожалось или направлялось на

утилизацию.

«Чудовищное и внезапное скопление большого количества скота на станциях влекло за собой массовый падеж, расстройство боевого дела и порчу продукции, что, по существу, ничем не отличалось от недоснабжения». (Из показаний вредителя Левандовского.)

Чтобы вызвать недовольство и возмущение трудящихся, вредители создавали затруднения со снабжением в предпраздничные дни.

По этому поводу вредитель Дроздов на следствии показал: «В целях срыва мясоснабжения Москвы в октябрьские торжества в 1927-1928 годах Левандовский и Дардык дали на места распоряжение сократить подвоз скота в Москву под видом сокращения мясозаготовок из-за уменьшения заготовительных цен... В результате этого в Москве не хватило мяса».

В своих действиях вредители всячески поддерживали частника, создавая ему более благоприятные условия при кредитовании, заготовках и т. д. по сравнению с обобществленным сектором. Таким путем вредители пытались ослабить позиции государства в мясном деле, «чтобы государство ушло из мясного дела, передав этот рынок частному капиталу». (Из показаний Левандовского.)

В рыбной промышленности вредительскую организацию возглавлял заместитель заведующего отделом рыболовства Наркомзема СССР Казаков, в прошлом крупный чиновник министерства земледелия. Оформилась «рыбная» организация в 1926 году. Путем приуменьшения и срыва планов добычи рыбы, срыва капитального строительства и ряда других мероприятий вредители стремились усилить продовольственные затруднения в СССР, одновременно создавая все условия для развития частного сектора.

Вредители-«рыбники» были связаны с иностранным капиталом, в частности с фирмой «Бр. Ванецовы», находящейся в Берлине. Вредительская организация получала средства из различных источников. Часть денег поступала от сдачи в аренду промыслов частникам, часть – от иностранных фирм и по сделкам с иностранными покупателями рыбоикорной продукции.

Вредитель Арцыбушев и другие составили на 1929 год явно приуменьшенный план улова с целью содействовать увеличению удельного веса частного сектора. В качестве предпосылки к составлению уменьшенного задания вредители распространили версию об истощении запасов рыбы. Под сокращение улова сельди была подведена «научная теория», связывающая уменьшение уловов с... расположением солнечных пятен! В результате уменьшения планового задания на 1929 год было законсервировано значительное количество промыслов.

В 1930 году вредители несколько изменили свою тактику и, не уменьшая плановых наметок (в силу наличия твердого правительственного задания), сосредоточили внимание на срыве строительства, процессов механизации лова и обработки рыбы. В результате план в 1930 году был значительно невыполнен.

Используя свою поездку в Осло (Норвегия) для участия в работах советско-норвежской паритетной комиссии, главарь вредительской организации Казаков на обратном пути заехал в Берлин, где встретился с упомянутым выше Ванецовым. Ванецов дал Казакову ряд директив, в частности «продолжать всемерную задержку в прохождении планов и проектов строительства, обратив особое внимание на задержку с постройкой судов, предполагаемых для лова сельди на Дальнем Востоке, а также плавучих крабоконсервных заводов». Со своей стороны, Ванецов обязался

организовать порчу советских судов во время нахождения их в японских портах.

В отношении ловецкого промысла Ванецов предложил путем извращения директив коммунистической партии по проведению коллективизации способствовать «росту недовольства ловецкой массы не только в лице единоличников, но и колхозников». Наконец, был обсужден вопрос о финансировании вредителей. Ванецов указал «на возможность пересылки денег через одно иностранное посольство. Между нами было условлено, что указанная выше сумма (25 000 рублей. – *Прим. авт.*) будет переслана в Москву именно этим путем». (Из показаний Казакова.)

Вредительство в консервной промышленности шло по двум направлениям. С одной стороны, задерживалось проектирование новых консервных предприятий, причем проектировка шла с заведомо сниженной производительностью предприятий, без полного учета сырьевых возможностей. С другой стороны, на существующих консервных заводах выпускалась недоброкачественная продукция. Вредитель Соколов, несмотря на запрещение правления «Союзмясо», выпускал на Троицком мясокомбинате мясные консервы из требухи, губ, небного мяса и т. п.

Упомянутый Соколов, рассказывая в феврале 1930 года вредителю Куранову (зав. консервным отделом «Союзмясо») о налаженном выпуске недоброкачественных консервов, говорил: «Ничего, съедят товарищи и это. Посмотрите, в августе и это будут просить, да не станет». На это Куранов ему ответил: «У вас на Урале еще ворон да белок непочатый край, накормим». Таков звериный облик этих мерзавцев!

Тот же Соколов, говоря о фактах вредительства в консервном производстве на Троицком комбинате,

показал на следствии, что он допустил производство консервов, в которых попадалась грязь, требуха, глазное яблоко, волос, зубы и т. п. Консервы выпускались без достаточной выдержки их в термостате.

Вредительство было организовано и в других отраслях пищевой промышленности: плодоовощной, сахарной, маслобойной, крахмало-паточной, винокуренной, кондитерской, пивоваренной.

В результате вредительского сокращения посевных площадей свеклы была снижена выработка сахара. В области овощей установка вредительской организации заключалась:

«1. В срыве заготовок плодоовощей и совершенно недостаточном их подвозе из производящих районов в потребляющие, главным образом в промышленные центры (Москва, Ленинград).

2. В затяжке строительства хранилищ и перерабатывающих предприятий, что влекло за собой неполную обеспеченность крупных рабочих центров овощами и их порчу». (Из показаний вредителя Романовского.)

В результате вредительства, говорил Романовский, «заготовки были поставлены умышленно безобразно, не обеспечивались тарой, отчего портились овощи; кроме того, также умышленно бессистемно производился подвоз овощей, т. е. то ничего не подвозилось, то сразу скопилось громадное количество овощей, которые... в плохой таре подвергались массовой порче».

Все вредительские организации, орудовавшие в пищевой промышленности и органах снабжения и распределения, стремились создать затруднения в снабжении продовольствием крупнейших городов и рабочих районов с целью вызвать недовольство среди населения.

Вредители сорвали капитальное строительство ряда плодоовощных комбинатов, сушильных заводов и овощехранилищ.

Преступная деятельность агентов иностранных разведок и мировой буржуазии, пытавшихся задушить нашу страну в тисках голода, была разоблачена и в корне пресечена карательными органами советской власти. По приговору коллегии ОГПУ 48 вредителей были расстреляны...

Заключение

После прочтения рукописи Петра Фролова я позвонил его дочери. Телефонную трубку снял ее сын. Узнав, кто звонит, он сообщил телеграфным стилем: мама умерла две недели назад во время операции; рукопись я могу использовать по своему усмотрению, как сочту нужным; о жизни деда он ничего не знает и не хочет обсуждать данную тему; больше сюда звонить не надо...

Несколько минут я слушал короткие гудки. Затем медленно опустил трубку на рычаг. Дочь автора рукописи была единственным человеком, кто мог ответить хотя бы на часть накопившихся у меня вопросов. Теперь ответы на них мне предстояло отыскать самостоятельно и разгадать все тайны человека, которого я называл в данной книге Петром Фроловым.

Александр Север

---

notes

Примечания

1

Речь идет о книге «Берия. Маршал с Лубянки».

2

Имя вымышленное.

Великанов Н. Измена маршалов. М., 2008. С. 282–283.

Золотарев В. Прозрение чекиста Люшкова. // В мире спецслужб. 2004 год. Май. № 3.

Золотарев В. Прозрение чекиста Люшкова. // В мире спецслужб. 2004 год. Май. № 3.

Катунцев В., Коц И. Инцидент. // Родина. 1989 год.
№ 6-7.

Родилась в 1909 году в населенном пункте Ставрополь на Северном Кавказе.

Безнасюк А., Звягинцев В. Трибунал. Арбат, 37. М., 2006. С. 405–407.

Там же. С. 406.

Блохин имел в виду выражение «пишет как курица лапой».

Отдел технического контроля – самостоятельное подразделение производственной организации, которое осуществляет независимый контроль соответствия продукции установленным требованиям и гарантирует это соответствие потребителю. Отдел технического контроля подчиняется высшему руководству организации, что обеспечивает независимость контроля.

Речь идет о пословице «Не рой другому яму, сам в нее попадешь».

Макаревич Э. Оазисы чувствительности под надзором спецслужб // Журналист. 2003 год. Ноябрь. № 11.

Поскребышев Александр Николаевич (7 августа 1891 – 3 января 1965) – генерал-майор, видный государственный, политический и партийный деятель СССР. Член РСДРП(б) с марта 1917 года. Заведующий особым сектором ЦК (Секретариат Сталина, 1928–1952 годы).

Косарев Александр Васильевич (14 ноября 1903, Москва – 23 февраля 1939) – советский государственный и партийный деятель 1920-х–1930-х годов, руководитель Всесоюзного Коммунистического Союза Молодежи.

Эйхе Роберт Индрикович (31 июля 1890, усадьба Авотыни Добленского уезда Курляндской губернии – 2 февраля 1940, Москва) – советский государственный и партийный деятель, революционер. С 1929 года – 1-й секретарь Сибирского крайкома ВКП(б), с 1930 года – Западно-Сибирского крайкома ВКП(б). В 1937 году Эйхе был назначен наркомом земледелия СССР и избран депутатом Верховного Совета СССР.

Шмидт Отто Юльевич (18 (30) сентября 1891, Могилев, Российская империя – 7 сентября 1956) – советский математик, астроном, исследователь Севера. Герой Советского Союза (1937).

Павлюков А. Ежов. Биография. М., 2009. С. 489.

Аркус Григорий Моисеевич. Родился в 1896 году в Двинске. Член партии с 1918 года. В 1934–1936 годах – заместитель председателя правления Госбанка СССР. Арестован 10 июля 1936 года. Расстрелян 4 сентября 1936 года в Москве. Посмертно реабилитирован.

Макаревич Э. Оазисы чувствительности под надзором спецслужб. // Журналист. 2003 год. Ноябрь. № 12.

Шенталинский В. Охота в ревзаповеднике. // Новый мир. 1998 год. № 12.

Шенталинский В. Охота в ревзаповеднике // Новый мир. 1998 год. № 12.

Шенталинский В. Охота в ревзаповеднике // Новый мир. 1998 год. № 12.

Павлюков А. Неизвестный роман Шолохова. // Огонек. 2007 год. 26 февраля – 4 марта. № 9.

25

Там же.

Шенталинский В. Охота в ревзаповеднике // Новый мир. 1998 год. № 12.

Шенталинский В. Охота в ревзаповеднике // Новый мир. 1998 год. № 12.

Заявление арестованного Н. Е. Ежова в Следственную часть НКВД СССР 24 апреля 1939 года // Цит. по: *Петров Н., Янесен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008. С. 365–366.

Осинин-Винницкий Григорий Маркович. Родился в 1899 году. В конце двадцатых годов занимал пост начальника секретно-политического отдела Харьковского областного отдела ГПУ УССР. Расстрелян 16 января 1940 года.

Итоговая трансформация // Ошибка! Закладка не определена.12/13/4504.html

Север А. Антикоррупционный комитет Сталина. М., 2009. С. 15–16.

Колесников Н. Судьба адмирала Щастного // Красная звезда, 2002 год, 18 мая; *Соколов Б.* Политические даты // Политический журнал, 2004 год, 21 июня.

Опубликованы ниже.

Судебный отчет по делу антисоветского
троцкистского центра. М., 1937. С. 10-23.

Судебный отчет по делу антисоветского
троцкистского центра. М., 1937. С. 158-165.

Купцов А. Г. Был ли красный террор?: полемика на заданную тему. М., 2006. С. 67–69.

Север А. Спецназ КГБ. Гриф секретности снят! М., 2008. С. 93–94.

Соломон (Исецкий) Г. А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 306–312.

Которниченко В. Н. К вопросу о национализации отечественной нефтяной промышленности в 1918 г. // Экономическая история. Обозрение. Вып. 10. М., 2005. С. 92.

40

Там же.

Соломон (Исецкий) Г. А. Среди красных вождей. М., 1995. С. 245-247.

Соломон (Исецкий) Г. А. Указ. соч. С. 265–266.

Там же. С. 269-271, 275-276.

Соломон (Исецкий) Г. А. Указ. соч. С. 295.

Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. М., 2003. С. 148-152.

Записка А. М. Шанина И. В. Сталину с приложением записки В. А. Балицкого об «экономической контрреволюции» в Донбассе. 27 апреля 1928 года // Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 – декабрь 1936 года. М., 2003. С. 158–161.

Каратыгин Евгений Сергеевич (1872–1930) – российский ученый-экономист, профессор. Закончил курс наук в Санкт-Петербургском университете по естественно-историческому отделению физико-математического факультета. Сотрудничал в изданиях: «Деревня», «Наше Хозяйство», «Сельский Вестник», «Торгово-Промышленная Газета», «Вестник Финансов», «Русское Экономическое Обозрение». Отдельные статьи и заметки помещал также в «Хозяине», «Земледельческой Газете» и «Энциклопедии Сельского Хозяйства» А. Ф. Девриена. Работал с 1895 года в редакциях периодических изданий министерства финансов. Основатель и редактор журнала «Молочное Хозяйство» (с 1902). Редактор журналов «Деревня» и «Крестьянское Хозяйство» (с конца 1905). До Октябрьской революции 1917 года высокопоставленный чиновник министерства финансов. В 20-е годы главный редактор «Торгово-Промышленной Газеты», затем редактор «Финансовой газеты». В 1930 году арестован ОГПУ по обвинению в руководстве так называемой «организацией вредителей рабочего снабжения», на которую возлагалась вина за плохое обеспечение населения СССР продуктами питания. Расстрелян.